This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PROPERTY OF
University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

PROPERTY OF
University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

891.78
S546
1894

V. 1

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

1857 г.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

1861 г.

105а-2.13108

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Аѳанасій Аѳанасьевичъ Фетъ родился 23 ноября 1820 года въ Новоселкахъ (прежде Козюлькино), деревнѣ въ семи верстахъ отъ Мценска на рѣкѣ Зушѣ. Отецъ его, ротмистръ въ отставкѣ, Аѳанасій Неофитовичъ Шеншинъ, принадлежалъ къ старому и обширному роду Шеншиныхъ, различные члены котораго владѣли половиною всего Мценскаго уѣзда, и былъ богатымъ помѣщикомъ, жившимъ въ деревнѣ, такъ что поэтъ выросъ исключительно подъ вліяніемъ тогдашняго помѣщичьяго быта. Фамилія Фета произошла слѣдующимъ образомъ. Аѳанасій Неофитовичъ во время своего пребыванія въ Германіи въ 1819 г. женился въ Дармштадтѣ на г-жѣ Шарлоттѣ Фетъ (Foeth), дочери оберъ-кригсъ-коммисара К. Беккера, носившей фамилію Фетъ по своему первому мужу, съ которымъ она развелась и отъ котораго имѣла дочь [1]). Первымъ плодомъ брака А. Н. Шеншина былъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ, который до 14 лѣтъ своего возраста и писался Шеншинымъ, но потомъ долго носилъ фамилію своей матери, такъ какъ

[1]) Каролину Петровну Фетъ, бывшую потомъ замужемъ за А. П. Матвѣевымъ, ректоромъ Кіевскаго Университета.

обнаружилось, что лютеранское благословеніе на бракъ [1]) не имѣло у насъ законной силы, а православное вѣнчаніе было совершено послѣ его рожденія. Изъ слѣдовавшихъ затѣмъ дѣтей, два брата и двѣ сестры Шеншиныхъ были постоянными членами семьи, въ которой росъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ.

Въ его памяти сохранялись съ большою яркостью событія и картины дѣтства, проведеннаго въ Новоселкахъ. Главное вліяніе имѣли два лица: мать,—языкъ которой, наравнѣ съ русскимъ, сталъ роднымъ языкомъ ребенка, и дядя Петръ Неофитовичъ, воспріемникъ матери, по которому она звалась Елизаветой *Петровной*, чрезвычайно любившій своего старшаго племянника, большой почитатель поэзіи и исторіи. Случайно попалась мальчику тетрадка съ переписанными поэмами „Кавказскій Плѣнникъ“ и „Бахчисарайскій Фонтанъ“; онъ съ величайшимъ наслажденіемъ выучилъ наизусть эти поэмы, и приводилъ ими въ восторгъ своего дядю.

Особенное положеніе въ семьѣ, по которому онъ не могъ носить фамилію своего отца, имѣло огромное значеніе въ жизни Аѳанасія Аѳанасьевича. Ему приходилось выслужить себѣ тѣ дворянскія права, въ которыхъ онъ не былъ утвержденъ отчасти по случайности, отчасти по своеобычности отца, запустившаго это дѣло. По этому онъ постарался кончить курсъ въ университетѣ и потомъ принялся ревностно служить.

До 14 лѣтъ онъ жилъ и учился дома, въ Новоселкахъ. Затѣмъ онъ былъ отвезенъ въ пансіонъ Крюм-

---

[1]) См. *Мои воспоминанія.* 1848—1889 г. А. Фета, 2 части. Москва 1890. ч. II, стр. 275.

мера въ городѣ Верро, въ Лифляндіи, гдѣ провелъ три года. Въ 1837 г. его перевезли въ Москву и помѣстили въ число молодыхъ людей, жившихъ у М. П. Погодина, нашего извѣстнаго историка. Чрезъ полгода онъ поступилъ въ университетъ, сперва на юридическій факультетъ, но уже черезъ нѣсколько недѣль перепросился на филологическій, на которомъ и кончилъ курсъ въ 1844 году дѣйствительнымъ студентомъ.

Московскій Университетъ находился въ это время въ самой блестящей своей порѣ. Въ числѣ профессоровъ были Шевыревъ, Грановскій, Крюковъ, Крыловъ, Рѣдкинъ; Шевыревъ сталъ почитателемъ и покровителемъ поэта. Въ числѣ товарищей были Аполлонъ Григорьевъ, Я. П. Полонскій, К. Д. Кавелинъ, В. А. Черкасскій и др. Почти все студентское время Аѳанасій Аѳанасьевичъ прожилъ въ семьѣ Григорьевыхъ. Аполлонъ Александровичъ отъ начала сталъ его горячимъ поклонникомъ, собиралъ и подводилъ подъ особые отдѣлы его стихотворенія. Они уже тогда такъ высоко цѣнились, что ободренный похвалами поэтъ рѣшился издать свои произведенія отдѣльною книжкою: *Лирическій Пантеонъ А. Ф. Москва, 1840*, не имѣвшей, однако, никакого успѣха, хотя благосклонно встрѣченной журналами. Въ „Москвитянинѣ“ 1842 и слѣдующихъ годовъ нерѣдко помѣщались стихотворенія Фета, и А. Д. Галаховъ съ большою смѣлостію внесъ нѣкоторыя изъ нихъ въ свою „Хрестоматію“ (1843 г., первое изданіе). Наибольшее вліяніе на поэта имѣлъ Гейне, которымъ тогда зачитывалась молодежъ. Но нашъ поэтъ усвоилъ отъ Гейне только его чудесные художественные

пріемы, и безсознательно вкладывалъ въ нихъ совершенно иное содержаніе: свѣжее, радостное чувство красоты.

Новая полоса жизни началась для Аѳанасія Аѳанасьевича съ поступленіемъ въ военную службу. Въ 1845 году 21 апрѣля онъ былъ принятъ унтеръ-офицеромъ въ Кирасирскій *Военнаго Ордена* полкъ. Постепенно онъ былъ произведенъ въ корнеты (14 марта 1846), въ поручики (14 августа 1849) и штабъ-ротмистры (6 декабря 1851). Въ 1853 году 2 мая онъ былъ прикомандированъ къ Лейбъ-Гвардіи уланскому Его Величества полку, и 28 января 1854 года произведенъ въ поручики сего полка. Во время Крымской войны, въ 1854 г. (съ 8 марта по 7 октября) и въ 1855 г. (съ 16 апрѣля по 15 ноября), онъ находился въ составѣ войскъ, охранявшихъ берега Эстляндіи. Въ 1856 г. (23 іюня) уволенъ въ отпускъ, сперва на 11 мѣсяцевъ, а потомъ въ безсрочный и, наконецъ, 27 января 1858 года вышелъ въ отставку штабъ-ротмистромъ. Но дворянскихъ правъ ему не удалось достигнуть, такъ какъ чиновный цензъ на эти права все повышался по мѣрѣ того, какъ онъ подвигался по службѣ.

Время военной службы было второю яркою эпохою въ жизни Аѳанасія Аѳанасьевича. Много трудовъ и волненій, много радостей, строгая дисциплина службы, множество разнообразныхъ лицъ, успѣхи въ любви, въ дружбѣ, въ литературѣ,—всѣмъ была богата эта жизнь. И можно прямо сказать, что на Аѳанасіѣ Аѳанасьевичѣ до конца были ясно видны два отпечатка: стараго помѣщичьяго быта, съ его тонкою общительностью и изя-

ществомъ жизни, и военной службы николаевскихъ временъ, съ ея строгимъ пониманіемъ власти и обязанности.

Эти годы были расцвѣтомъ его поэтической дѣятельности. Уже въ 1850 онъ нарочно пріѣзжалъ въ Москву, чтобы напечатать сборникъ своихъ произведеній: *Стихотворенія А. Фета, Москва, 1850.* Книжка была встрѣчена въ литературѣ похвалами, даже восторженными, но расходилась плохо. За то журналы наперерывъ печатали стихи Аѳанасія Аѳанасьевича, и это приносило ему доходъ, не маловажный для его тогдашнихъ средствъ. Перейдя въ гвардію, онъ воспользовался въ Петербургѣ первымъ случаемъ, чтобы познакомиться съ кружкомъ *Современника*, Некрасовымъ, Панаевымъ, Дружининымъ, Лонгиновымъ, Анненковымъ, Гончаровымъ, М. А. Языковымъ и пр., и тутъ же встрѣтилъ прежнихъ своихъ знакомыхъ, Тургенева и В. П. Боткина. Позднѣе онъ познакомился у Тургенева съ Л. Н. Толстымъ, вернувшимся изъ Севастополя. Этотъ кружокъ высоко ставилъ нашего поэта; напримѣръ, Тургеневъ тогда писалъ ему однажды: „Что̀ вы мнѣ пишете о Гейне? Вы выше Гейне, потому что шире и свободнѣе его“ [1])—оцѣнка, въ которой много справедливаго. Во главѣ кружка стоялъ, конечно, Тургеневъ, и подъ его предсѣдательствомъ кружокъ рѣшилъ общими силами выбрать, очистить и красиво напечатать собраніе стихотвореній Аѳанасія Аѳанасьевича. Это и была книга: *Стихотворенія А. А. Фета, Спб. 1856.*

---

1) *Мои воспоминанія*, I, стр. 104.

Съ оставленіемъ военной службы совпадаетъ вторая и самая большая поѣздка за границу [1]) и женитьба. Въ Парижѣ, Аѳанасій Аѳанасьевичъ женился (16 авг. 1857) на Марьѣ Петровнѣ Боткиной, сестрѣ своего давнишняго почитателя и пріятеля, Василія Петровича Боткина. Послѣ женитьбы три года были проведены зимою въ Москвѣ, а лѣтомъ въ Новоселкахъ, принадлежавшихъ (по смерти Аѳанасія Неофитовича, 1855 г.) замужней сестрѣ Борисовой. Но оставаться безъ дѣла Аѳанасій Аѳанасьевичъ не могъ, и для него наступила пора новыхъ усилій. Съ согласія жены онъ рѣшился серіозно посвятить себя сельскому хозяйству и въ 1860 году купилъ за 20 тысячъ (изъ приданыхъ денегъ) *Степановку*, хуторъ съ 200 десятинъ земли, въ Мценскомъ уѣздѣ. Это было ровное голое мѣсто, гдѣ стоялъ небольшой домъ, только-что построенный и еще вовсе неотдѣланный, гдѣ не было ни рѣчки, ни дерева и росла лишь въ сторонѣ березовая рощица на трехъ десятинахъ. Тутъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ энергически принялся хозяйничать и жилъ 17 лѣтъ, лишь зимою наѣзжая не на долго въ Москву. Онъ отдѣлалъ домъ и расширилъ его пристройками, развелъ цвѣтники, насадилъ аллеи, выкопалъ пруды и колодцы, и, главное, усердно повелъ хлѣбопашество.

Къ этому времени относится его служба мировымъ судьею въ теченіи 10½ лѣтъ (1867 — 1877) [2]), его

---

[1]) Въ первый разъ онъ ѣздилъ за границу по выходѣ изъ университета, именно въ Дармштадтъ, за маленькимъ наслѣдствомъ, доставшимся его матери, и за своею сестрою Каролиной Петровной, переселявшейся въ Россію.

[2]) *Мои воспоминанія*, II, стр. 124.

статьи по вопросамъ о сельскихъ порядкахъ, очень рѣдкое писаніе стиховъ, которые тогда, какъ онъ убѣдился, уже не могли составлять для него какой-нибудь „матеріальной опоры“ [1]), и постепенное возрастаніе его имущества, достигшаго подъ конецъ той величины, которую можно назвать богатствомъ.

По Высочайшему указу 26 дек. 1873 года была наконецъ утверждена за Аѳанасіемъ Аѳанасьевичемъ отцовская фамиліи Шеншина, со всѣми связанными съ нею правами.

Въ 1877 году Аѳанасій Аѳанасьевичъ рѣшился бросить Степановку и купилъ за 105 тысячъ руб. Воробьевку, (такъ называемую Ртищевскую Воробьевку, по фамиліи давнишняго владѣльца) въ Щигровскомъ уѣздѣ Курской губерніи, на рѣкѣ Тускари, въ десяти верстахъ къ востоку отъ извѣстной Коренной Пустыни. Деревня Воробьевка стоитъ на лѣвомъ, луговомъ берегу рѣки, а господская усадьба на правомъ берегу, очень высокомъ. Каменный домъ окруженъ съ востока каменными же службами, а съ юга и запада огромнымъ паркомъ на 18-ти десятинахъ, состоящимъ большею частью изъ вѣковыхъ дубовъ. Мѣсто такъ высоко, что изъ парка ясно видны церкви Коренной Пустыни. Множество соловьевъ, грачи и цапли, гнѣздящіеся въ саду, цвѣтники, разбитые по скату къ рѣкѣ, фонтанъ, устроенный въ самомъ низу противъ балкона,—все это отразилось въ

---

[1]) Тамъ же, I, 314, 440. „Оскуденіе этого источника было причиною бѣгства въ Степановку“. Въ началѣ поселенія въ Степановкѣ были, однако, напечатаны Солдатенковымъ *Стихотворенія А. А. Фета.* 2 части, Москва, 1863.

стихахъ владѣльца, писанныхъ въ этотъ послѣдній періодъ его жизни.

Вообще, тутъ началась новая жизнь. Хозяйство, какъ на 850 десятинахъ, прилегавшихъ къ Воробьевкѣ, такъ и въ другихъ имѣніяхъ, велось управляющимъ, а самъ владѣлецъ, можно сказать, вернулся къ литературѣ. Кромѣ стихотвореній, внушенныхъ минутами вдохновенія, началась непрерывная работа переводовъ. Были переводимы: Шопенгауэръ (Міръ какъ воля), Гёте (Фаустъ), Овидій, Виргилій, Катуллъ, Тибуллъ, Марціалъ. Во всѣхъ этихъ трудахъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ подписывался Фетомъ, дорожа именемъ, которому онъ пріобрѣлъ такую громкую извѣстность, и какъ-будто твердо желая установить различіе между поэтомъ и человѣкомъ,—то различіе, которое часто было темой его разговоровъ. Подъ этимъ именемъ, принадлежащимъ къ самымъ драгоцѣннымъ именамъ нашей литературы, выпускается и настоящая книга.

Въ Воробьевскій періодъ были издаваемы собранія стихотвореній подъ заглавіемъ *Вечерніе Огни*, первая книга въ 1883 году, второй выпускъ въ 1885, третій въ 1888, четвертый въ 1891.

Въ 1881 году былъ купленъ въ Москвѣ, на Плющихѣ, небольшой домъ, и съ тѣхъ поръ установился тотъ обычный порядокъ жизни, въ которомъ она шла до конца. Зиму Аѳанасій Аѳанасьевичъ проводилъ въ Москвѣ, раннею весною, никакъ не позже 15 апрѣля, переѣзжалъ въ Воробьевку и оставался тамъ до послѣднихъ чиселъ сентября.

Эту послѣднюю эпоху жизни поэта можно назвать

временемъ довольства, житейскаго покоя и почета, прочной славы и спокойной литературной дѣятельности. Подъ конецъ онъ задумалъ написать свои воспоминанія и оставилъ намъ двѣ большія книги: *Мои воспоминанія* (1848—1889), 2 тома, Москва, 1890, и *Ранніе годы моей жизни*, Москва, 1893 г. (посмертное изданіе). Тутъ читатели найдутъ множество всякаго рода подробностей этой дѣятельной и разнообразной жизни. Прибавимъ лишь незанесенныя туда главныя событія.

Къ ихъ числу нужно отнести сближеніе съ Великимъ Княземъ Константиномъ Константиновичемъ. Какъ ревностный почитатель таланта Аѳанасія Аѳанасьевича, Великій Князь прислалъ ему въ первыхъ числахъ декабря 1886 г. книгу своихъ стихотвореній и письмо. Отсюда началась переписка, не прерывавшаяся до конца жизни. Въ 1887 году старецъ поэтъ ѣздилъ въ Петербургъ и лично представлялся Великому Князю. Эти отношенія онъ высоко цѣнилъ, и они составляли большую радость его послѣднихъ дней.

Въ 1889 году 28 и 29 января былъ съ большимъ торжествомъ празднованъ въ Москвѣ пятидесятилѣтній литературный юбилей Фета. Вслѣдъ затѣмъ, 26 февраля, Государю угодно было пожаловать юбиляру званіе камергера.

Уже лѣтъ тридцать страдалъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ одышкой, постоянно усиливавшейся, не смотря на всякія предосторожности. Не разъ встрѣчаются и въ стихахъ его жалобы на „трудное дыханіе“. Впослѣдствіи, лѣтъ за десять до смерти, къ этому присоединилось хроническое воспаленіе вѣкъ. Въ 1892 году, по пріѣздѣ въ Москву,

онъ заболѣлъ бронхитомъ; эта болѣзнь прошла, но общая слабость усилилась, и 21 ноября въ полдень поэтъ скончался, не доживши двухъ дней до 72 лѣтъ. Хотя его многолѣтняя болѣзнь въ послѣдніе годы была мучительно тяжела, онъ бодро переносилъ ее, жаловался очень мало и рѣдко; въ послѣдній день онъ былъ на ногахъ, но, чувствуя приближеніе роковой минуты, уговорилъ жену выѣхать за какой-то покупкой и умеръ, присѣвши на стулъ въ своей столовой.

Вообще, душевныя качества Аѳанасія Аѳанасьевича представляли очень замѣтное и прекрасное своеобразіе. Онъ обладалъ энергіею и рѣшительностью, ставилъ себѣ ясныя цѣли и неуклонно къ нимъ стремился. Ему всегда нужна была дѣятельность; онъ не любилъ безцѣльныхъ прогулокъ, не любилъ оставаться одинъ, или молча погружаться въ книгу; когда же имѣлъ собесѣдниковъ, былъ неистощимъ въ рѣчахъ, исполненныхъ блеска и парадоксовъ. Переписка съ друзьями и знакомыми составляла для него не тягость, какъ для большинства писателей, а наслажденіе. Стихотворенія его были не плодомъ обдумыванія и труда, а прямыми дарами вдохновенія. Въ нихъ обыкновенно нѣтъ никакихъ вступленій, а прямо изливается чувство, возникшее въ извѣстную минуту, въ извѣстной обстановкѣ. Что̀ касается его характера, то близко знавшіе его согласятся безъ всякихъ колебаній съ Василіемъ Петровичемъ Боткинымъ, который приписываетъ ему „чистое, доброе, наивное сердце“ *).

Отпѣваніе происходило 24 ноября въ университетской церкви, и потомъ гробъ былъ отвезенъ Марьею Петровною въ село Клейменово въ двадцати пяти вер-

*) *Мои воспоминанія*, II, стр. 96.

стахъ отъ Орла, въ Мценскомъ уѣздѣ. Село это, родовое имѣніе Шеншиныхъ, досталось по смерти отца Василію Аѳанасьевичу Шеншину и находится во владѣніи его дочери, Ольги Васильевны, въ замужествѣ Галаховой. Тамъ на кладбищѣ старой церкви похоронены отецъ и мать Аѳанасія Аѳанасьевича и нѣкоторые члены предыдущаго поколѣнія Шеншиныхъ. Но самъ онъ положенъ не здѣсь, а въ склепѣ подъ новою церковью, построенною нынѣшнею владѣлицей.

Тамъ же похоронили и Марью Петровну, скончавшуюся 21 марта нынѣшняго года. Дѣтей у нихъ не было.

Остается сказать о томъ изданіи, которое предлагается читателямъ. Оно исполнено, по желанію и на иждивеніе вдовы поэта, Великимъ Княземъ Константиномъ Константиновичемъ и составителемъ настоящаго предисловія. Планъ этого изданія составленъ былъ самимъ поэтомъ въ маѣ 1892 въ Воробьевкѣ, то есть имъ уже былъ изготовленъ списокъ всѣхъ стихотвореній, которыя онъ намѣренъ былъ напечатать въ видѣ отдѣльной книги. Изданіемъ настоящихъ двухъ частей, такимъ образомъ, какъ-бы исполняется завѣщаніе покойнаго. Его планъ сохраненъ въ главныхъ чертахъ, и только разработанъ. Удержано раздѣленіе стихотвореній на отдѣлы, столь любимое всѣми поэтами; но уничтоженъ отдѣлъ *Разныя стихотворенія* и прибавленъ новый,—*Вечерніе огни*,—заглавіе столь памятное и дорогое всѣмъ почитателямъ; въ этотъ отдѣлъ внесены и стихи „пятаго выпуска“, который также уже былъ приготовленъ для изданія самимъ поэ-

томъ. Вообще, сколько можно было, удержана старая группировка; перемѣны въ распредѣленіи сдѣланы лишь сообразно съ ея значеніемъ. Затѣмъ, въ каждомъ отдѣлѣ стихотворенія расположены въ хронологическомъ порядкѣ; если точной даты нельзя было найти, взятъ годъ перваго появленія въ печати и поставленъ *въ скобкахъ*. Прибавимъ, что уже начаты приготовленія къ *Полному собранію сочиненій А. Фета*, которое будетъ обнимать все имъ писанное, будетъ расположено въ строго-хронологическомъ порядкѣ и снабжено варіантами и библіографическими указаніями. Этого большаго изданія нельзя обѣщать въ скоромъ времени, и мы поспѣшили предложить читателямъ то, что̀ хотѣлъ имъ дать самъ поэтъ, и въ той самой формѣ. Во второмъ томѣ своихъ *Воспоминаній*, говоря о Тютчевѣ, онъ называетъ его „однимъ изъ величайшихъ лириковъ, существовавшихъ на землѣ". Кажется, съ полной справедливостью можно такъ назвать и того, кто написалъ настоящую книгу стихотвореній. Между поклонниками поэзіи давно стало поговоркою, что кто не понимаетъ и не любитъ Фета, тотъ не знаетъ, что̀ такое поэзія.

Портреты 1857 и 1861 годовъ, приложенные къ первой части, сняты съ современныхъ фотографій, а портретъ 1881 года, при второй части, съ портрета писаннаго И. Е. Рѣпинымъ и находящагося въ Третьяковской галлереѣ.

Н. Страховъ.

18 апр. 1894. Спб.

ЭЛЕГІИ и ДУМЫ.

I.

МАДОННА

Я не ропщу на трудный путь земной,
Я буйнаго не слушаю невѣжды:
Моимъ ушамъ понятенъ звукъ иной,
И сердцу голосъ слышится надежды.

Съ тѣхъ поръ, какъ Санціо передо мной
Изобразилъ склоняющую вѣжды,
И этотъ ликъ, и этотъ взоръ святой,
Смиренныя и легкія одежды,

И это лоно матери, и въ немъ
Младенца съ яснымъ, радостнымъ челомъ,
Съ улыбкою къ Маріи наклоненной,—

О, какъ душа стихаетъ вся до дна!
Какъ много со святаго полотна
Ты шлешь, мой Богъ, съ пречистою Мадонной!

(1842).

II.

AVE MARIA

Ave Maria,—лампада тиха,
Въ сердцѣ готовы четыре стиха:

„Чистая Дѣва, скорбящаго Мать,
Душу проникла Твоя благодать.
Неба Царица! Не въ блескѣ лучей,
Въ тихомъ предстань сновидѣніи ей!“

Ave Maria,—лампада тиха,
Я прошепталъ всѣ четыре стиха.

(1842).

III.

ДЕРЕВНЯ

Люблю я пріютъ вашъ печальный
И вечеръ деревни глухой,
И за лѣсомъ благовѣстъ дальный,
И кровлю, и крестъ золотой.

Люблю я немятаго луга
Къ окну подползающій паръ,
И тѣснаго, тихаго круга
Не разъ долитой самоваръ.

Люблю я на тѣхъ посидѣлкахъ
Старушки чепецъ и очки;
Люблю па окнѣ на тарелкахъ
Овса золотые злачки;

На столикѣ близко къ окошку
Корзину съ узорнымъ чулкомъ,
И по полу рѣзвую кошку
Въ прыжкахъ за проворнымъ клубкомъ;

И милой застѣнчивой внучки
Красивый дѣвичій нарядъ,
Движеніе блѣдненькой ручки
И робко опущенный взглядъ;

Прощанье смолкающихъ пташекъ,
И мѣсяца блѣдный восходъ,
Дрожанье фарфоровыхъ чашекъ,
И рѣчи замедленный ходъ;

И собственной выдумки сказки,
Прохлады вечерней струю,
И васъ, любопытные глазки,
Живую награду мою.

(1842).

IV.

ИВЫ И БЕРЕЗЫ

Березы сѣвера мнѣ милы;
Ихъ грустный, опущенный видъ,
Какъ рѣчь безмолвная могилы,
Горячку сердца холодитъ.

Но ива, длинными листами
Упавъ на лоно ясныхъ водъ,
Дружнѣй съ мучительными снами
И дольше въ памяти живетъ.

Лія таинственныя слезы,
По рощамъ и лугамъ роднымъ
Про горе шепчутся березы
Лишь съ вѣтромъ сѣвера однимъ;

Всю землю, грустно-сиротлива,
Считая родиной скорбей,
Плакучая склоняетъ ива
Вездѣ концы своихъ вѣтвей.

(1843).

V.

О, долго буду я, въ молчаньи ночи тайной,
Коварный лепетъ твой, улыбку, взоръ случайный,
Перстамъ послушную волосъ густую прядь
Изъ мыслей изгонять и снова призывать;
Дыша порывисто, одинъ, ни кѣмъ не зримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
Въ словахъ, которыя произносила ты;
Шептать и поправлять былыя выраженья
Рѣчей моихъ съ тобой, исполненныхъ смущенья,
И въ опьянѣніи, наперекоръ уму,
Завѣтнымъ именемъ будить ночную тьму.

(1844).

VI.

Когда мои мечты за гранью прошлыхъ дней
Найдутъ тебя опять за дымкою туманной,
Я плачу сладостно, какъ первый Іудей
На рубежѣ земли обѣтованной.

Не жаль мнѣ дѣтскихъ игръ, не жаль мнѣ тихихъ сновъ,
Тобой такъ сладостно и больно возмущенныхъ
Въ тѣ дни, какъ постигалъ я первую любовь
По бунту чувствъ неугомонныхъ,

По сжатію руки, по отблеску очей,
Сопровождаемыхъ то вздохами, то смѣхомъ,
По ропоту простыхъ, незначащихъ рѣчей,
Лишь намъ звучавшихъ страсти эхомъ.

(1845).

VII.

Когда мечтательно я преданъ тишинѣ
И вижу кроткую царицу ясной ночи,
Когда созвѣздія заблещутъ въ вышинѣ,
И сномъ у Аргуса начнутъ смыкаться очи,
И близокъ часъ уже, условленный тобой,
И ожиданіе съ минутой возрастаетъ,
И я стою уже, безумный и нѣмой,
И каждый звукъ ночной смущеннаго пугаетъ;
И нетерпѣніе сосетъ больную грудь,
И ты идешь одна, украдкой, озираясь,
И я спѣшу въ лицо прекрасной заглянуть,
И вижу ясное... и тихо, улыбаясь,
Ты на слова любви мнѣ говоришь „люблю!"
А я безсвязныя связать стараюсь рѣчи,
Дыханьемъ пламеннымъ дыханіе ловлю,
Цѣлую волоса душистые и плечи,
И долго слушаю, какъ ты молчишь... и мнѣ
Ты предаешься вся для страстнаго лобзанья, —
О, другъ! какъ счастливъ я, какъ счастливъ я вполнѣ!
Какъ жить мнѣ хочется до новаго свиданья!

(1850).

VIII.

Странное чувство какое-то въ нѣсколько дней овладѣло
Тѣломъ моимъ и душой, цѣлымъ моимъ существомъ:
Радость и свѣтлая грусть, благотворный покой и желанья,
Дѣтскія, рѣзвыя,—самъ даже понять не могу.
Вотъ хоть теперь: посмотрю за окно на веселую зелень
Вешнихъ деревьевъ, да вдругъ вѣтеръ ко мнѣ донесетъ
Утренній запахъ цвѣтовъ и птичекъ звонкія пѣсни;
Такъ бы и бросился въ садъ, съ кликомъ: пойдемъ же, пойдемъ!
Да какъ взгляну на тебя, какъ усѣлась ты тамъ безмятежно
Подлѣ окошка, склоня иглы рѣсницъ на канву,
То ужь не въ силахъ ничѣмъ я шевельнуться, а только
Всю озираю тебя, всю—отъ пробора волосъ
До перекладины пялецъ, гдѣ вольно, легко и уютно,
Складки раздвинувъ, прильнулъ малепькой ножки носокъ.
Жалко... да нѣтъ—хорошо, что никто не видалъ, какъ взглянула
Ты на сестрицу, когда та приходила сюда
Куклу свою показать. Право, мнѣ кажется, всѣхъ бы
Васъ мнѣ хотѣлось обнять. Даже и братъ твой, шалунъ,
Что изучаетъ грамматику въ комнатѣ ближней, мнѣ дорогъ.

Можно-ль такъ ложно его вещи учить понимать?
Какъ отворялися двери, разслушать я могъ, что учитель
Каждый отдѣльный глаголъ пряталъ въ отдѣльный залогъ:
Онъ говорилъ, что любить есть дѣйствіе,—не состоянье.
Нѣтъ, достохвальный мудрецъ, здѣсь ты не видишь ни зги...
Я говорю, что любить—состоянье, еще и какое!
Чудное, полное нѣгъ!.. Дай Богъ намъ вѣчно любить!

(1850).

IX.

Я знаю, гордая, ты любишь самовластье;
Тебя, въ ревнивомъ снѣ, томитъ чужое счастье;
Свободы смѣлый ликъ и томный взоръ любви
Манятъ на-перерывъ желанія твои.
Чрезъ всю толпу рабовъ у пышной колесницы
Я взглядъ лукавый твой подъ бархатомъ рѣсницы
Давно прочелъ, давно, и разгадалъ съ тѣхъ поръ,
Гдѣ жертву новую твой выбираетъ взоръ...
Несчастный юноша! Давно-ль, веселья полный,
Скользилъ его челнокъ, расталкивая волны?
Смотри, какъ счастливъ онъ, какъ воленъ... онъ ничей;
Лобзаетъ вѣтръ одинъ руно его кудрей;
Рука, окрѣпшая въ трудѣ однообразномъ,
Минула берега манящіе соблазномъ.
Но, горе! Ты поешь: на зыбкое стекло
Изъ ослабѣвшихъ рукъ упущено весло;
Онъ скованъ! — Ты поешь, ты блещешь красотою,
Для взоровъ — божество,— сирена подъ водою.

(1850).

X.

Ея не знаетъ свѣтъ, она еще ребенокъ;
Но очеркъ головы у ней такъ чистъ и тонокъ,
И столько томности во взглядѣ кроткихъ глазъ,
Что дѣтства мирнаго послѣдній близокъ часъ.
Дохнетъ тепло любви: младенческое око
Лазурнымъ пламенемъ засвѣтится глубоко,
И гребень, ласково-разборчивъ, будто самъ
Пойдетъ медлительнѣй по пышнымъ волосамъ,
Персты румяные, блѣднѣя, подлиннѣютъ...
Блаженъ, кто замѣчалъ, какъ постепенно зрѣютъ
Златыя гроздія, и зналъ, что, виноградъ
Сбирая, онъ вопьетъ ихъ сладкій ароматъ!

(1850).

XI.

Эхъ, шутка-молодость! Какъ новый ранній снѣгъ
Всегда и чистъ и свѣжъ! Царица тайныхъ нѣгъ,
Луна зеркальная надъ древнею Москвою
Одну выводитъ ночь блестящѣй за другою.
Что̀, всѣ ли улеглись, уснули? Не пора-ль?..
На сердцѣ жаръ любви, и трепетъ, и печаль!..
Бѣгу!.. Далекія, какъ бы въ вознагражденье,
Шлютъ звѣзды въ инеѣ свое изображенье;
Въ сіяньи полночи безмолвенъ сонъ Кремля;
Подъ быстрою стопой промерзлая земля
Звучитъ, и по крутой, хотя недавней стужѣ,
Доходитъ бой часовъ порывистѣй и туже.
Бѣгу! Нигдѣ огня,—сосѣди полегли,
И каждый звукъ шаговъ, раздавшійся вдали,
Иль тѣни на стѣнѣ блестящей колыханье
Мнѣ напрягаетъ слухъ, прервавъ мое дыханье.

(1850).

XII.

Лозы мои за окномъ разрослись живописно, и даже
Свѣтъ отнимаютъ. Смотри, вотъ половина окна
Верхняя темною зеленью листьевъ покрыта; межъ ними,
Будто нарочно, въ окнѣ кисть начинаетъ желтѣть.
Милая! полно, не трогай!.. Къ чему этотъ духъ разрушенья!
Ты доставать виноградъ высунешь руку на дворъ —
Бѣлую, полную ручку легко распознаютъ сосѣди,
Скажутъ: она у него въ комнатѣ тайно была.

(1850).

XIII.

Владычица Сіона, предъ тобою
Во мглѣ моя лампада зажжена.
Все спитъ кругомъ,—душа моя полна
Молитвою и сладкой тишиною.

Ты мнѣ близка... Покорною душою
Молюсь за ту, кѣмъ жизнь моя ясна;
Дай ей цвѣсти, будь счастлива она,—
Съ другимъ ли избраннымъ, одна, или со мною.

О нѣтъ! прости вліянію недуга!
Ты знаешь насъ: намъ суждено другъ друга
Взаимными молитвами спасать.

Такъ дай же силъ, простри святыя руки,
Чтобъ ярче могъ въ полночный часъ разлуки
Я предъ тобой лампаду возжигать.

(1850).

XIV.

Я зналъ ее малюткою кудрявой,
Голубоглазой дѣвочкой; она,
Казалось, вся изъ рѣзвости лукавой
И скромности румяной сложена.

И въ тѣ лѣта какой-то кругъ влеченья
Былъ у нея, и звалъ ее ласкать;
На ней лежалъ оттѣнокъ предпочтенья
И женскаго служенія печать.

Я зналъ ее красавицей; горѣли
Ея глаза священной тишиной.
Какъ свѣтлый день, какъ ясный звукъ свирѣли,
Она неслась надъ грѣшною землей.

Я зналъ его,—и какъ она любила,
Какъ искренно предъ нимъ она цвѣла,
Какъ много слезъ она ему дарила,
Какъ много счастья въ душу пролила!

Я видѣлъ часъ ея благословенья,
Дѣтей въ слезахъ, покинувшую мать;
На ней лежалъ оттѣнокъ предпочтенья
И женскаго служенія печать.

(1850).

XV.

Тебѣ въ молчаніи я простираю руку,
И дѣтскихъ укоризнъ въ грядущемъ не страшусь.
Ты втайнѣ поняла души смѣшную муку,
Усталыхъ прихотей ты разгадала скуку;
Мы вмѣстѣ,—и судьбѣ я молча предаюсь.

Безъ клятвъ и клеветы ребячески-невинной
Сказала жизнь за насъ послѣдній приговоръ.
Мы оба молоды, но съ радостью старинной
Люблю на локонъ твой засматриваться длинный,
Люблю безмолвныхъ устъ и взоровъ разговоръ.

Какъ въ дни безумные, какъ въ пламенные годы,
Мнѣ жизни міровой святыня дорога;
Люблю безмолвіе полунощной природы,
Люблю ея лѣсовъ лепечущіе своды,
Люблю ея степей алмазные снѣга.

И снова мнѣ легко, когда святому звуку
Внимая не одинъ, я заживо дѣлюсь;
Когда, за честный бой съ тѣнями взявъ поруку,
Тебѣ въ молчаніи я простираю руку
И дѣтскихъ укоризнъ въ грядущемъ не страшусь.

(1850).

XVI.

Не спится. Дай зажгу свѣчу. Къ чему читать?
Вѣдь снова не пойму я ни одной страницы,—
И яркій, бѣлый свѣтъ начнетъ въ глазахъ мелькать,
И ложныхъ призраковъ заблещутъ вереницы!
За что̀ жь? Что̀ сдѣлалъ я? Чѣмъ грѣшенъ предъ тобой?
Уже ли помыселъ мнѣ долженъ быть укоромъ,
Что такъ язвительно смѣется призракъ твой
И смотритъ на меня такимъ тяжелымъ взоромъ?

(1854).

XVII.

Не говори, мой другъ: „Она меня забудетъ,
„Измѣнчивъ времени всемощнаго полетъ,
„Измученной души напрасный жаръ пройдетъ,
„И образъ роковой преслѣдовать не будетъ
„Очей задумчивыхъ; свободнѣй и смѣлѣй
„Вздохнетъ младая гдрудь; замедленныхъ рѣчей
„Польется снова токъ блистательный и сладкій,
„Ланиты расцвѣтутъ,—и въ зеркало, украдкой,
„Невольно станетъ взоръ съ вопросомъ забѣгать;
„Опять весна въ груди—и счастіе опять!“
Мой милый, не лелѣй прекраснаго обмана;
Въ душѣ мечтательной смертельна эта рана.
Видалъ ли ты въ лѣсахъ, подъ тѣнію дубовъ
Съ винтовками въ рукахъ засѣвшихъ шалуновъ,
Когда съ холмовъ крутыхъ, окрестность оглашая,
Несется горячо согласныхъ гончихъ стая,
И, празднымъ юношамъ Дріадъ жестокихъ дань,
Уже изъ-за кустовъ выскакиваетъ лань?
Вотъ-вотъ—и выстрѣлы... и въ переливахъ дыма,
Еще быстрѣе лань, какъ будто невредима,
Проклятьямъ вопреки и хохоту стрѣлковъ,
Уносится во мглу безбрежную лѣсовъ...
Но ловчій опытный ужь на позывъ побѣдный
Къ сомкнувшимся губамъ рожокъ подноситъ мѣдный.

(1854).

XVIII.

Не спрашивай, надъ чѣмъ задумываюсь я:
Мнѣ сознаваться въ томъ и тягостно и больно;
Мечтой безумною полна душа моя
И въ глубь минувшихъ лѣтъ уносится невольно.

Сіянье прелести тогда въ свой кругъ влекло.
Взглянулъ—и пылкое на встрѣчу сердце рвется!
Такъ голубь, бурею застигнутый, въ стекло,
Какъ очарованный, крыломъ лазурнымъ бьется.

А нынѣ, предъ лицомъ сіяющей красы,
Нѣтъ этой слѣпоты и страсти безотвѣтной.
Но сердце глупое, какъ ветхіе часы,
Коли забьетъ порой, такъ все свой часъ завѣтный.

Я помню, отрокомъ я былъ еще; пора
Была туманная, сирень въ слезахъ дрожала;
Въ тотъ день лежала мать больна, и со двора
Подруга игръ моихъ надолго уѣзжала.

Не мчались ласточки, звеня, передъ окномъ,
И мошекъ не толклись блестящихъ вереницы,

Сидѣли голуби, нахохлившись, рядкомъ,
И въ липникъ прятались умолкнувшія птицы.

А надъ колодеземъ, на вздернутомъ шестѣ,
Гдѣ старая бадья болталась, какъ подвѣска,
Закаркалъ воронъ вдругъ, чернѣя въ высотѣ, —
Закаркалъ какъ-то зло, отрывисто и рѣзко.

Тотъ плачъ давно умолкъ,—кругомъ и смѣхъ, и шумъ;
Но сердце вѣчно, знать, пугаться не отвыкнетъ;
Гляжу въ твои глаза, люблю ихъ нѣжный умъ...
И трепещу—вотъ-вотъ зловѣщій воронъ крикнетъ.

(1854).

XIX.

МУЗА

Не въ сумрачный чертогъ Наяды говорливой
Пришла она плѣнять мой слухъ самолюбивый
Разсказомъ о щитахъ, герояхъ и коняхъ,
О шлемахъ кованыхъ и сломанныхъ мечахъ.

Скрывая низкій лобъ подъ вѣтвію лавровой,
Съ цитарой золотой, иль изъ кости слоновой,
Ни разу на моемъ не прилегла плечѣ
Богиня гордая въ расшитой епанчѣ.

Мнѣ слуха не ласкалъ языкъ ея могучій
И гибкій, и простой, и звучный безъ созвучій;
По волѣ Піеридъ съ достоинствомъ пѣвца
Я не мечталъ стяжать широкаго вѣнца.

О, нѣтъ! Подъ дымкою ревнивой покрывала
Мнѣ Музу молодость иную указала:
Отягощала прядь душистая волосъ
Головку дивную узломъ тяжелыхъ косъ;

Цвѣты послѣдніе въ рукѣ ея дрожали;
Отрывистая рѣчь была полна печали
И женской прихоти, и серебристыхъ грезъ,
Невысказанныхъ мукъ и непонятныхъ слезъ.

Какой-то нѣгою томительной волнуемъ,
Я слушалъ, какъ слова встрѣчались съ поцѣлуемъ,
И долго безъ нея душа была больна
И несказаннаго стремленія полна.

(1854).

XX.

Постой! здѣсь хорошо! Зубчатой и широкой
Каймою тѣнь легла отъ сосенъ въ лунный свѣтъ...
Какая тишина! Изъ-за горы высокой
Сюда и доступа мятежнымъ звукамъ нѣтъ.

Я не пойду туда, гдѣ камень вѣроломный,
Скользя изъ-подъ пяты съ отвѣсныхъ береговъ,
Летитъ на хрящъ морской; гдѣ въ морѣ валъ огромный
Придетъ—и убѣжитъ въ объятія валовъ.

Одна передо мной, подъ мирными звѣздами,
Ты здѣсь, царица чувствъ, властительница думъ...
А тамъ—придетъ волна и грянетъ между нами...
Я не пойду туда... Тамъ вѣчный плескъ и шумъ!

(1856).

XXI.

ОДИНОКІЙ ДУБЪ

Смотри,—синѣя другъ за другомъ,
Какимъ широкимъ полукругомъ
Уходятъ правнуки твои!
Зачѣмъ же тѣнью благотворной
Все кружишь ты, старикъ упорный,
По рубежамъ родной земли?

Когда жь невѣдомымъ страданьямъ,
Когда жестокимъ испытаньямъ
Придетъ медлительный конецъ?
Иль вѣчно понапрасну годы,
Рукой суровой непогоды,
Упрямый щиплютъ твой вѣнецъ?

И подъ изрытою корою
Ты полонъ силой молодою.
Такъ старый витязь, сверстникъ твой,
Не остывалъ душой съ годами
Подъ иззубренною мечами,
Давно заржавленной бронёй.

Все дальше, дальше съ каждымъ годомъ
Вокругъ тебя, незримымъ ходомъ,
Ползетъ просторъ твоихъ корней,
И, въ ихъ кривые промежутки
Гнѣздясь, съ пригорка незабудки
Глядятъ смѣлѣе въ даль степей.

Когда же, водъ взломавъ оковы,
Весенній вѣтръ несетъ въ дубровы
Твои поблеклые листы,
Съ нимъ вѣсти на просторъ широкій,
Что живъ ихъ пращуръ одинокій,
Ко внукамъ посылаешь ты.

(1856).

XXII.

Въ пору любви, мечты, свободы,
Въ мерцаньи розоваго дня,
Языкъ душевной непогоды
Былъ непонятенъ для меня.

Я забавлялся надъ словами:
Что будто по душѣ иной
Проходитъ злоба полосами,
Какъ тѣнь отъ тучи громовой.

Настало время отрезвляться, —
И долгъ велѣлъ въ нѣмой борьбѣ
На встрѣчу людямъ улыбаться,
А горе подавлять въ себѣ.

Я побѣжалъ. Въ душѣ сокрыта,
Бѣда спала... Но зналъ ли я,
Какъ живуща, какъ ядовита
Эдема старая змѣя!

Находятъ дни: съ самимъ собою
Бороться сердцу тяжело...
И духа злобы надъ душою
Я слышу тяжкое крыло.

(1856).

XXIII.

О нѣтъ, не стану звать утраченную радость,
Напрасно горячить скудѣющую кровь;
Не стану кликать вновь забывчивую младость
И спутницу ея, безумную любовь.

Безъ ропота иду навстрѣчу вѣчной власти,
Молитву затвердя горячую одну:
Пусть тотъ осенній вѣтръ мои погаситъ страсти,
Что каждый день съ чела роняетъ сѣдину.

Пускай съ души больной, борьбою утомленной,
Безъ грохота спадетъ тоскливой жизни цѣпь,
И пусть очнусь вдали, гдѣ къ рѣчкѣ безъименной
Отъ голубыхъ холмовъ бѣжитъ нѣмая степь;

Гдѣ съ дикой яблонью уборомъ споритъ слива;
Гдѣ тучка чуть ползетъ, воздушна и свѣтла;
Гдѣ дремлетъ надъ водой поникнувшая ива
И вечеромъ, жужжа, къ улью летитъ пчела.

Быть можетъ,—вѣчно вдаль съ надеждой смотрятъ очи!—
Тамъ ждетъ меня друзей лелѣющій союзъ,
Съ сердцами чистыми, какъ мѣсяцъ полуночи,
Съ душою чуткою, какъ пѣсни вѣщихъ музъ.

Тамъ наконецъ я все, чего душа алкала,
Ждала, надѣялась, на склонѣ лѣтъ найду,
И съ лона тихаго земнаго идеала
На лоно вѣчности съ улыбкой перейду.

(1857).

XXIV.

Былъ чудный майскій день въ Москвѣ;
Кресты церквей сверкали,
Вились касатки подъ окномъ
И звонко щебетали.

Я подъ окномъ сидѣлъ, влюбленъ,
Душей и юнъ, и боленъ;
Какъ пчелы, звуки вдалекѣ
Жужжали съ колоколенъ.

Вдругъ звуки стройно, какъ органъ,
Запѣли въ отдаленьи;
Невольно дрогнула душа
При этомъ стройномъ пѣньи.

И шелъ и росъ поющій хоръ, —
И, непонятной силой,
Въ душѣ сливался ликъ небесъ
Съ безмолвною могилой.

И шелъ и росъ поющій хоръ, —
И черною грядою
Тянулся набожно народъ
Съ открытой головою.

И миновалъ поющій хоръ,
Его я минулъ взоромъ,
И гробикъ розовый прошелъ
За громогласнымъ хоромъ.

Струится теплый вѣтерокъ,
Покровы колыхая,
И мнѣ казалось, что душа
Парила молодая.

Весенній блескъ, весенній шумъ,
Молитвы стройной звуки,
Все тихимъ вѣяло крыломъ
Надъ грустію разлуки.

За гробомъ шла, шатаясь, мать, —
Надгробное рыданье! —
Но мнѣ казалось, что легко
И самое страданье.

(1857).

XXV.

Подъ небомъ Франціи, среди столицы свѣта,
Гдѣ такъ измѣнчива народная волна,
Не знаю отчего, грустна душа поэта,
И тайной скорбію мечта его полна.

Какимъ-то чуждымъ сномъ весь блескъ несется мимо,
Подъ шумъ ей грезится иной далекій край;
Такъ древле дикій Скиѳъ средь праздничнаго Рима
Со вздохомъ вспоминалъ свой сѣверный Дунай.

О Боже! передъ Кѣмъ вездѣ страданья наши,
Какъ звѣзды по небу полночному, горятъ,
Не дай моимъ устамъ испить изъ горькой чаши
Изгнанья мрачнаго по каплѣ жгучій ядъ!

(1857).

XXVI.

СМЕРТИ

Когда измученъ жаждой счастья
И громомъ бѣдствій оглушенъ,
Со взоромъ полнымъ сладострастья,
Въ тебѣ послѣдняго участья
Искать страдалецъ обреченъ, —

Не вѣрь, суровый ангелъ Бога,
Тушить свой факелъ погоди!
О, какъ въ страданьи вѣры много!
Постой! Безумная тревога
Уснетъ въ измученной груди.

Придетъ пора, пора иная:
Повѣетъ жизни благодать,
И будетъ тотъ, кто, изнывая,
Въ тебѣ встрѣчалъ предтечу рая,
Передъ тобою трепетать.

Но кто не молитъ и не проситъ,
Кому страданье не дано,
Кто жизни злобно не поноситъ,
А молча, сознавая, носитъ
Твое могучее зерно,

Кто дышитъ съ равнымъ напряженьемъ,—
Того, безмолвна, посѣти;
Повѣя полнымъ примиреньемъ,
Ему предстань за сновидѣньемъ
И тихо вѣжды опусти.

(1857).

XXVII.

Цѣлый заставила день меня промечтать ты сегодня:
Только забудусь,—опять ты предо мною въ саду.
Если очнусь, застаю у себя на устахъ я улыбку;
Вновь позабудусь, и вновь листья въ глазахъ да цвѣты,
И у суровой коры наклопеннаго стараго клёна
Милая дѣва-дитя, въ бѣломъ, ты чинно сидишь.
Да! ты ребенокъ еще, но сколько любви благодатной
Свѣтитъ въ лазуныхъ очахъ мальчику злому во слѣдъ!
Златоволосый, какъ ты, на твоихъ онъ играетъ колѣняхъ,
Въ вожжи твой поясъ цвѣтной силясь (шалунъ!) обратить,
Крѣпко сжимая концы ленты одною рученкой,
Вѣткой левкоя тебя хочетъ ударить другой.
Полно, шалунъ! Ты сронилъ діадиму съ румяной головки;
Толстою прядью скользя, вся развернулась коса.
Цвѣтъ изумительный: точно опала и бронзы сліянье,
Иль назрѣвающей ржи колосъ слегка-золотой.
О, Афродита! не твой ли здѣсь шутитъ кудрявый упрямецъ?
Долго недаромъ вокругъ бѣлый порхалъ мотылекъ.
Мнѣ еще памятенъ образъ Амура и нѣжной Психеи;
Душу мою ты въ свой міръ свѣтлый опять унесла.

(1857).

XXVIII.

НА РАЗВАЛИНАХЪ ЦЕЗАРСКИХЪ ПАЛАТЪ

Надъ грудой мусора, гдѣ плющъ тоскливо вьется,
Надъ сводами глухихъ и темныхъ галерей,
Въ груди моей сильнѣй живое сердце бьется
И въ жилахъ кровь бѣжитъ быстрѣй.

Пускай вокругъ меня тяжелыя громады
Изъ праха возстаютъ, и храмы, и дворцы,
И драгоцѣнныя пестрѣютъ колоннады,
И воскресаютъ мертвецы,

И шумъ на площади, и женщинъ вереница,
И вновь увѣнчанный святой алтарь горитъ,
И изъ-подъ новыхъ вратъ златая колесница
Къ холму завѣтному спѣшитъ.

Нѣтъ! нѣтъ! не ослѣпишь души моей тревожной!
Пускай я не дерзну сказать: ты не великъ,
Но, Римъ! я радуюсь, что, грустный и ничтожный,
Ты здѣсь у ногъ моихъ приникъ.

Безжалостный Квиритъ, тебя я ненавижу
За тò, что на землѣ ты видѣлъ лишь себя,
И даже въ зрѣлищахъ твоихъ кровавыхъ вижу,
Что музы прокляли тебя.

Напрасно лепеталъ ты эллинскіе звуки,
Ты смысла тайнаго рѣчей не разгадалъ,
И на учителя безжалостныя руки,
Палачъ всемірный! подымалъ.

Законность измѣрялъ ты силою великой.
Чтò жь сиротливо такъ безмолвствуешь теперь?
Ты самъ, бездушный Римъ, палъ жертвой силы дикой,
Какъ устарѣвшій хищный звѣрь.

И вотъ, растерзаны блестящія одежды,
Въ туманѣ утреннемъ развалина молчитъ,
И трупа буйнаго, жестокаго невѣжды
Слезой Камена не почтитъ.

(1858).

XXIX.

МУЗѢ

Надолго ли опять мой уголъ посѣтила,
Заставила еще томиться и любить?
Кого на этотъ разъ собою воплотила?
Чьей рѣчью ласковой съумѣла подкупить?

Дай руку. Сядь. Зажги свой факелъ вдохновенный.
Пой, добрая! Въ тиши признаю голосъ твой
И стану, трепетный, колѣнопреклоненный,
Запоминать стихи, пропѣтые тобой.

Какъ сладко, позабывъ житейское волненье,
Отъ чистыхъ помысловъ пылать и потухать,
Могучее твое учуя дуновенье,
И вѣчно-дѣвственнымъ словамъ твоимъ внимать.

Пошли, небесная, ночамъ моимъ безсоннымъ
Еще блаженныхъ сновъ и славы, и любви,
И нѣжнымъ именемъ, едва произнесеннымъ,
Мой трудъ задумчивый опять благослови.

(1858).

XXX.

ИТАЛІЯ

Италія, ты сердцу солгала!
Какъ долго я въ душѣ тебя лелѣялъ!
Но не такой мечта тебя нашла,
И не роднымъ мнѣ воздухъ твой повѣялъ.

Въ твоихъ степяхъ любимый образъ мой
Не могъ, опять воскреснувши, не вырость;
Сынъ Сѣвера,—люблю я шумъ лѣсной
И зелени растительную сырость.

Твоихъ сыновъ паденье и позоръ
И нищету увидя, содрогаюсь;
Но иногда, суровый приговоръ
Забывъ, опять съ тобою примиряюсь.

Въ углахъ садовъ и старческихъ руинъ
Нерѣдко жаръ я чувствую мгновенный,
И слушаю,—и кажется одинъ
Я слышу гимнъ Сивиллы вдохновенной.

Въ подобный мигъ чужія небеса
Невѣдомой мнѣ въ душу вѣютъ силой,
И я люблю, увядшая краса!
Твой долгій взоръ, надменный и унылый,

И ящерицъ мелькающихъ кругомъ,
И нѣгу ихъ на нестерпимомъ зноѣ,
И страстнаго кумира, подъ плющомъ
Раскидистымъ, увѣчье вѣковое.

(1859).

XXXI.

Пойду навстрѣчу къ нимъ знакомою тропою.
Какою нѣжною, янтарною зарею
Сіяютъ небеса нетлѣнныя, какъ рай!
Далеко выгнулся земли померкшій край,
Прохлада вечера и дышитъ, и не дышитъ,
И колосъ зрѣющій едва-едва колышетъ.
Нѣтъ, дальше не пойду: подъ сѣнію дубовъ
Всю ночь, всю эту ночь я просидѣть готовъ,
Смотря въ лицо зари, иль вдоль дороги сѣрой...
Какою молодой и безграничной вѣрой
Опять душа полна! Какъ, въ этой тишинѣ,
Всѣмъ, всѣмъ, что̀ жизнь дала, довольная вполнѣ,
Иного ужь она не требуетъ удѣла!
Собака вѣрная у ногъ моихъ присѣла
И, ухо чуткое настороживъ слегка,
Глядитъ на медленно ползущаго жука.
Иль мнѣ послышалось? Въ подобныя мгновенья
Вдали колеблются и звуки, и видѣнья.
Нѣтъ, точно, — издали доходитъ до меня
Нетерпѣливый шагъ знакомаго коня.

(1859).

XXXII.

ГРЕЗЫ

Мнѣ снился сонъ, что сплю я непробудно,
Что умеръ я, и въ грезы погруженъ;
И на меня ласкательно и чудно
Надежды тѣнь навѣялъ этотъ сонъ.

Я счастья жду, какого—самъ не знаю.
Вдругъ колоколъ—и все уяснено;
И, просіявъ душой, я понимаю,
Что счастье въ этихъ звукахъ. — Вотъ оно!

И звуки тѣ—прозрачнѣе и чище
И радостнѣй всѣхъ голосовъ земли;
И чувствую—на дальнее кладбище
Меня подъ нихъ, качая, понесли.

Въ груди восторгъ и сдавленная мука,
Хочу привстать, хоть разъ еще вздохнуть
И, на волнѣ ликующаго звука
Умчася въ даль, во мракѣ потонуть.

(1859).

XXXIII.

Кричатъ перепела, трещатъ коростели,
Ночныя бабочки взлетѣли,
И позднихъ соловьевъ надъ рѣчкою вдали
Звучатъ порывистыя трели.

Въ напѣвахъ вечера тревожною душой
Ищу былаго наслажденья;
Увы! какъ прежде, въ грудь живительной струей
Они не вносятъ откровенья!

Но тѣмъ мучительнѣй, какъ близкая бѣда,
Меня томитъ вопросъ лукавый:
Ужели подошли къ устамъ моимъ года
Съ такою горькою отравой?

Иль вѣкъ смолкающій въ наслѣдство передалъ
Свои безплодныя мнѣ муки,
И въ одиночествѣ мнѣ допивать фіалъ,
Изъ рукъ переходившій въ руки?

Проходятъ юноши съ улыбкой предо мной,
И слышу я ихъ шопотъ внятный:
Чего онъ ищетъ здѣсь, средь жизни молодой,
Съ своей тоскою непонятной?

Спѣшите, юноши, и вѣрить, и любить,
Вкушать и трудъ, и наслажденье.
Придетъ моя пора, — и скоро, можетъ-быть,
Мое наступитъ возрожденье.

Приснится мнѣ опять весенній, свѣтлый сонъ
На лонѣ божески единомъ,
И міра юнаго, покоенъ, примиренъ,
Я стану вѣчнымъ гражданиномъ.

(1859).

XXXIV.

СТАРЫЯ ПИСЬМА

Давно забытыя, подъ легкимъ слоемъ пыли,
Черты завѣтныя, вы вновь передо мной
И, въ часъ душевныхъ мукъ, мгновенно воскресили
Все, что̀ давно-давно утрачено душой.

Горя огнемъ стыда, опять встрѣчаютъ взоры
Одну довѣрчивость, надежду и любовь,
И задушевныхъ словъ поблекшіе узоры
Отъ сердца моего къ ланитамъ гонятъ кровь.

Я вами осужденъ, свидѣтели нѣмые
Весны души моей и сумрачной зимы.
Вы—тѣ же, свѣтлые, святые, молодые,
Какъ въ тотъ ужасный часъ, когда прощались мы,

А я довѣрился предательскому звуку,
(Какъ будто внѣ любви есть въ мірѣ что-нибудь!)
Я дерзко оттолкнулъ писавшую васъ руку,
Я осудилъ себя на вѣчную разлуку,
И съ холодомъ въ груди пустился въ дальній путь.

Зачѣмъ же съ прежнею улыбкой умиленья
Шептать мнѣ о любви, глядѣть въ мои глаза?
Души не воскреситъ и голосъ всепрощенья,
Не смоетъ этихъ строкъ и жгучая слеза.

(1863).

XXXV.

Не первый годъ у этихъ мѣстъ
Я въ часъ вечерній проѣзжаю,
И каждый разъ гляжу окрестъ
И, надъ березами, встрѣчаю
Все тотъ же золоченый крестъ,

Среди зеленой густоты
Карнизовъ обветшалыхъ пятна,
Внизу могилы и кресты;
И мнѣ, — мнѣ кажется понятно,
Что̀ шепчутъ куполу листы.

Еще, колеблясь и дыша,
Надъ дорогими мертвецами
Стремлюсь, куда-то вдаль спѣша,
Но встрѣчу съ тихими гробами
Смиренно празднуетъ душа.

(1864).

XXXVI.

Жизнь пронеслась безъ явнаго слѣда.
Душа рвалась,—кто скажетъ мнѣ, куда?
Съ какой заранѣ избранною цѣлью?
Но всѣ мечты, все буйство первыхъ дней
Съ ихъ радостью—все тише, все яснѣй
Къ послѣднему подходятъ новоселью.

Такъ, заверша безпутный свой побѣгъ,
Съ нагихъ полей летитъ колючій снѣгъ,
Гонимый ранней, буйною мятелью,
И, на лѣсной остановясь глуши,
Сбирается въ серебряной тиши
Глубокой и холодною постелью.

(1865).

XXXVII.

СРЕДИ ЗВѢЗДЪ

Пусть мчитесь вы, какъ я, покорны мигу,
Рабы, какъ я, мнѣ прирожденныхъ числъ,
Но, лишь взгляну на огненную книгу,
Не численный я въ ней читаю смыслъ.

Въ вѣнцахъ, лучахъ, алмазахъ, какъ Калифы,
Излишнія средь жалкихъ нуждъ земныхъ,
Незыблемой мечты іероглифы,
Вы говорите: „вѣчность — мы, ты — мигъ.

„Намъ нѣтъ числа. Напрасно мыслью жадной
„Ты думы вѣчной догоняешь тѣнь;
„Мы здѣсь горимъ, чтобъ въ сумракъ непроглядный
„Къ тебѣ просился беззакатный день.

„Вотъ почему, когда дышать такъ трудно,
„Тебѣ отрадно такъ поднять чело
„Съ лица земли, гдѣ все темно и скудно,
„Къ намъ, въ нашу глубь, гдѣ пышно и свѣтло“.

(1876).

XXXVIII.

Не тѣмъ, Господь, могучъ, непостижимъ
Ты предъ моимъ мятущимся сознаньемъ,
Что въ звѣздный день твой свѣтлый Серафимъ
Громадный шаръ зажегъ надъ міроздaньемъ,

И мертвецу съ пылающимъ лицомъ
Онъ повелѣлъ блюсти твои законы,
Все пробуждать живительнымъ лучомъ,
Храня свой пылъ столѣтій милліоны.

Нѣтъ, ты могучъ и мнѣ непостижимъ
Тѣмъ, что я самъ, безсильный и мгновенный,
Ношу въ груди, какъ оный Серафимъ,
Огонь сильнѣй и ярче всей вселенной.

Межъ тѣмъ какъ я—добыча суеты,
Игралище ея непостоянства, —
Во мнѣ онъ вѣченъ, вездѣсущъ, какъ ты,
Ни времени не знаетъ, ни пространства.

(1879).

XXXIX.

Ты отстрадала, я еще страдаю,
Сомнѣніемъ мнѣ суждено дышать,
И трепещу, и сердцемъ избѣгаю
Искать того, чего нельзя понять.

А былъ разсвѣтъ! Я помню, вспоминаю
Языкъ любви, цвѣтовъ, ночныхъ лучей. —
Какъ не цвѣсти всевидящему маю
При отблескѣ родномъ такихъ очей!

Очей тѣхъ нѣтъ, — и мнѣ не страшны гробы,
Завидно мнѣ безмолвіе твое,
И, не судя ни тупости, ни злобы,
Скорѣй, скорѣй—въ твое небытіе!

(1879).

XL.

ALTER EGO

Какъ лилея глядится въ нагорный ручей,
Ты стояла надъ первою пѣсней моей;
И была ли при этомъ побѣда, и чья,
У ручья ль отъ цвѣтка, у цвѣтка ль отъ ручья?...

Ты душою младенческой все поняла,
Что̀ мнѣ высказать тайная сила дала,
И хоть жизнь безъ тебя суждено мнѣ влачить,
Но мы вмѣстѣ съ тобой, насъ нельзя разлучить!

Та трава, что вдали па могилѣ твоей,
Здѣсь на сердцѣ, чѣмъ старѣ оно, тѣмъ свѣжѣй;
И я знаю, взглянувши на звѣзды порой,
Что взирали на нихъ мы какъ боги съ тобой.

У любви есть слова, тѣ слова не умрутъ;
Насъ съ тобой ожидаетъ особенный судъ:
Онъ сумѣетъ насъ сразу въ толпѣ различить,
И мы вмѣстѣ придемъ, насъ нельзя разлучить!

(1879).

XLI.

Окна въ рѣшеткахъ, и сумрачны лица,
Злоба глядитъ ненавистно на брата;
Я признаю твои стѣны, темница, —
Юности пиръ ликовалъ здѣсь когда-то.

Что̀ жь тамъ мелькнуло красою нетлѣнной?
Ахъ! то цвѣтокъ мой весенній, любимый.
Какъ уцѣлѣлъ ты, засохшій, смиренный,
Тутъ, подъ ногами толпы нелюдимой?

Радость сіяла чиста безупречно,
Въ часъ, какъ тебя обронила невѣста.
Нѣтъ, не покину тебя безсердечно,
Здѣсь у меня на груди тебѣ мѣсто.

(1883).

XLII.

Томительно-призывно и напрасно
Твой чистый лучъ передо мной горѣлъ;
Нѣмой восторгъ будилъ онъ самовластно,
Но сумрака кругомъ не одолѣлъ.

Пускай клянутъ, волнуяся и споря,
Пусть говорятъ: то бредъ души больной;
Но я иду по шаткой пѣнѣ моря
Отважною, не тонущей ногой.

Я пронесу твой свѣтъ чрезъ жизнь земную;
Онъ мой, — и съ нимъ двойное бытіе
Вручила ты, и я, я торжествую
Хотя на мигъ безсмертіе твое.

(1883).

XLIII.

СМЕРТЬ

„Я жить хочу!“ кричитъ онъ дерзновенный,
„Пускай обманъ! О, дайте мнѣ обманъ!“
И въ мысляхъ нѣтъ, что это—ледъ мгновенный,
А тамъ, подъ нимъ, — бездонный океанъ.

Бѣжать? Куда? Гдѣ правда, гдѣ ошибка?
Опора гдѣ, чтобъ руки къ ней простерть?
Что̀ ни расцвѣтъ живой, что̀ ни улыбка,
Уже надъ ними торжествуетъ смерть.

Слѣпцы напрасно ищутъ, гдѣ дорога,
Довѣрясь чувствъ слѣпымъ поводырямъ;
Но если жизнь — базаръ крикливый Бога,
То только смерть — его безсмертный храмъ.

(1883).

XLIV.

Die Gleichmässigkeit des Laufes der Zeit in allen Köpfen beweist mehr, als irgend etwas, dass wir Alle in denselben Traum versenkt sind, ja dass es Ein Wesen ist, welches ihn träumt.

Schopenhauer.

I.

Измученъ жизнью, коварствомъ надежды,
Когда имъ въ битвѣ душой уступаю,
И днемъ и ночью смежаю я вѣжды,
И какъ-то странно порой прозрѣваю.

Еще темнѣе мракъ жизни вседневной,
Какъ послѣ яркой осенней зарницы,
И только въ небѣ, какъ зовъ задушевный,
Сверкаютъ звѣздъ золотыя ресницы.

И такъ прозрачна огней безконечность,
И такъ доступна вся бездна эѳира,
Что прямо смотрю я изъ времени въ вѣчность,
И пламя твое узнаю, солнце міра!

И неподвижно на огненныхъ розахъ
Живой алтарь мірозданья курится,
Въ его дыму, какъ въ творческихъ грезахъ,
Вся сила дрожитъ и вся вѣчность снится.

И все, что̀ мчится по безднамъ эѳира,
И каждый лучъ, плотской и безплотный,
Твой только отблескъ, о солнце міра!
И только сонъ, только сонъ мимолетный.

И, этихъ грезъ въ міровомъ дуновеньи,
Какъ дымъ, несусь я и таю невольно;
И въ этомъ прозрѣньи, и въ этомъ забвеньи
Легко мнѣ жить и дышать мнѣ не больно.

1883).

XLV.

Въ тиши и мракѣ таинственной ночи
Я вижу блескъ привѣтный и милый,
И въ звѣздномъ хорѣ знакомыя очи
Горятъ въ стени надъ забытой могилой.

Трава поблекла, пустыня угрюма,
И сонъ сиротливъ одинокой гробницы,
И только въ небѣ, какъ вѣчная дума,
Сверкаютъ звѣздъ золотыя ресницы.

И снится мнѣ, что ты встала изъ гроба,
Такой же, какой ты съ земли отлетѣла,
И снится мнѣ, что мы молоды оба,
И ты взглянула, какъ прежде глядѣла.

(1883).

XLVI.

Когда Божественный бѣжалъ людскихъ рѣчей
И празднословной ихъ гордыни,
И голодъ забывалъ и жажду многихъ дней,
Внимая голосу пустыни,

Его, взалкавшаго, на темя сѣрыхъ скалъ
Князь міра вынесъ величавый,
„Вотъ здѣсь, у ногъ твоихъ всѣ царства“,—онъ сказалъ,
„Съ ихъ обаяніемъ и славой.

„Признай лишь явное. Пади къ моимъ ногамъ,
„Сдержи на мигъ порывъ духовный;
„И эту всю красу, всю власть тебѣ отдамъ
„И покорюсь въ борьбѣ неровной“.

Но Онъ отвѣтствовалъ: „Писанію внемли:
„Предъ Богомъ Господомъ лишь преклоняй колѣни“!
И сатана исчезъ,—и ангелы пришли
Въ пустынѣ ждать Его велѣній.

(1883).

XLVII.

НИЧТОЖЕСТВО

Тебя не знаю я! Болѣзненные крики
На рубежѣ твоемъ раждала грудь моя,
И были для меня мучительны и дики
Условья первыя земнаго бытія.

Сквозь слезъ младенческихъ, обманчивой улыбкой
Надежда озарить сумѣла мнѣ чело,
И вотъ всю жизнь съ тѣхъ поръ, ошибка за ошибкой,
Я все ищу добра—и нахожу лишь зло.

И дни смѣняются утратой и заботой,
(Не все ль равно: одинъ иль много этихъ дней!)
Хочу тебя забыть надъ тяжкою работой,
Но мигъ,—и ты въ глазахъ съ бездонностью своей.

Что̀ жь ты? Зачѣмъ? Молчатъ и чувства, и познанье.
Чей глазъ хоть заглянулъ на роковое дно?
Ты,—это вѣдь я самъ. Ты только отрицанье
Всего, что̀ чувствовать, что̀ мнѣ узнать дано.

Что̀ жь я узналъ? Пора узнать, что въ міроздань
Куда ни обратись,—вопросъ, а не отвѣтъ;
А я дышу, живу, и понялъ, что въ незнаньи
Одно прискорбное, но страшнаго въ немъ нѣтъ.

А между тѣмъ, когда бъ, въ смятеніи великомъ
Срываясь, силой я хоть дѣтской обладалъ,
Я встрѣтилъ бы твой край тѣмъ самымъ рѣзкимъ крикомъ,
Съ какимъ я нѣкогда твой берегъ покидалъ.

(1883).

XLVIII.

НИКОГДА

Проснулся я. Да, крыша гроба!—Руки
Съ усильемъ простираю и зову
На помощь. Да, я помню эти муки
Предсмертныя, — да, это на яву! —
И безъ усилій, словно паутину,
Сотлѣвшую раздвинулъ домовину

И всталъ. Какъ ярокъ этотъ зимній свѣтъ
Во входѣ склепа! Можно ль сомнѣваться?
Я вижу снѣгъ. На склепѣ двери нѣтъ.
Пора домой. Вотъ дома изумятся!
Мнѣ паркъ знакомъ, нельзя съ дороги сбиться.
А какъ онъ весь успѣлъ перемѣниться!

Бѣгу. Сугробы. Мертвый лѣсъ торчитъ
Недвижными вѣтвями въ глубь эѳира,
Но ни слѣдовъ, ни звуковъ. Все молчитъ,
Какъ въ царствѣ смерти сказочнаго міра.
А вотъ и домъ. Въ какомъ онъ разрушеньи!
И руки опустились въ изумленьи.

Селенье спитъ подъ снѣжной пеленой,
Тропинки нѣтъ по всей степи раздольной.
Да, такъ и есть! Надъ дальнею горой
Узналъ я церковь съ ветхой колокольней.
Какъ мерзлый путникъ въ снѣговой пыли,
Она торчитъ въ безоблачной дали.

Ни зимнихъ птицъ, ни мошекъ на снѣгу.
Все понялъ я! Земля давно остыла
И вымерла. Кому же берегу
Въ груди дыханье? Для кого могила
Меня вернула? И мое сознанье
Съ чѣмъ связано? И въ чемъ его призванье?

Куда идти, гдѣ некого обнять?
Тамъ, гдѣ въ пространствѣ затерялось время?
Вернись же смерть, поторопись принять
Послѣдней жизни роковое бремя!
А ты, застывшій трупъ земли, лети,
Неся мой трупъ по вѣчному пути!

(1883).

XLIX.

ДОБРО И ЗЛО

Два міра властвуютъ отъ вѣка,
Два равноправныхъ бытія:
Одинъ—объемлетъ человѣка,
Другой—душа и мысль моя.

И, какъ въ росинкѣ чуть замѣтной
Весь солнца ликъ ты узнаешь,
Такъ слитно въ глубинѣ завѣтной
Все мірозданье ты найдешь.

Не лжива юная отвага:
Согнись надъ роковымъ трудомъ, —
И міръ свои раскроетъ блага;
Но быть не мысли божествомъ!

И даже, въ часъ отдохновенья
Подъемля потное чело,
Не бойся горькаго сравненья
И различай добро и зло.

Но, если на крылахъ гордыни
Познать дерзаешь ты, какъ богъ,—
Не заноси же въ міръ святыни
Своихъ невольничьихъ тревогъ.

Пари всезрящій и всесильный,
И,—съ незапятнанныхъ высотъ,
Добро и зло, какъ прахъ могильный,
Въ толпы людскія отпадетъ.

(1885).

L.

О, этотъ сельскій день и блескъ его красивый
Въ безмолвіи я чту;
Не допустить до насъ мой ищетъ глазъ ревнивый
Безумную мечту.

Лелѣяла-бъ душа въ успокоеньи томномъ
Невѣдомую даль;
Но такъ нескромно все въ уединеньи скромномъ,
Что стыдно мнѣ и жаль.

Пойдемъ ли по полю мы, чуждые тревоги,
И радуетъ ходьба,—
Ужь кланяются намъ обоимъ вдоль дороги
Чужіе всѣ хлѣба.

Идемъ ли подъ вечеръ, избѣгнувши селеній,
Гдѣ все стоитъ въ пыли,
По солнцу движемся,—гляжу, а наши тѣни
За ровъ и въ лѣсъ ушли.

Вотъ ночь со всѣмъ уже, что̀ мучило недавно,
Перерываетъ связь,
А звѣзды, съ высоты глядя на насъ, такъ явно
Мигаютъ не стыдясь.

(1885).

LI.

ЛАСТОЧКИ

Природы праздный соглядатай,
Люблю, забывши все кругомъ,
Слѣдить за ласточкой стрѣльчатой
Надъ вечерѣющимъ прудомъ.

Вотъ понеслась и зачертила,—
И страшно, чтобы гладь стекла
Стихіей чуждой не схватила
Молніевиднаго крыла.

И снова тоже дерзновенье,
И таже темная струя!
Не таково ли вдохновенье
И человѣческаго я?

Не такъ ли я, сосудъ скудельный,
Дерзаю на запретный путь,
Стихіи чуждой, запредѣльной
Стремясь хоть каплю зачерпнуть?

(1885).

LII.

СМЕРТИ

Я въ жизни обмиралъ и чувство это знаю,
Гдѣ мукамъ всѣмъ конецъ и сладокъ томный хмель;
Вотъ почему я васъ безъ страха ожидаю,
Ночь безразсвѣтная и вѣчная постель!

Пусть головы моей рука твоя коснется,
И ты сотрешь меня со списка бытія,
Но предъ моимъ судомъ, покуда сердце бьется,
Мы силы равныя, и торжествую я.

Еще ты каждый мигъ моей покорна волѣ,
Ты—тѣнь у ногъ моихъ, безличный призракъ ты;
Покуда я дышу, ты—мысль моя, не болѣ,
Игрушка шаткая тоскующей мечты.

(1885).

LIII.

Страницы милыя опять персты раскрыли;
Я снова умиленъ и трепетать готовъ,
Чтобъ вѣтеръ, иль рука чужая не сронили
Засохшихъ, одному мнѣ вѣдомыхъ цвѣтовъ.

О, какъ ничтожно все! Отъ жертвы жизни цѣлой,
Отъ этихъ пылкихъ жертвъ и подвиговъ святыхъ—
Лишь тайная тоска въ душѣ осиротѣлой,
Да тѣни блѣдныя у лепестковъ сухихъ.

Но ими дорожитъ мое воспоминанье;
Безъ нихъ, все прошлое—одинъ жестокій бредъ,
Безъ нихъ—одинъ укоръ, безъ нихъ—одно терзанье,
И нѣтъ прощенія, и примиренья нѣтъ.

(1885).

LIV.

Еще одно забывчивое слово,
Еще одинъ случайный полувздохъ,
И тосковать я сердцемъ стану снова,
И буду я опять у этихъ ногъ.

Душа дрожитъ, готова вспыхнуть чище,
Хотя давно угасъ весенній день,
И, при лунѣ, на жизненномъ кладбищѣ
Страшна и ночь, и собственная тѣнь.

1885).

LV.

ТЕПЕРЬ

Мой прахъ уснетъ, забытый и холодный,
А для тебя настанетъ жизни май;
О, хоть на мигъ душою благородной
Тогда стихамъ, звучавшимъ мнѣ, внимай.

И, вдумчивымъ и чуткимъ сердцемъ дѣвы,
Безумныхъ сновъ волненья ты поймешь,
И, отъ чего въ дрожащіе напѣвы
Я уходилъ,—и ты за мной уйдешь.

Привѣтами, встающими изъ гроба,
Сердечныхъ тайнъ безсмертье ты провѣрь:
Внѣвременной повѣемъ жизнью оба,
И ты, и я, мы встрѣтимся—теперь.

(1885).

LVI.

Кровію сердца пишу я къ тебѣ эти строки;
Видно разлуки обоимъ несносны уроки,
Видно больному напрасно къ свободѣ стремиться,
Видно къ давно-прожитому нельзя воротиться,
Видно во всемъ, что̀ питало горячку недуга,
Легче и слаще вблизи упрекать намъ другъ друга.

(1885).

LVII.

СВѢТОЧЪ

Ловецъ, всѣ дни отдавшій лѣсу,
Я направлялъ по немъ стопы;
Мой глазъ привыкъ къ его навѣсу
И ночью различалъ тропы.

Когда же вдругъ изъ тучи мглистой
Сосну ужалилъ яркій змѣй,
Я самъ затеплилъ сукъ смолистый
У золотыхъ ея огней.

Горѣлъ мой факелъ величаво,
Тянулись тѣни предо мной,
Но, обѣжавъ меня лукаво,
Онѣ смыкались за спиной.

Пестрѣетъ мгла, блуждаютъ очи,
Кровавый призракъ въ нихъ глядитъ,
И тѣмъ ужаснѣй сумракъ ночи,
Чѣмъ ярче свѣточъ мой горитъ.

16 авг. 1885.

LVIII.

Духъ всюду сущій и единый.
Державинъ.

Я потрясенъ, когда кругомъ
Гудятъ лѣса, грохочетъ громъ,
И въ блескъ огней гляжу я снизу,
Когда, испугомъ обуянъ,
На скалы мечетъ океанъ
Твою серебряную ризу.

Но, просвѣтленный и нѣмой,
Овѣянъ властью неземной,
Стою не въ этотъ мигъ тяжелый, —
А въ часъ, когда, какъ бы во снѣ,
Твой свѣтлый ангелъ шепчетъ мнѣ
Неизреченные глаголы.

Я загораюсь и горю,
Я порываюсь и парю
Въ томленьяхъ крайняго усилья,
И вѣрю сердцемъ, что растутъ
И тотчасъ въ небо унесутъ
Меня раскинутыя крылья.

29 авг. 1885.

LIX.

Прости—и все забудь въ безоблачный ты часъ,
Какъ мѣсяцъ молодой на высотѣ лазури.
И въ нѣгу вешнюю врываются не разъ
Стремленьемъ молодымъ пугающія бури;

Когда жь подъ тучею, прозрачна и чиста,
Повѣдаетъ заря, что минулъ день ненастья,—
Былинки не найдешь и не найдешь листа,
Чтобы не плакалъ онъ и не сіялъ отъ счастья.

26 дек. 1886.

LX.

Въ степной глуши, надъ влагой молчаливой,
Гдѣ круглые раскинулись листы,
Любуюсь я давно, пловецъ пугливый,
На яркіе пловучіе цвѣты.

Они манятъ и свѣжестью пугаютъ;
Когда къ звѣздамъ ихъ взорами прильну,
Кто скажетъ мнѣ: какую измѣряютъ
Подводные ихъ корни глубину?

О, не гляди такъ мягко и привѣтно!
Я такъ боюсь забыться какъ-нибудь,—
Твоей души мнѣ глубина завѣтна,
Въ свою судьбу боюсь я заглянуть.

(1887).

LXI.

Нѣтъ, я не измѣнилъ. До старости глубокой
Я тотъ же преданный, я рабъ твоей любви,
И старый ядъ цѣпей, отрадный и жестокій,
Еще горитъ въ моей крови.

Хоть память и твердитъ, что между насъ могила,
Хоть каждый день бреду томительно къ другой,—
Не въ силахъ вѣрить я, чтобъ ты меня забыла,
Когда ты—здѣсь передо мной.

Мелькнетъ ли красота иная на мгновенье,
Мнѣ чудится, вотъ-вотъ, тебя я узнаю;
И нѣжности былой я слышу дуновенье
И, содрогаясь, я пою.

2 февр. 1887.

LXII.

Когда читала ты мучительныя строки,
Гдѣ сердца звучный пылъ сіянье льетъ кругомъ
И страсти роковой вздымаются потоки,—
Не вспомнила ль о чемъ?

Я вѣрить не хочу! Когда въ степи, какъ диво,
Въ полночной темнотѣ безвременно горя,
Вдали передъ тобой, прозрачно и красиво,
Вставала вдругъ заря,

И въ эту красоту невольно взоръ тянуло,
Въ тотъ величавый блескъ за темный весь предѣлъ,—
Ужель ничто тебѣ въ то время не шепнуло:
Тамъ—человѣкъ сгорѣлъ?

28 февр. 1878.

LXIII.

СЕВАСТОПОЛЬСКОЕ БРАТСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Какой тутъ дышитъ миръ! Какая славы тризна
Средь кипарисовъ, миртъ и каменныхъ гробовъ!
Рукою набожной, сложила здѣсь отчизна
Священный прахъ своихъ сыновъ.

Они и подъ землей отвагой прежней дышатъ...
Боюсь, мои стопы покой ихъ возмутятъ,
И мнится, всѣ они шаги живаго слышатъ,
Но лишь молитвенно молчатъ.

Счастливцы! Высшею пылали вы любовью:
Тутъ, что̀ ни мавзолей, ни подпись,—все боецъ;
И рядомъ улеглись, своей залиты кровью,
И дѣдъ со внукомъ, и отецъ.

Изъ каменныхъ гробовъ ихъ голосъ вѣчно слышенъ,
Имъ внуковъ поучать навѣки суждено,
Ихъ слава такъ чиста, ихъ жребій такъ возвышенъ,
Что имъ завидовать грѣшно...

4 іюня 1887.

LXIV.

Свѣтилъ намъ день, будя огонь въ крови...
Прекрасная, восторговъ ты искала
И о своей несбыточной любви
Младенчески мнѣ тайны повѣряла.

Какъ могъ, слѣпецъ, я не видать тогда,
Что, жизни ночь надъ нами лишь сгустится,
Твоя душа, красы твоей звѣзда,
Передо мной, умчавшись, загорится,

И, разлучась навѣки, мы поймемъ,
Что счастья взрывъ мы промолчали оба,
И что—вздыхать обоимъ намъ по немъ,
Хоть будемъ врознь стоять у двери гроба!

9 іюня 1887.

LXV.

Все, все мое, что̀ есть и прежде было!
Въ мечтахъ и снахъ нѣтъ времени оковъ;
Блаженныхъ грезъ душа не подѣлила:
Нѣтъ старческихъ и юношескихъ сновъ.

За рубежомъ вседневнаго удѣла
Хотя на мигъ отрадно и свѣтло;
Пока душа кипитъ въ горнилѣ тѣла,
Она летитъ, куда несетъ крыло.

Не говори о счастьи, о свободѣ
Тамъ, гдѣ царитъ желѣзная судьба!
Сюда! сюда! Не рабство здѣсь природѣ,—
Она сама здѣсь вѣрная раба.

17 іюля 1887.

LXVI.

Съ солнцемъ склоняясь за темную землю,
Взоромъ весь пройденный путь я объемлю:
Вижу, безслѣдно пустынная мгла
День погасила и ночь привела.

Страннымъ лишь что-то мерцаетъ узоромъ:
Горе минувшее тайнымъ укоромъ,
Въ сбивчивомъ ходѣ несбыточныхъ грезъ,
Тамъ милліоны разсыпало слезъ.

Стыдно и больно, что такъ непонятно
Свѣтятся эти туманныя пятна,
Словно неясно дошедшая вѣсть...
Все бы, ахъ, все бы съ собою унесть!

22 авг. 1887.

LXVII.

Однимъ толчкомъ согнать ладью живую
Съ наглаженныхъ отливами песковъ,
Одной волной подняться въ жизнь иную,
Учуять вѣтръ съ цвѣтущихъ береговъ;

Тоскливый сонъ прервать единымъ звукомъ,
Упиться вдругъ невѣдомымъ, роднымъ,
Дать жизни вздохъ, дать сладость тайнымъ мукамъ,
Чужое вмигъ почувствовать своимъ;

Шепнуть о томъ, предъ чѣмъ языкъ нѣмѣетъ,
Усилить бой безтрепетныхъ сердецъ, —
Вотъ чѣмъ пѣвецъ лишь избранный владѣетъ!
Вотъ въ чемъ его и признакъ, и вѣнецъ!

28 окт. 1887.
Москва.

LXVIII.

Въ полуночной тиши безсонницы моей
Встаютъ предъ напряженнымъ взоромъ
Былыя божества, кумиры прежнихъ дней,
Съ ихъ вызывающимъ укоромъ.

И снова я люблю, и снова я любимъ,
Несусь во слѣдъ мечтамъ любимымъ,
А сердце грѣшное томитъ меня своимъ
Неправосудьемъ нестерпимымъ.

Стоятъ усердные, прекрасные друзья,
То соблазнительны, то строги;
Но тщетно алтарей ищу предъ ними я:
Они — развѣнчанные боги!

Предъ ними сердце вновь въ тревогѣ и въ огнѣ;
Но пламень тотъ съ былымъ несхожій:
Какъ будто, смертному потворствуя, онѣ
Сошли съ божественныхъ подножій.

И лишь надменныя, на зло живой мечтѣ,
Не зная милости и битвы,
Стоятъ владычицы на прежней высотѣ
Подъ шепотъ презрѣнной молитвы.

Ихъ снова ищетъ взоръ изъ подъ усталыхъ вѣждъ,
Мольба къ нимъ тщетная стремится,
И прежній ѳиміамъ несбыточныхъ надеждъ
У ногъ ихъ все еще дымится.

3 янв. 1888.
Москва.

LXIX.

Прости! Во мглѣ воспоминанья
Все вечеръ помню я одинъ:
Тебя одну среди молчанья
И твой пылающій каминъ.

Глядя въ огонь, я забывался;
Волшебный кругъ меня томилъ,
И чѣмъ-то горькимъ отзывался
Избытокъ счастія и силъ.

Что за раздуміе у цѣли?
Куда безумство завлекло?
Въ какія дебри и мятели
Я уносилъ твое тепло?

Гдѣ ты? Ужель, ошеломленный,
Кругомъ не видя ничего,
Застывшій, вьюгой убѣленный,
Стучусь у сердца твоего?..

22 янв. 1888.
Москва.

LXX.

Руку бы снова твою мнѣ хотѣлось пожать;
Прежняго счастья, конечно, уже не видать,
Но и подъ старость отрадно очами недуга
Вновь увидать неизмѣнно-прекраснаго друга.

Въ голой аллеѣ, гдѣ листъ подъ ногами шумитъ,
Какъ-то пугливо и сладостно сердце щемитъ,
Если стопамъ попирать довелося устало
То, что́ когда-то такъ много блаженства скрывало.

14 авг. 1888.
Воробьевка.

LXXI.

УГАСШИМЪ ЗВѢЗДАМЪ

Долго ль впивать мнѣ мерцаніе ваше,
Синяго неба пытливыя очи?
Долго ли чуять, что выше и краше
Васъ ничего нѣтъ во храминѣ ночи?

Можетъ быть нѣтъ васъ подъ тѣми огнями:
Давняя васъ погасила эпоха;—
Такъ и по смерти летѣть къ вамъ стихами,
Къ призракамъ звѣздъ, буду призракомъ вздоха.

6 мая 1890.
Воробьевка.

LXXII.

ПОЭТАМЪ

Сердце трепещетъ отрадно и больно,
Подняты очи, и руки воздѣты;
Здѣсь на колѣняхъ я снова невольно,
Какъ и бывало, предъ вами, поэты.

Въ вашихъ чертогахъ мой духъ окрылился,
Правду провидитъ онъ съ высей творенья;
Этотъ листокъ, что изсохъ и свалился,
Золотомъ вѣчнымъ горитъ въ пѣснопѣньи!

Только у васъ мимолетныя грезы
Старыми въ душу глядятся друзьями,
Только у васъ благовонныя розы
Вѣчно восторга блистаютъ слезами.

Съ торжищъ житейскихъ, безцвѣтныхъ и душныхъ,
Видѣть такъ радостно тонкія краски;
Въ радугахъ вашихъ, прозрачно воздушныхъ,
Неба роднаго мнѣ чудятся ласки.

5 іюня 1890.
Воробьевка.

LXXIII.

Хоть счастіе судьбой даровано не мнѣ,
Зачѣмъ объ этомъ такъ напоминать небрежно?
Какъ будто бы нельзя, въ больномъ и сладкомъ снѣ,
Дозволить мнѣ любить васъ пламенно и нѣжно?

Хотя бъ признался я въ безуміяхъ своихъ,
Что̀ стоитъ робкаго вамъ не пугать признанья?
Что̀ стоитъ шелкъ рѣсницъ склонить вамъ въ этотъ мигъ,
Чтобъ не блеснулъ въ очахъ огонь негодованья?

Участья не прошу, могла бъ и ваша грусть,
Хотя бъ притворная, родить во мнѣ отвагу,
И, издали молясь, поэтъ безумецъ пусть
Прекрасный образъ вашъ набросить на бумагу.

16 іюня 1890.
Воробьевка.

LXXIV.

Еще люблю, еще томлюсь
Передъ всемірной красотою
И ни за что не отрекусь
Отъ ласкъ, ниспосланныхъ тобою.

Покуда на груди земной
Хотя съ трудомъ дышать я буду,
Весь трепетъ жизни молодой
Мнѣ будетъ внятенъ отовсюду.

Покорны солнечнымъ лучамъ,
Такъ сходятъ корни въ глубь могилы
И тамъ у смерти ищутъ силы
Бѣжать на встрѣчу вешнимъ днямъ.

10 дек. 1890.

LXXV.

На креслѣ отвалясь, гляжу на потолокъ,
Гдѣ, на задоръ воображенью,
Надъ лампой тихою подвѣшенный кружокъ
Вертится призрачною тѣнью.

Зари осенней слѣдъ въ мерцаньи этомъ есть:
Надъ кровлей, кажется, и садомъ,
Не въ силахъ улетѣть, и не рѣшаясь сѣсть,
Грачи кружатся темнымъ стадомъ...

Нѣтъ! То не крыльевъ шумъ, то—кони у крыльца!
Я слышу трепетныя руки...
Какъ блѣдность холодна прекраснаго лица!
Какъ шопотъ горестенъ разлуки!

Молчу, потерянный, на дальній путь глядя
Изъ-за темнѣющаго сада...
И кружится еще, пріюта не найдя,
Грачей встревоженное стадо.

15 дек. 1890.

LXXVI.

Не упрекай, что я смущаюсь,
Что я минувшее принесъ
И предъ тобою содрогаюсь
Подъ дуновеньемъ прежнихъ грезъ.

Тѣ грезы — жизнь ихъ осудила —
То — прахъ давнишнихъ алтарей;
Но ихъ — побѣднымъ возмутила
Движеньмъ ты стопы своей.

Уже мерцаетъ свѣтъ, готовый
Все озарить, всему помочь,
И, согрѣваясь жизнью новой,
Росою счастья плачетъ ночь.

3 февр. 1891.

LXXVII.

Нѣтъ, даже не тогда, когда, стопой воздушной
Спѣша на встрѣчу мнѣ, улыбку ты даришь,
И, заглянувъ въ глаза, мечтѣ моей послушной
О беззавѣтности надежды говоришь,

Нѣтъ, чтобы счастію нежданному отдаться,
Чтобы исчезнуть въ немъ, спускаяся до дна,
Мнѣ нужно одному съ душой своей остаться,
Молчанье нужно мнѣ кругомъ и тишина.

Тутъ сердца говоритъ мнѣ каждое біенье
Про все, чѣмъ радостной обязанъ я судьбѣ,
А тихая слеза блаженства и томленья,
Скатясь жемчужиной, напомнитъ о тебѣ.

19 февр. 1891.

LXXVIII.

Кляните насъ! Намъ дорога свобода,
И буйствуетъ не разумъ въ насъ, а кровь;
Въ насъ вопіетъ всесильная природа,
И прославлять мы будемъ вѣкъ любовь.

Въ примѣръ себѣ пѣвцовъ весеннихъ ставимъ:
Какой восторгъ—такъ говорить умѣть!
Какъ мы живемъ, такъ мы поемъ и славимъ,
И такъ живемъ, что намъ нельзя не пѣть.

2 марта 1891.

LXXIX.

Ночь и я, мы оба дышимъ,
Цвѣтомъ липы воздухъ пьянъ,
И, безмолвные, мы слышимъ,
Что̀, струей своей колышимъ,
Напѣваетъ намъ фонтанъ.

Я,—и кровь, и мысль, и тѣло,—
Мы — послушные рабы:
До извѣстнаго предѣла
Всѣ возносимся мы смѣло
Подъ давленіемъ судьбы.

Мысль несется, сердце бьется,
Мглѣ мерцаньемъ не помочь;
Къ сердцу кровь опять вернется,
Въ водоемъ мой лучъ прольется,
И заря потушитъ ночь.

7 іюня 1891.

LXXX.

О, какъ волнуюся я мыслію больною,
Что въ мигъ, когда закатъ такъ дѣвственно хорошъ,
Здѣсь на болконѣ ты, лицомъ передъ зарею,
Восторга моего, быть можетъ, не поймешь!

Внизу—померкшій садъ уснулъ. Лишь тополь дальній
Все грезитъ въ вышинѣ и ставитъ листъ ребромъ,
И зыблетъ, уловя денницы блескъ прощальный,
И чистымъ золотомъ, и мелкимъ серебромъ.

И вѣрить хочется, что все, что̀ такъ прекрасно,
Такъ тихо властвуетъ въ прозрачный этотъ мигъ,
По небу и душѣ проходитъ не напрасно,
Какъ оправданіе стремленій роковыхъ.

12 авг. 1891.

LXXXI.

Все, что̀ волшебно такъ манило,
Изъ за чего весь вѣкъ жилось,
Со днями зимними остыло
И непробудно улеглось.

Нѣтъ ни надеждъ, ни силъ для битвы,
Лишь, посреди ничтожныхъ смутъ,
Какъ гордость думъ, какъ храмъ молитвы,
Страданья въ прошломъ возстаютъ.

28 февр. 1892.

МЕЛОДІИ.

I.

Не отходи отъ меня,
Другъ мой, останься со мной!
Не отходи отъ меня,
Мнѣ такъ отрадно съ тобой...

Ближе другъ къ другу, чѣмъ мы,
Ближе нельзя намъ и быть;
Чище, живѣе, сильнѣй,
Мы не умѣемъ любить.

Если же ты предо мной,
Грустно головку склоня, —
Мнѣ такъ отрадно съ тобой..
Не отходи отъ меня!

(1842).

II.

Буря на небѣ вечернемъ,
Моря сердитаго шумъ,
Буря на морѣ и думы,
Много мучительныхъ думъ.

Буря на морѣ и думы,
Хоръ возрастающихъ думъ,
Черная туча за тучей,
Моря сердитаго шумъ.

(1842).

III.

NOCTURNO

Ты спишь одинъ, забытъ на мѣстѣ дикомъ,
Старинный монастырь!
Твой сводъ упалъ, кругомъ летаютъ съ крикомъ
Сова и нетопырь.

И стеколъ нѣтъ, и свищетъ вихорь ночи
Во впадину окна,
Да плющъ растетъ, да устремляетъ очи
Полночная луна.

И кто-то тамъ мелькаетъ въ свѣтѣ лунномъ,
Блеститъ его уборъ,
И слышатся на помостѣ чугунномъ
Шаги и звуки шпоръ.

И грустную симфонію печали
Звучитъ во тьмѣ органъ...
То—тихо все, какъ будто вѣчно спали
И стѣны и органъ.

(1842).

IV.

Давно ль подъ волшебные звуки
Носились по залѣ мы съ ней?
Теплы были нѣжныя руки,
Теплы были звѣзды очей.

Вчера пѣли пѣснь погребенья.
Безъ крыши гробница была;
Закрывши глаза, безъ движенья,
Она подъ парчою спала.

Я спалъ. Надъ постелью моею
Стояла луна мертвецомъ —
Подъ чудные звуки мы съ нею
Носились по залѣ вдвоемъ.

(1842).

V.

На зарѣ ты ея не буди,
На зарѣ она сладко такъ спитъ;
Утро дышитъ у ней на груди,
Ярко пышетъ на ямкахъ ланитъ.

И подушка ея горяча,
И горячъ утомительный сонъ,
И, чернѣясь, бѣгутъ на плеча
Косы лентой съ обѣихъ сторонъ.

А вчера у окна ввечеру
Долго-долго сидѣла она,
И слѣдила по тучамъ игру,
Что̀ скользя затѣвала луна.

И, чѣмъ ярче играла луна,
И чѣмъ громче свисталъ соловей,
Все блѣднѣй становилась она,
Сердце билось больнѣй и больнѣй.

Отъ того-то на юной груди,
На ланитахъ такъ утро горитъ.
Не буди жь ты ея, не буди...
На зарѣ она сладко такъ спитъ!

(1842).

VI.

Я полонъ думъ, когда, закрывши вѣжды,
Внимаю шумъ
Младаго дня и молодой надежды,
Я полонъ думъ.

Я все съ тобой, когда рука неволи
Владѣетъ мной,—
И цѣлый день, туманно ли, свѣтло ли,
Я все съ тобой.

Вотъ мѣсяцъ всплылъ въ своемъ сіяньи дивномъ
На высоты,
И водометъ въ лобзаньи непрерывномъ,—
О, гдѣ же ты?

(1842).

VII.

Когда я блестящій твой локонъ цѣлую
И жарко дышу такъ на милую грудь,—
Зачѣмъ говоришь ты про дѣву иную
И въ очи мнѣ прямо не смѣешь взглянуть?

Хоть вечеръ и близокъ, не бойся! Отъ стужи
Тебя я въ широкій свой плащъ заверну;
Луна не въ туманѣ, а звѣздъ хоть и много,
Но мы заглядимся съ тобой на одну.

Хоть въ сердце не вѣруй... хоть вѣруй въ мгновенье,
И взоръ мой, и трепетъ, и лепетъ пойми,
И, жаркимъ лобзаньемъ спаливши сомнѣнье,
Ревнивая дѣва, меня обойми!

(1842).

VIII.

Я долго стоялъ неподвижно,
Въ далекія звѣзды вглядясь,—
Межъ тѣми звѣздами и мною
Какая-то связь родилась.

Я думалъ... не помню, что̀ думалъ;
Я слушалъ таинственный хоръ,
И звѣзды тихонько дрожали,
И звѣзды люблю я съ тѣхъ поръ...

(1843).

IX.

Облакомъ волнистымъ
Пыль встаетъ вдали;
Конный или пѣшій —
Не видать въ пыли!

Вижу: кто-то скачетъ
На лихомъ конѣ.
Другъ мой, другъ далёкій,
Вспомни обо мнѣ!

(1843).

X.

Ахъ, дитя, къ тебѣ привязанъ
Я любовью безвозмездной!
Нынче ты, моя малютка
Снилась мнѣ въ коронѣ звѣздной...

Что за искры эти звѣзды!
Что за кроткое сіянье!
Ты сама, моя малютка,
Что за свѣтлое созданье!

(1843).

XI.

Улыбка томительной скуки
Средь общей веселія жажды...
Вы, полные, сладкіе звуки,
Знать васъ не услышать мнѣ дважды!

Зачѣмъ же за тающей скрипкой
Такъ сердце въ груди встрепенулось,
Какъ-будто знакомой улыбкой
Минувшее вдругъ улыбнулось?

Такъ томно и грустно-небрежно
Въ свой міръ расцвѣченный уноситъ
И ластится къ сердцу такъ нѣжно,
И такъ умилительно проситъ?

(1844).

XII.

За кормою струйки вьются,
Мы несемся въ челнокѣ,
И далеко раздаются
Звуки Нормы по рѣкѣ.

Млечный путь глядится въ воду —
Свѣтлый праздникъ свѣтлыхъ лѣтъ!
Я весломъ прибавилъ ходу —
И луна бѣжитъ во слѣдъ.

Струйки вьются, пѣсни льются,
Вторитъ эхо вдалекѣ,
И дробяся раздаются
Звуки Нормы по рѣкѣ.

(1844).

XIII.

Какъ мошки зарею,
Крылатые звуки толпятся;
Съ любимой мечтою
Не хочется сердцу разстаться.

Но цвѣтъ вдохновенья
Печаленъ средь будничнихъ терній;
Былое стремленье
Далеко, какъ отблескъ вечерній.

Но память былаго
Все крадется въ сердце тревожно...
О, еслибъ безъ слова
Сказаться душой было можно!

(1844).

XIV.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ СЕРДЦУ

Сердце — ты малютка!
Угомонъ возьми...
Хоть на мигъ разсудка
Голосу вонми!
Радъ принять душою
Всю болѣзнь твою.
Спи, Господь съ тобою,
Баюшки-баю!

Не касайся къ ранѣ:
Станетъ подживать!
Не тоскуй по нянѣ,
Что ушла гулять;
Это только шутка:
Няню жди свою.
Засыпай, малютка,
Баюшки-баю!

А не то другая
Нянюшка прійдетъ,
Сядетъ молодая,
Пѣсни запоетъ:
„Посмотри, родное,
„На красу мою,
„Да усни въ покоѣ...
„Баюшки-баю!“

Что̀ жь ты повернулось?
Прежней няни жаль?
Знать опять проснулась
Старая печаль?
Знать пуста скамейка,
Даромъ что пою:
Что̀ жь она, злодѣйка?
Баюшки-баю!

Подожди, вотъ къ лѣту
Станешь подростать,
Колыбельку эту
Надо промѣнять.
Я кровать большую
Дамъ тебѣ свою,
И свѣчу задую.
Баюшки-баю!

И долга кроватка,
И безъ няни въ ней
Спится сладко-сладко,
До скончанья дней.
Перестанешь биться,
И—на вѣкъ въ раю...
Только будетъ сниться:
Баюшки-баю!

(1844).

XV.

Весеннее небо глядится
Сквозь вѣтви мнѣ въ очи случайно,
И тѣнь золотая ложится
На воды блестящаго Майна.

Вдали огонекъ одинокій
Трепещетъ подъ сумракомъ липокъ,
Исполнена тайны жестокой
Душа замирающихъ скрипокъ.

Средь шума толпы неизвѣстной
Тѣ звуки понятнѣй мнѣ вдвое,
Напомнили силой чудесной
Они мнѣ все сердцу родное.

Ожившая память несется
Къ прошедшей тоскѣ и веселью;
То сердце замретъ, то проснется
За каждой безумною трелью.

Но быстро волшебной чредою
Промчалась тоскливая тайна,
И мѣсяцъ бѣжитъ полосою
Вдоль водъ тихоструйнаго Майна.

(1845).

XVI.

Недвижныя очи, безумныя очи,
Зачѣмъ вы средь дня и въ часы полуночи
Такъ жадно вперяетесь вдаль?
Уже ли вы въ томъ потонули минувшемъ,
Давно и мгновенно предъ вами мелькнувшемъ,
Котораго сердцу такъ жаль?

Не высмотрѣть вамъ, чего нѣтъ и что̀ было,
Что̀ сердце, тоскуя, въ себѣ схоронило
На самое темное дно;
Не вамъ допросить у случайности жадной,
Куда она скрыла рукой безпощадной,
Что̀ было такъ щедро дано.

(1846).

XVII.

Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ,
Всѣхъ въ немъ цвѣтовъ благовонія слышны;
Кудри твои такъ обильны и пышны,—
Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ!

Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ,
Яснаго взора губительна сила;
Нѣтъ, я не вѣрю, чтобъ ты не любила!
Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ!

Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ,
Счастію сердце легко предается,
Мнѣ близь тебя хорошо, и поется...
Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ!

(1847).

XVIII.

Полуночные образы рѣютъ,
Блещутъ искрами ярко въ потьмахъ;
Но глаза различить не умѣютъ,
Много ль ихъ на тревожныхъ крылахъ.

Полуночные образы стонутъ,
Какъ больной въ утомительномъ снѣ,
И всплываютъ, и стонутъ, и тонутъ;
Но о чемъ это стонутъ онѣ?

Полуночные образы воютъ,
Какъ духовъ испугавшійся пёсъ;
То нахлынутъ, то бездну откроютъ,
Какъ волна обнажаетъ утесъ.

(1850).

XIX.

СЕРЕНАДА

Тихо вечеръ догораетъ,
Горы золотя;
Знойный воздухъ холодаетъ...
Спи, мое дитя!

Соловьи давно запѣли,
Сумракъ возвѣстя;
Струны робко зазвенѣли...
Спи, мое дитя!

Смотрятъ ангельскія очи,
Трепетно свѣтя;
Такъ легко дыханье ночи!
Спи, мое дитя!

(1850).

Расписныя раковины блещутъ
Въ переливахъ чудной позолоты,
До луны жемчужной пѣной мещутъ
И алмазной пылью водометы;

Листья полны свѣтлыхъ насѣкомыхъ,
Все растетъ и рвется вонъ изъ мѣры;
Много сновъ проносится знакомыхъ,
И на сердцѣ много сладкой вѣры;

Переходятъ радужныя краски,
Раздражая око свѣтомъ ложнымъ;
Мигъ еще... и нѣтъ волшебной сказки,
И душа опять полна возможнымъ.

Мы одни. Изъ сада въ стекла оконъ
Свѣтитъ мѣсяцъ... Тусклы наши свѣчи.
Твой душистый, твой послушный локонъ,
Развиваясь, падаетъ на плечи.

(1850).

XXI.

Спи,— еще зарею
Холодно и рано;
Звѣзды за горою
Блещутъ средь тумана;

Пѣтухи недавно
Въ третій разъ пропѣли,
Съ колокольни плавно
Звуки пролетѣли.

Дышатъ липъ верхушки
Нѣгою отрадной,
А углы подушки
Влагою прохладной.

(1850).

XXII.

О, не зови! Страстей твоихъ такъ звонокъ
Родной языкъ!
Ему внимать и плакать, какъ ребенокъ,
Я такъ привыкъ.

Передо мной дай волю сердцу биться
И не лукавь!
Я знаю край, гдѣ все, что̀ можетъ сниться,
Трепещетъ въ явь.

Скажи, не я ль, на первыя воззванья
Страстей, въ отвѣтъ
Искалъ блаженствъ, которымъ нѣтъ названья
И мѣры нѣтъ?

Что̀ жь? Рухнула съ разбѣга колесница,
Хоть цѣль вдали,
И, распростертъ, заносчивый возница
Лежитъ въ пыли.

Я это зналъ,— съ послѣднимъ увлеченьемъ
Конецъ всему;
Но самый прахъ съ любовью, съ наслажденьемъ
Я обойму.

Такъ предо мной дай волю сердцу биться
И не лукавь!
Я знаю край, гдѣ все, что̀ можетъ сниться,
Трепещетъ въ явь.

И не зови,—но пѣсню, на удачу,
Любви запой;
На первый звукъ я, какъ дитя, заплачу,
И — за тобой!

(1850).

XXIII.

УЗНИКЪ

Густая крапива
Шумитъ подъ окномъ,
Зеленая ива
Повисла шатромъ;

Веселыя лодки
Въ дали голубой;
Желѣзо рѣшотки
Визжитъ подъ пилой.

Бывалое горе
Уснуло въ груди,
Свобода и море
Горятъ впереди...

Прибавилось духа,
Затихла тоска,
И слушаетъ ухо,
И пилитъ рука.

(1850).

XXIV.

Младенческой ласки доступенъ мнѣ лепетъ,
Душа откровенно такъ съ жизнью мирится,
Безумнаго счастья томительный трепетъ
Горячимъ приливомъ по сердцу стремится.

Скажу той звѣздѣ, что такъ ярко сіяетъ!
Давно не видались мы въ мірѣ широкомъ,
Но я понимаю, на что̀ намекаетъ
Мнѣ съ неба она многозначущимъ окомъ.

Ты смотришь мнѣ въ очи. Ты права: мой трепетъ
Понятенъ, какъ лучъ твой, что въ воды глядится;
Младенческой ласки доступенъ мнѣ лепетъ,
Душа откровенно такъ съ жизнью мирится.

(1850).

XXV.

Тихо ночью на степи;
Небо ей сказало: спи!
И курганы спятъ;
Звѣзды жь крупныя въ лучахъ
Говорятъ на небесахъ:
Вѣчный—святъ, святъ, святъ!

Въ небѣ чутко и свѣтло;
Неподвижное крыло
За плечомъ молчитъ;
Нѣтъ движенья, лишь порой
Брилліантовой слезой
Ангелъ пролетитъ.

1850).

XXVI.

Какіе-то носятся звуки
И льнутъ къ моему изголовью...
Полны они томной разлуки,
Дрожатъ небывалой любовью.

Казалось бы... что̀ жь? Отзвучала
Послѣдняя нѣжная ласка,
По улицѣ пыль пробѣжала,
Почтовая скрылась коляска...

И только... Но пѣсня разлуки
Несбыточной дразнитъ любовью,
И носятся свѣтлые звуки
И льнутъ къ моему изголовью.

(1853).

XXVII.

Люди спятъ; мой другъ, пойдемъ въ тѣнистый садъ.
Люди спятъ; однѣ лишь звѣзды къ намъ глядятъ,
Да и тѣ не видятъ насъ среди вѣтвей,
И не слышатъ, — слышитъ только соловей...

Да и тотъ не слышитъ, — пѣснь его громка;
Развѣ слышатъ только сердце да рука:
Слышитъ сердце, сколько радостей земли,
Сколько счастія сюда мы принесли;

Да рука, услыша, сердцу говоритъ,
Что чужая въ ней пылаетъ и дрожитъ,
Что и ей отъ этой дрожи горячо,
Что къ плечу невольно клонится плечо...

(1854).

XXVIII.

Ты расточительна на милыя слова,
А въ сердцѣ мнѣ не шлешь отраднаго привѣта,
И втайнѣ думаешь: причудлива, черства
Душа суровая поэта.

Я тоже жду; я жду, нельзя ли превозмочь
Твоей холодности, подмѣтить мигъ участья,
Чтобы въ глазахъ твоихъ, загадочныхъ какъ ночь,
Затрепетали звѣзды счастья.

Я жду, я жажду ихъ; мечтателю въ ночи
Сіянья не встрѣчать пышнѣе и прелестнѣй,
И знаю, низойдутъ ихъ яркіе лучи
Ко мнѣ и трепетомъ, и пѣсней.

(1854).

XXIX.

ЛѢСЪ

Куда ни обращаю взоръ,
Кругомъ синѣетъ мрачный боръ,
И день права свои утратилъ;
Въ глухой дали стучитъ топоръ,
Вблизи стучитъ вертлявый дятелъ.

У ногъ гніетъ столѣтній ломъ,
Гранитъ чернѣетъ, и за пнемъ
Прижался заяцъ серебристый,
А на соснѣ, поросшей мхомъ,
Мелькаетъ бѣлки хвостъ пушистый.

И путь заглохъ и одичалъ,
Позеленѣлый мостъ упалъ,
И легъ, скосясь, во рву размытомъ,
И конь давно не выступалъ
По немъ подкованнымъ копытомъ.

(1854).

XXX.

Что̀ за ночь! Прозрачный воздухъ скованъ,
Надъ землей клубится ароматъ.
О, теперь я счастливъ, я взволнованъ,
О, теперь я высказаться радъ!

Помнишь часъ послѣдняго свиданья?
Безотраденъ сумракъ ночи былъ;
Ты ждала, ты жаждала признанья —
Я молчалъ: тебя я не любилъ.

Холодѣла кровь и сердце ныло:
Такъ тяжка была твоя печаль;
Горько мнѣ за насъ обоихъ было,
И сказать мнѣ правду было жаль.

Но теперь, когда дрожу и млѣю
И, какъ рабъ, твой каждый взоръ ловлю,
Я не лгу, назвавъ тебя своею
И клянясь, что я тебя люблю.

(1854).

XXXI.

ИВА

Сядемъ здѣсь, у этой ивы.
Что за чудные извивы
На корѣ вокругъ дупла!
А подъ ивой какъ красивы
Золотые переливы
Струй дрожащаго стекла!

Вѣтви сочныя дугою
Перегнулись надъ водою,
Какъ зеленый водопадъ;
Какъ живые, какъ иглою,
Будто споря межъ собою,
Листья воду бороздятъ.

Въ этомъ зеркалѣ подъ ивой
Уловилъ мой глазъ ревнивый
Сердцу милыя черты...
Мягче взоръ твой горделивый...
Я дрожу, глядя, счастливый,
Какъ въ водѣ дрожишь и ты.

(1854).

XXXII.

ЗНАКОМКѢ СЪ ЮГА

На Сѣверъ грустный съ пламеннаго Юга,
Прекрасныхъ дней прекрасная подруга,
Ты мнѣ привѣтъ отрадный принесла.
Но холодомъ полночнымъ все убило,
Что̀ сердце тамъ такъ искренно любило
И чѣмъ душа такъ радостно цвѣла.

О, какъ бы я на милый зовъ отвѣтилъ
Тамъ, гдѣ луны встающій дискъ такъ свѣтелъ,
Гдѣ солнца блескъ живителенъ и жгучъ,
Гдѣ дышитъ ночь невыразимой тайной,
И теплятся надъ спящею Украйной
Въ лучахъ лазурныхъ звѣзды изъ-за тучъ,

И грезитъ прудъ и дремлетъ тополь сонный,
Вдоль тучъ скользя вершиной заостренной,
Гдѣ воздухъ, свѣтъ и думы—заодно̀,
И грудь дрожитъ отъ страсти неминучей,
И вѣткою все просится пахучей
Акація въ раскрытое окно.

(1854).

XXXIII.

О другъ! не мучь меня жестокимъ приговоромъ!
Я оскорбить тебя минувшимъ не хочу;
Оно плѣнительнымъ промчалось метеоромъ...
Съ твоимъ я встрѣтиться робѣлъ и жаждалъ взоромъ
И приходилъ молчать. Я и теперь молчу.

Добра и красоты въ чертахъ твоихъ сліянье
По прежнему еще мой подкупаетъ умъ.
Я вижу, — вотъ оно, то нѣжное созданье,
Къ которому я несъ весь пылъ, все упованье
Безумныхъ, радостныхъ, невысказанныхъ думъ.

Но помнишь ли? Весной гремѣла пѣснь лѣсная
И кликалъ соловей серебряные сны...
Теперь душистѣй лѣсъ, пышнѣе тѣнь ночная,
И хочетъ соловей запѣть, какъ утромъ мая...
Но робко такъ не пѣлъ онъ въ первый день весны.

(1856).

XXXIV.

РЕВЕЛЬ

(ПОСЛѢ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ ФРЕЙШЮЦА)

Театръ во мглѣ затихъ. Агата
Въ объятьяхъ нѣжнаго стрѣлка.
Еще напѣвами объята,
Душа свѣтла, и жизнь легка.

Все спитъ. Надъ тѣснымъ переулкомъ,
Какъ рѣчка блещутъ небеса,
Умолкъ на перекресткѣ гулкомъ
Далекій грохотъ колеса.

И съ каждымъ шагомъ городъ душный
Передо мной стѣсняетъ даль;
Лишь тамъ, на высотѣ воздушной,
Блеститъ балконъ, поетъ рояль...

И, съ переливомъ серебристымъ,
Съ лучомъ, просящимся во тьму,
Летитъ твой голосъ къ звѣздамъ чистымъ,
И вторитъ сердцу моему.

(1856).

XXXV.

Вчера, увѣнчана душистыми цвѣтами,
Смотрѣла долго ты въ зеркальное окно,
На небо синее, горѣвшее звѣздами,
Въ аллею тополей съ дрожащими листами,
Въ аллею, гдѣ вдали такъ страшно и темно.

Забыла, можетъ быть, ты за собою въ залѣ
И яркій блескъ свѣчей, и нѣжныя слова...
Когда помчался вальсъ и струны рокотали,—
Я видѣлъ — вся въ цвѣтахъ, исполнена печали,
Къ плечу слегка твоя склонилась голова.

Не думала ли ты: „Вонъ тамъ, въ бесѣдкѣ дальней,
„На мраморной скамьѣ теперь онъ ждетъ меня
„Подъ сумракомъ деревъ, ревнивый и печальный;
„Онъ взоры утомилъ, смотря на вихорь бальный,
„И ловитъ тѣнь мою въ сіяніи огня“.

(1856).

XXXV.

Забудь меня, безумецъ изступленный,
Покоя не губи!
Я создана душой твоей влюбленной,
Ты грёзы не люби!

О вѣрь и знай, мечтатель малодушный,
Что, мучась и стеня,
Чѣмъ ближе ты къ мечтѣ своей воздушной,
Тѣмъ дальше отъ меня.

Такъ надъ водой младенецъ, восхищенный
Луной, подъемлетъ крикъ;
Онъ бросился,—и съ влаги возмущенной
Исчезъ сребристый ликъ.

Дитя, отри заплаканное око,
Не довѣряй мечтамъ!
Луна плыветъ и свѣтится высоко,
Она не здѣсь, а тамъ.

(1856).

XXXVII.

ГОРНОЕ УЩЕЛЬЕ

За лѣсомъ лѣсъ и за горами горы,
За темными лилово-голубыя,
И, если долго къ нимъ приникнутъ взоры,
За блѣднымъ рядомъ выступятъ другія.

Здѣсь темный дубъ и ясень изумрудный,
А тамъ—лазури тающая нѣжность...
Какъ будто изъ дѣйствительности чудной
Уносишься въ волшебную безбрежность,

И въ дальній блескъ душа летѣть готова,
Не трепетомъ, а радостью объята,
Какъ будто это чувство ей не ново,
А сладостно ужь грезилось когда-то.

окт. 1856.
Парижъ.

XXXVIII.

СЕСТРА

Милой меня называлъ онъ вчера —
Въ зеркалѣ точно себя я не вижу!
Боже! Зачѣмъ хороша такъ сестра,
Что передъ ней я себя ненавижу?

Голосъ его, прерываясь, дрожалъ;
Даже въ сердцахъ я его проводила;
Образъ сестры предо мною стоялъ...
Такъ я всю ночь по аллеѣ ходила.

Въ спальню вошла я; она ужь спала,
Мѣсяцъ ей кудри осыпалъ лучами;
Я не могла устоять,—подошла
И, наклонясь, къ ней прильнула устами.

Какъ хороша, какъ свѣтла и добра!
Нѣтъ, и сравненьемъ ея не обижу...
Милой меня называлъ онъ вчера —
Въ зеркалѣ точно себя я не вижу!

(1857).

XXXIX.

ТУМАННОЕ УТРО

Какъ первый золотистый лучъ,
Межъ бѣлыхъ горъ и сизыхъ тучъ,
Скользитъ уступами съ вершинъ
На темя башенъ и руинъ,
Когда въ долинахъ полныхъ мглой
Туманъ недвижимъ голубой, —
Пусть твой восторгъ во мглу сердецъ
Такой кидаетъ свѣтъ, пѣвецъ!

И, какъ у розы молодой,
Рожденной раннею зарей, —
Когда еще палящихъ крылъ
Полудня вѣтеръ не раскрылъ,
И влажный вздохъ туманъ ночной
Межъ небомъ дѣлитъ и землей, —
Росинка катится съ листа,
Пусть будетъ пѣснь твоя чиста!

(1857).

XL.

ПѢВИЦѢ

Уноси мое сердце въ звенящую даль,
Гдѣ, какъ мѣсяцъ за рощей, печаль!
Въ этихъ звукахъ на жаркія слезы твои
Кротко свѣтитъ улыбка любви.

О, дитя, какъ легко, средь незримыхъ зыбей,
Довѣряться мнѣ пѣснѣ твоей!
Выше, выше плыву серебристымъ путемъ,
Будто шаткая тѣнь за крыломъ.

Вдалекѣ замираетъ твой голосъ, горя,
Словно за моремъ ночью заря,
И откуда-то вдругъ, я понять не могу,
Грянетъ звонкій приливъ жемчугу.

Уноси жь мое сердце въ звенящую даль,
Гдѣ кротка, какъ улыбка, печаль,
И все выше помчусь серебристымъ путемъ
Я, какъ шаткая тѣнь за крыломъ.

(1857).

XLI.

БАЛЪ

Когда тренещутъ эти звуки
И дразнитъ ноющій смычекъ,
Слагая на колѣняхъ руки,
Сажусь въ забытый уголокъ.

И, какъ зари румянецъ дальній,
Иль дней былыхъ нѣмая рѣчь,
Меня плѣняетъ вихорь бальный
И шевелитъ мерцанье свѣчъ.

О, какъ ничѣмъ неукротимо
Уноситъ къ юности былой
Вблизи порхающее мимо
Круженье пары молодой!

Чего хочу? Иль, можетъ статься,
Бывалой жизнію дыша,
Въ чужой восторгъ переселяться
Заранѣ учится душа?

(1857).

XLII.

ANRUF AN DIE GELIEBTE (БЕТХОВЕНА)

Пойми хоть разъ тоскливое признанье,
Хоть разъ услышь души молящей стонъ!
Я предъ тобой, прекрасное созданье,
Безвѣстныхъ силъ дыханьемъ окрыленъ.

Я образъ твой ловлю передъ разлукой,
Я полонъ имъ, и млѣю, и дрожу,—
И безъ тебя, томясь предсмертной мукой,
Своей тоской, какъ счастьемъ, дорожу.

Ее пою, во прахъ упасть готовый;
Ты предо мной стоишь какъ божество,—
И я блаженъ, я въ каждой мукѣ новой
Твоей красы провижу торжество.

(1857).

XLIII.

У КАМИНА

Тускнѣютъ угли. Въ полумракѣ
Прозрачный вьется огонекъ;
Такъ плещетъ на багряномъ макѣ
Крыломъ лазурнымъ мотылекъ.

Видѣній пестрыхъ вереница
Влечетъ, усталый тѣша взглядъ,
И неразгаданныя лица
Изъ пепла сѣраго глядятъ.

Встаетъ ласкательно и дружно
Былое счастье и печаль,
И лжетъ душа, что ей не нужно
Всего, чего глубоко жаль.

(1857).

XLIV.

РИМСКІЙ ПРАЗДНИКЪ

Не напѣвай тоскливой муки,
И слезный трепетъ утиши,
Воздушный голосъ! Эти звуки
Смущаютъ кроткій миръ души.

Вокругъ свѣтло. На праздникъ Рима
Взглянули ярко небеса,
И высоко-неизмѣрима
Ихъ свѣтло-синяя краса.

Толпа ликуетъ, какъ ребенокъ,
На перекресткахъ шумъ и гулъ,
Въ кистяхъ пунцовыхъ, бодръ и звонокъ,
По мостовой ступаетъ мулъ.

Въ дыханьи чары мимолетной
Уже ласкались вкругъ меня
И радость жизни беззаботной,
И свѣтъ безоблачнаго дня.

Но ты запѣлъ, — и злые звуки
Смущаютъ кроткій миръ души...
О, не зови тоскливой муки,
И слезный трепетъ утиши!

(1857).

XLV.

Только станетъ смеркаться немножко,
Буду ждать, не дрогнетъ ли звонокъ;
Приходи, моя милая крошка,
Приходи посидѣть вечерокъ!

Потушу передъ зеркаломъ свѣчи, —
Отъ камина свѣтло и тепло;
Стану слушать веселыя рѣчи,
Чтобы вновь на душѣ отлегло.

Стану слушать тѣ дѣтскія грезы,
Для которыхъ все — блескъ впереди;
Каждый разъ благодатныя слезы
У меня закипаютъ въ груди.

До зари осторожной рукою
Вновь платокъ твой узломъ завяжу
И, вдоль стѣнъ озаренныхъ луною,
Я тебя до воротъ провожу.

(1857).

XLVI.

Разстались мы, ты странствуешь далече,
Но намъ дано опять
Въ таинственной и ежечасной встрѣчѣ
Другъ друга понимать.

Когда въ толпѣ, живой и своевольной,
Поникнувъ головой,
Смолкаешь ты съ улыбкою невольной, —
Я говорю съ тобой.

И вечеромъ, когда въ аллеѣ темной
Ты пьешь нѣмую ночь,
Знай,—тополи и звѣзды нѣгой томной
Мнѣ вызвались помочь.

Когда ты спишь, и пологъ твой кисейный
Раздвинется въ лучахъ,
И сонъ тебя, прозрачный, тиховѣйный,
Уноситъ на крылахъ,

А ты, летя въ эѳиръ неизмѣримый,
Лепечешь: „я люблю“,—
Я — этотъ сонъ,— и я, рукой незримой,
Твой пологъ шевелю.

(1858).

XLXII.

ЦВѢТЫ

Съ полей несется голосъ стада,
Въ кустахъ малиновки звенятъ,
И съ побѣлѣвшихъ яблонь сада
Струится сладкій ароматъ.

Цвѣты глядятъ съ тоской влюбленной,
Безгрѣшно-чисты, какъ весна,
Роняя съ пылью благовонной
Плодовъ румяныхъ сѣмена.

Сестра цвѣтовъ, подруга розы,
Очами въ очи мнѣ взгляни,
Навѣй живительныя грезы,
И въ сердце пѣсню зарони!

(1858).

XLVIII.

Вчера я шелъ по залѣ освѣщенной,
Гдѣ такъ давно встрѣчались мы съ тобой.
Ты здѣсь опять! Безмолвный и смущенный
Невóльно я поникнулъ головой,

И, въ темнотѣ тревожнаго сознанья,
Былые дни я различалъ едва,
Когда шепталъ безумныя желанья
И говорилъ безумныя слова.

Знакомыми напѣвами томимый,
Стою. Въ глазахъ—движенье и цвѣты,
И кажется, летя подъ звукъ любимый,
Ты прошептала кротко: „чтò же ты?"

И звуки тѣ жь, и тѣ жь благоуханья,
И чувствую — пылаетъ голова,
И я шепчу безумныя желанья,
И лепечу безумныя слова.

(1858).

XLIX.

Нѣтъ, не жди ты пѣсни страстной!
Эти звуки — бредъ неясный,
Томный звонъ струны;
Но, полны тоскливой муки,
Навѣваютъ эти звуки
Ласковые сны.

Звонкимъ роемъ налетѣли,
Налетѣли и запѣли
Въ свѣтлой вышинѣ.
Какъ ребенокъ имъ внимаю,
Что̀ сказалось въ нихъ, — не знаю,
И не нужно мнѣ.

Позднимъ лѣтомъ въ окна спальной
Тихо шепчетъ листъ печальный,
Шепчетъ не слова;
Но, подъ легкій шумъ березы,
Къ изголовью въ царство грезы
Никнетъ голова.

(1858).

L.

Въ лѣса безлюдной стороны
И чуждой шумному веселью
Меня порой уносятъ сны
Въ твою привѣтливую келью.

Въ благоуханьи простоты,
Цвѣтокъ — дитя дубравной сѣни,
Опять встрѣчать выходишь ты
Меня на шаткія ступени.

Вечерній воздухъ влажно чистъ,
Вся покраснѣвъ, ты жмешь мнѣ руки,
И, сонныхъ липъ тревожа листъ,
Порхаютъ гаснущіе звуки.

(1858).

LI.

Яркимъ солнцемъ въ лѣсу пламенѣетъ костеръ,
И, сжимаясь, трещитъ можжевельникъ;
Точно пьяныхъ гигантовъ столпившійся хоръ,
Раскраснѣвшись, шатается ельникъ.

Я и думать забылъ про холодную ночь, —
До костей и до сердца прогрѣло;
Что̀ смущало, колеблясь умчалося прочь,
Будто искры въ дыму, улетѣло.

Пусть на зорькѣ, все ниже спускаясь, дымокъ
Надъ золою замретъ сиротливо;
Долго, долго, до поздней поры огонекъ
Будетъ теплиться скупо, лѣниво.

И лѣниво и скупо мерцающій день
Ничего не укажетъ въ туманѣ,
У холодной золы изогнувшійся пень
Прочернѣетъ одинъ на полянѣ;

Но нахмурится ночь,—разгорится костеръ,
И віясь затрещитъ можжевельникъ,
И, какъ пьяныхъ гигантовъ столпившійся хоръ,
Покраснѣвъ, зашатается ельникъ.

(1859).

LII.

Если ты любишь, какъ я, безконечно,
Если живешь ты любовью и дышишь, —
Руку на грудь положи мнѣ безпечно:
Сердца біенья подъ нею услышишь.

О! не считай ихъ. Въ нихъ, силой волшебной,
Каждый порывъ переполненъ тобою;
Такъ въ родникѣ за струею цѣлебной
Прядаетъ влага горячей струею.

Пей! Отдавайся минутамъ счастливымъ, —
Трепетъ блаженства всю душу обниметъ;
Пей и не спрашивай взоромъ пытливымъ,
Скоро-ли сердце изсякнетъ, остынетъ.

(1859).

LIII.

Все вокругъ и пестро такъ, и шумно;
Но напрасно толпа весела:
Безъ тебя я тоскую безумно,
Ты улыбку мою унесла.

Только изрѣдка, поздней порою,
Послѣ скучнаго, тяжкаго дня,
Нѣжный ликъ твой встаетъ предо мною,
И ему улыбаюся я.

(1863).

LIV.

Прежніе звуки, съ былымъ обаяньемъ
Счастья и юной любви!
Все, что̀ сказалося въ жизни страданьемъ,
Пламенемъ жгучимъ пахнуло въ крови!

Старыя пѣсни, знакомые звуки,
Сонъ безотвязно больной!
Точно изъ сумрака блѣдныя руки
Призраковъ нѣжныхъ манятъ за собой.

Пусть обливается жгучею кровью
Сердце, а очи слезой!
Доброю няней прильнувъ къ изголовью,
Старая пѣсня, звучи надо мной!

Пой! Не смущайся! Пусть время былое
Яркой зарей расцвѣтетъ!
Можетъ-быть сердце утихнетъ больное
И, какъ дитя въ колыбели, уснетъ.

(1863).

LV.

„Что̀ ты, голубчикъ, задумчивъ сидишь,
Слышишь, не слышишь, — глядишь, не глядишь?
Утро давно, а въ глазахъ у тебя,
Я посмотрю, и не день и не ночь.“

Точно случилось жемчужную нить
Подлѣ меня тебѣ врозь уронить;
Чудную пѣсню я слышалъ во снѣ,
Нѣсколько словъ до яву мнѣ прожгло.

Эти слова-то ищу я опять
Всѣ, какъ звучали они, подобрать.
Вѣрно, ахъ! вѣрно сказала-бъ ты мнѣ,
Въ чемъ этотъ голосъ меня укорялъ?

(1883).

LVI.

Сіяла ночь; луной былъ полонъ садъ; лежали
Лучи у нашихъ ногъ въ гостиной безъ огней;
Рояль былъ весь раскрытъ, и струны въ немъ дрожали,
Какъ и сердца у насъ, за пѣснею твоей.

Ты пѣла до зари, въ слезахъ изнемогая,
Что ты одна—любовь, что нѣтъ любви иной,
И такъ хотѣлось жить, чтобъ, звука не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать надъ тобой.

И много лѣтъ прошло томительныхъ и скучныхъ,
И вотъ въ тиши ночной твой голосъ слышу вновь,
И вѣетъ, какъ тогда, во вздохахъ этихъ звучныхъ,
Что ты одна—вся жизнь, что ты одна—любовь,

Что нѣтъ обидъ судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нѣтъ конца, и цѣли нѣтъ иной,
Какъ только вѣровать въ рыдающіе звуки,
Тебя любить, обнять и плакать надъ тобой.

(1883).

LVII.

Истрепалися сосенъ мохнатыя вѣтви отъ бури,
Изрыдалась осенняя ночь ледяными слезами;
Ни огня на землѣ, ни звѣзды въ овдовѣвшей лазури,
Все сорвать хочетъ вѣтеръ, все смыть хочетъ ливень ручьями.

Никого! ничего! Даже сна нѣтъ въ постелѣ холодной,
Только маятникъ грубо-насмѣшливо мѣряетъ время.
Оторвись же отъ тусклой свѣчи ты душою свободной!
Или тянетъ къ землѣ роковое, тяжелое бремя?

О, войди-жь въ этотъ мракъ, улыбнись, благосклонная фея!
И всю жизнь въ этотъ мигъ я солью, этимъ мигомъ измѣрю,
И, рѣчей благовонныхъ созвучіемъ слухъ возлелѣя,
Не признаю часовъ и рыданьямъ ночнымъ не повѣрю!

(1883).

LVIII.

Какъ ясность безоблачной ночи,
Какъ юно-нетлѣнныя звѣзды,
Твои загораются очи
Всесильнымъ, таинственнымъ счастьемъ.

И все, что̀ лучомъ ихъ случайнымъ
Далеко, иль близко объято,
Блаженствомъ овѣяно тайнымъ:
И люди, и звѣри, и скалы.

Лишь мнѣ, молодая царица!
Ни счастія нѣтъ, ни покоя,
И въ сердцѣ, какъ плѣнная птица,
Томится безкрылая пѣсня.

(1883).

LIX.

Сны и тѣни,
Сновидѣнья,
Въ сумракъ трепетно манящія,
Всѣ ступени
Усыпленья
Легкимъ роемъ преходящія,

Не мѣшайте
Мнѣ спускаться
Къ переходу сокровенному,
Дайте, дайте
Мнѣ умчаться
Съ вами къ свѣту отдаленному!

Только минемъ
Сумракъ свода, —
Тѣни станемъ мы прозрачныя,
И покинемъ
Тамъ у входа
Покрывала наши мрачныя.

(1883).

LX.

ШОПЕНУ

Ты мелькнула, ты предстала,—
Снова сердце задрожало;
Подъ чарующіе звуки
То же счастье, тѣ же муки,
Слышу трепетныя руки,—
Ты еще со мной!

Часъ блаженный, часъ печальный,
Часъ послѣдній, часъ прощальный!
Тѣ же легкія одежды,
Ты стоишь, склоняя вѣжды,—
И ненужно мнѣ надежды:
Этотъ часъ, — онъ мой!

Ты руки моей коснулась,—
Разомъ сердце встрепенулось;
Не туда, въ то горе злое,—
Я несусь въ мое былое;
Я на все, на все иное
Отпылалъ, потухъ.

Этой пѣснѣ чудотворной
Такъ покоренъ міръ упорный!
Пусть же сердце, полно муки,
Торжествуетъ часъ разлуки
И, когда загаснутъ звуки,—
Разорвется вдругъ!

(1883).

LXII.

РОМАНСЪ

Злая пѣснь! Какъ больно возмутила
Ты дыханьемъ душу мнѣ до дна!
До зари въ груди дрожала, ныла
Эта пѣсня, эта пѣснь одна.

И поющимъ отдаваться мукамъ
Было слаще обаянья сна,
Умереть хотѣлось съ каждымъ звукомъ,
Сердцу грудь казалася тѣсна.

Но съ зарей потухнулъ жаръ напѣвный,
И душа затихнула до дна;
Въ озаренной глубинѣ душевной
Лишь улыбка устъ твоихъ видна.

(1883).

LXII.

Только въ мірѣ и есть, что тѣнистый
Дремлющихъ кленовъ шатеръ;
Только въ мірѣ и есть, что лучистый
Дѣтски-задумчивый взоръ;

Только въ мірѣ и есть, что душистый
Милой головки уборъ;
Только въ мірѣ и есть — этотъ чистый
Въ лѣво бѣгущій нроборъ.

(1883).

LXIII.

Я видѣлъ твой млечный, младенческій волосъ,
Я слышалъ твой сладко вздыхающій голосъ,
И первой зари я почувствовалъ пылъ;
Налету весеннихъ порывовъ подвластный,
Дохнулъ я струею и чистой, и страстной
У плѣннаго Ангела съ вѣющихъ крылъ.

Я понялъ тѣ слезы, я понялъ тѣ муки,
Гдѣ слово нѣмѣетъ, гдѣ царствуютъ звуки,
Гдѣ слышишь не пѣсню, а душу пѣвца,
Гдѣ духъ покидаетъ ненужное тѣло,
Гдѣ внемлешь, что радость не знаетъ предѣла,
Гдѣ вѣришь, что счастью не будетъ конца.

(1885).

LXIV.

Я тебѣ ничего не скажу
И тебя не встревожу ничуть,
И о томъ, что̀ я молча твержу,
Не рѣшусь ни за что намекнуть!

Цѣлый день спятъ ночные цвѣты,
Но, лишь солнце за рощу зайдетъ,
Раскрываются тихо листы,
И я слышу, какъ сердце цвѣтетъ.

И въ больную, усталую грудь
Вѣетъ влагой ночной... Я дрожу, —
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебѣ ничего не скажу.

2 сент. 1885.

LXV.

Что за звукъ въ полумракѣ вечернемъ? Богъ вѣсть!—
То куликъ простоналъ, или сычъ?
Разставанье въ немъ есть, и страданье въ немъ есть,
И далекій невѣдомый кличъ.

Точно грезы больныя безсонныхъ ночей
Въ этомъ плачущемъ звукѣ слиты;
И не нужно рѣчей, ни огней, ни очей,—
Мнѣ дыханіе скажетъ, гдѣ ты.

10 апр. 1887.

LXVI.

Моего тотъ безумства желалъ, кто смежалъ
Этой розы завои, и блестки, и росы!
Моего тотъ безумства желалъ, кто свивалъ
Эти тяжкимъ узломъ набѣжавшія косы!

Злая старость хотя бы всю радость взяла,
А душа моя также, предъ самымъ закатомъ,
Прилетѣла-бъ со стономъ сюда, какъ пчела,
Охмелѣть, упиваясь такимъ ароматомъ.

И, сознаніе счастья на сердцѣ храня,
Стану буйства я жизни живымъ отголоскомъ;
Этотъ медъ благовонный — онъ мой, для меня;
Пусть другимъ онъ останется тонкимъ лишь воскомъ!

25 апр. 1887.

LXVII.

Все, какъ бывало, веселый, счастливый,
Ленты твоей уловляю извивы;
Млѣющихъ звуковъ впивая истому,
Пусть ты летишь, отдаваясь другому,

Пусть пронеслась ты надменно, небрежно,—
Сердце мое все попрежнему нѣжно,
Сердце обидъ не считаетъ, не мѣритъ,
Сердце по-прежнему любитъ и вѣритъ.

Тщетно опущены строгіе глазки,—
Жду подъ рѣсницами блеска и ласки,
Все, какъ бывало, веселый, счастливый,
Ленты твоей уловляю извивы.

24 іюля 1887.

LXVIII.

Не нужно, не нужно мнѣ проблесковъ счастья,
Не нужно мнѣ слова и взора участья,
Оставь, и дозволь мнѣ рыдать!
Къ горячему снова прильнувъ изголовью,
Позволь мнѣ моей нераздѣльной любовью,
Забывъ все на свѣтѣ, дышать!

Когда бы ты знала, какимъ сиротливымъ,
Томительно-сладкимъ, безумно-счастливымъ
Я горемъ въ душѣ опьяненъ, —
Безмолвно прошла бъ ты воздушной стопою,
Чтобъ даже своей благовонной стезею
Больной не смутила мой сонъ.

Не такъ ли, чуть роща одѣться готова,
Въ весеннія ночи, свѣтила дневнаго
Боится крылатый пѣвецъ? —
И, только-что сумракъ разгонитъ денница,
Смолкаетъ зарей отрезвленная птица, —
И счастью, и пѣснѣ конецъ.

4 нояб. 1887.
Москва.

LXIX.

Гаснетъ заря. Въ забытьи, въ полуснѣ,
Что-то неясное шепчешь ты мнѣ;
Ласки твои я разслушать хочу,
„Знаю, ахъ, знаю“, тебѣ я шепчу.

Въ блескѣ, въ румяномъ разливѣ огня,
Ты потонула, ушла отъ меня;
Я же, напрасной истомой горя,
Лѣтняя вслѣдъ за тобою заря.

Сладко сегодня тобой мнѣ сгорать,
Сладко, летя за тобой, замирать...
Завтра, когда ты очнешься иной,
Свѣтъ не допуститъ меня за тобой.

29 дек. 1888.
Москва.

LXX.

Чуя внушенный другими отвѣтъ,
Тихій въ глазахъ прочиталъ я запретъ;
Но мнѣ понятнѣй еще говоритъ
Этотъ правдивый румянецъ ланитъ,

Этотъ цвѣтовъ обмирающихъ зовъ,
Этотъ тѣней набѣгающій кровъ,
Этотъ предательскій шопотъ ручья,
Этотъ разсыпчатый кличъ соловья.

30 янв. 1890.
Москва.

LXXI.

ВО СНѢ

Какъ вешній день, твой ликъ приснился снова!
Знакомую привѣтствую красу,
И, по волнамъ ласкающаго слова,
Я образъ твой прелестный понесу.

Сомнѣній нѣтъ, неясной нѣтъ печали,
Все высказать во снѣ умѣю я,
И мчитъ да мчитъ все далѣе и далѣ
Съ тобою насъ воздушная ладья.

Передъ тобой съ колѣнопреклоненьемъ
Стою, плѣненъ волшебною игрой,
А за тобой — колеблемый движеньемъ
Неясныхъ звуковъ отстающій рой.

26 апр. 1890.
Воробьевка.

LXXII.

Запретили тебѣ выходить,
Запретили и мнѣ приближаться,
Запретили,—должны мы признаться,—
Намъ съ тобою другъ друга любить.

Но, чего намъ нельзя запретить,
Что̀ съ запретомъ всего несовмѣстнѣй,—
Это пѣсня: съ крылатою пѣсней
Будемъ вѣчно и явно любить!

7 іюля 1890.
Воробьевка.

LXXIII.

Я не знаю, не скажу я,
Оттого ли, что гляжу я
На тебя, я все пою,
И задорное веселье
Ты, какъ легкое похмелье,
Проливаешь въ пѣснь мою?

Иль,—еще того чудеснѣй,—
За моей дрожащей пѣсней
Таетъ думъ невольныхъ мгла,
И зато ли, оттого ли
До томленія, до боли
Ты привѣтливо свѣтла?

11 дек. 1890.

LXXIV.

Люби меня! Какъ только твой покорный
Я встрѣчу взоръ,
У ногъ твоихъ раскину я узорный
Живой коверъ.

Окрылены невѣдомымъ стремленьемъ,
Надъ всѣмъ земнымъ,
Въ какомъ огнѣ, съ какимъ самозабвеньемъ,
Мы полетимъ!

И, просіявъ въ лазури сновидѣнья,
Предстанешь ты —
Царить навѣкъ въ дыханьи пѣснопѣнья
И красоты.

13 апр. 1891.

КЪ ОФЕЛІИ

I.

Какъ ангелъ неба безмятежный,
Въ сіяньи тихаго огня,
Ты помолись душою нѣжной
И за себя, и за меня!

Ты отъ меня любви словами
Сомнѣнья духа отжени,
И сердце тихими крылами
Твоей молитвы осѣни!

(1843).

II.

Офелія гибла и пѣла,
И пѣла, сплетая вѣнки;
Съ цвѣтами, вѣнками и пѣснью
На дно опустилась рѣки.

Ахъ, много по жизни мелькнуло
Дней свѣтлыхъ, безумной тоски,
И счастье давно потонуло,—
Лишь пѣсни плывутъ да вѣнки.

И многое съ пѣснями канетъ
Мнѣ въ душу на темное дно,
И много мнѣ чувства и пѣсенъ,
И слезъ и мечтаній дано.

(1846).

III.

Не здѣсь ли ты легкою тѣнью,
Мой геній, мой ангелъ, мой другъ,
Бесѣдуешь тихо со мною
И тихо летаешь вокругъ?

И робкимъ даришь вдохновеньемъ,
И сладкій врачуешь недугъ,
И тихимъ даришь сновидѣньемъ,
Мой геній, мой ангелъ, мой другъ?..

(1850).

IV.

Я боленъ, Офелія, милый мой другъ!
Ни въ сердцѣ, ни въ мысли нѣтъ силы.
О, спой мнѣ, какъ носится вѣтеръ вокругъ
Его одинокой могилы!

Душѣ раздраженной и груди больной
Понятны и слезы, и стоны.
Про иву, про иву зеленую спой,
Про иву сестры Дездемоны!

(1850).

ВЕЧЕРА и НОЧИ

I.

Право, отъ полной души я благодаренъ сосѣду:
Славная вещь — подъ окномъ въ клѣткѣ держать соловья!..
Грустно въ неволѣ пѣвцу, но чары сильны у природы:
Только прощальнымъ огнемъ озлатятся кресты на церк-
вахъ,
И въ расцвѣтающій садъ, за высокимъ ревнивымъ
заборомъ,
Вечера свѣжесть вдыхать выйдетъ сосѣдка одна, —
Тѣни ночныя въ пѣвцѣ пробудятъ желаніе воли,
И подъ окномъ соловей громко засвищетъ любовь.
Что за головка у ней, за бѣлыя плечи и руки!
Что за янтарный отливъ на роскошныхъ извивахъ
волосъ!
Станъ—заглядѣнье! Притомъ, какая лукавая ножка!
Будто бы дразнитъ, мелькая...
Но вечеръ давно ужь насталъ...
Что̀ жь не поетъ соловей, или что̀ жь не выходитъ
сосѣдка?..
Можетъ, сегодня мы всѣ трое другъ друга поймемъ.

(1842).

II.

Вдали огонекъ за рѣкою,
Вся въ блесткахъ струится рѣка;
На лодкѣ весло удалое,
На цѣпи не видно замка.

Никто мнѣ не скажетъ: „куда ты
Поѣхалъ, куда загадалъ?“
Шевелись же, весло, шевелися —
А берегъ во мракѣ пропалъ!

Да что же? Зачѣмъ бы не ѣхать?
Дождешься ль вечерней порой
Опять и желанья, и лодки,
Весла и огня за рѣкой?..

(1842).

III.

Я люблю многое, близкое сердцу,
Только рѣдко люблю я...
Чаще всего, мнѣ пріятно скользить по заливу —
Такъ, забываясь
Подъ звучную мѣру весла,
Омоченнаго пѣной шипучей, —
Да смотрѣть, много ль отъѣхалъ,
И много ль осталось,
Да не видать ли зарницы...
Изо всѣхъ островковъ,
На которыхъ рѣдко мерцаютъ
Огни рыбаковъ запоздалыхъ,
Милъ мнѣ одинъ предпочтительно...
Красноглазый кроликъ
Любитъ его;
Гордый лебедь, каждой весною,
Съ протянутой шеей летаетъ вокругъ,
И садится съ размаха
На тихія воды;
Надъ обрывомъ утеса

Ростетъ, помавая вѣтвями,
Широколиственный дубъ.
Сколько ужь лѣтъ тутъ живетъ соловей!
Онъ поетъ по зарямъ,
Да и позднею ночью, когда
Мѣсяцъ обманчивымъ свѣтомъ
Серебритъ и волны, и листья...
Онъ не молкнетъ, поетъ
Все громче и громче...
Странныя мысли
Приходятъ тогда мнѣ на умъ:
Что̀ это — жизнь, или сонъ?..
Счастливъ я, или только обманутъ?
Нѣтъ отвѣта...
Мелкія волны что-то шепчутъ съ кормою,
Весло недвижимо,
И на̀ небѣ ясномъ высоко сверкаетъ зарница.

(1842).

IV

Скучно мнѣ вѣчно болтать о томъ, что̀ высоко, прекрасно;
Всѣ эти толки меня только къ зѣвотѣ ведутъ...
Бросивъ педантовъ, бѣгу съ тобой побесѣдовать, другъ мой;
Знаю, что въ этихъ глазахъ, черныхъ и умныхъ глазахъ,
Больше прекраснаго, чѣмъ въ нѣсколькихъ стахъ фоліантовъ,
Знаю, что сладкую жизнь пью съ этихъ розовыхъ губъ.
Только пчела узнаетъ въ цвѣткѣ затаенную сладость,
Только художникъ на всемъ чуетъ прекраснаго слѣдъ.

(1842).

V.

Я жду... Соловьиное эхо
Несется съ блестящей рѣки,
Трава при лунѣ въ бриллiантахъ,
На тминѣ горятъ свѣтляки.

Я жду... Темносинее небо
И въ мелкихъ, и въ крупныхъ звѣздахъ;
Я слышу бiенiе сердца
И трепетъ въ рукахъ и ногахъ.

Я жду... Вотъ повѣяло съ юга,—
Тепло мнѣ стоять и идти;
Звѣзда покатилась на западъ...
Прости, золотая, прости!

(1842).

VI.

Здравствуй! Тысячу разъ мой привѣтъ тебѣ, ночь!
Опять и опять я люблю тебя,
Тихая, теплая,
Серебромъ окаймленная!
Робко, свѣчу потушивъ, подхожу я къ окну...
Меня не видать, зато самъ я все вижу...
Дождусь, непремѣнно дождусь:
Калитка вздрогнетъ, растворяясь,
Цвѣты, закачавшись, сильнѣе запахнутъ, и долго,
Долго при мѣсяцѣ будетъ мелькать покрывало.

(1842).

VII.

Другъ мой, безсильны слова,— одни поцѣлуи всесильны..
Правда, въ запискахъ твоихъ весело мнѣ наблюдать,
Какъ приливъ и отливъ мыслей и чувства мѣшаютъ
Ручкѣ твоей повѣрять то и другое листку;
Правда, и самъ я пишу стихи, покоряясь богинѣ;
Много и риѳмъ у меня, много размѣровъ живыхъ...
Но межъ ними люблю я риѳмы взаимныхъ лобзаній,
Съ нѣжной цезурою устъ, съ вольнымъ размѣромъ любви.

(1842).

VIII.

Ночью—какъ-то вольнѣе дышать мнѣ,
Какъ-то просторнѣй...
Даже въ столицѣ не тѣсно.
Окна растворишь:
Тихо и чутко
Плыветъ прохладительный воздухъ.
А небо? а мѣсяцъ?
О, этотъ мѣсяцъ волшебникъ!
Какъ будто бы кровли
Покрыты зеркальнымъ стекломъ,
Шпили и кресты — бриллiанты;
А тамъ, за луной, небосклонъ
Чѣмъ дальше — свѣтлѣй и прозрачнѣй.
Смотришь — и дышишь,
И слышишь дыханье свое,
И бой отдаленныхъ часовъ,
Да крикъ часоваго,
Да изрѣдка стукъ колеса,
Или пѣнiе вѣстника утра.
Вмѣстѣ съ зарею и сонъ налетаетъ на вѣжды,
Свѣтелъ какъ призракъ;
Голову клонитъ, а жаль отъ окна оторваться!

(1842).

IX.

Радъ я дождю... Отъ него тучнѣетъ мягкое поле,
Листъ зеленѣетъ на вѣткѣ, и воздухъ становится чище;
Зелени запахъ одну за одной изъ ульевъ многошумныхъ
Пчелъ вызываетъ.
Но, что̀ для меня еще лучше,
Это — когда онъ ее на дорогѣ ко мнѣ орошаетъ!
Мокрые волосы, гладко къ челу прилегая,
Такъ и сіяютъ у ней; а губки и блѣдныя ручки
Такъ холодны, что нельзя не согрѣть ихъ своими устами.
Но нестерпимъ ты мнѣ ночью безсонною, Плювій Юпитеръ!
Лучше согласенъ я крысъ и мышей въ моей комнатѣ слушать,
Лучше колеса пускай гремятъ непрестанно у оконъ,
Чѣмъ этотъ шумъ и удары глупыхъ, безсмысленныхъ капель;
Точно какъ будто бы птицъ проклятое стадо
Сотнями ногъ и носовъ терзаютъ желѣзную кровлю.
Юпитеръ Плювій, помилуй! Расти, сколько хочешь, цвѣтовъ ты
Для прекрасной, и лавровъ юныхъ на кудри поэта,
Только помилуй, — не бей по ночамъ мнѣ въ желѣзную кровлю!

(1842).

X.

Долго еще прогоритъ Веспера скромная лампа,
Но уже свѣтитъ съ небесъ дѣвы измѣнчивый ликъ;
Тонкія змѣйки сребра блещутъ на влагѣ уснувшей,
Звѣздное небо во мглѣ дальняго облака ждетъ.
Вотъ потянулось оно, легкому вѣтру послушно,
Скрыло богиню, и мракъ сладостный землю покрылъ.

(1842).

XI.

Теплымъ вѣтромъ потянуло,
Смолкъ далекій гулъ;
Поле тусклое уснуло,
Гуртовщикъ уснулъ.

Въ загородкѣ улеглися
И жуютъ волы,
Звѣзды чистыя зажглися
По навѣсу мглы.

Только выше все всплываетъ
Мѣсяцъ золотой,
Только стадо обѣгаетъ
Песъ сторожевой.

Рѣдко-рѣдко, кочевая
Тучка броситъ тѣнь...
Неподвижная, нѣмая,
Ночь свѣтла, какъ день.

(1842).

XII.

Слышишь ли ты, какъ шумитъ вверху угловатое стадо?
Съ крикомъ летятъ черезъ домъ къ теплымъ полямъ журавли,
Желтые листья шумятъ, въ березникѣ свищетъ синица.
Ты говоришь, что опять теплой дождемся весны?..
Другъ мой! Могу ль при тебѣ дожидаться блаженства въ грядущемъ?
Развѣ зимой у тебя меньше ланиты цвѣтутъ?
Въ зеркалѣ часто себя ты видишь, съ дѣтской улыбкой
Свой поправляя вѣнокъ; такъ разрѣши мнѣ сама,
Гдѣ у тебя на лицѣ болѣе жизни и страсти:
Вешнимъ ли утромъ въ саду, въ полномъ сіяньи зари, —
Иль у огня моего, когда я боюсь, чтобы искра,
Съ трескомъ прыгнувъ, не сожгла ножки-малютки твоей?

(1842).

XIII.

Каждое чувство бываетъ понятнѣй мнѣ ночью, и каждый
Образъ пугливо-нѣмой дольше трепещетъ во мглѣ...
Самые звуки доступнѣй, даже когда, неподвиженъ,
Книгу держу я въ рукахъ, самъ пробѣгая въ умѣ
Все невозможно-возможное, странно-бывалое... Лампа
Томно у ложа горитъ, мѣсяцъ смѣется въ окно,
А въ отдаленіи колоколъ вдругъ запоетъ,—и тихонько
Въ комнату звуки плывутъ: я предаюсь имъ вполнѣ;
Сердце въ нихъ находилю всегда какую-то влагу,
Точно какъ-будто росой ночи омыты они...
Звукъ все тотъ же поетъ, но съ каждымъ порывомъ иначе:
То въ немъ мѣди тугой болѣе, то серебра.
Странно, что ухо въ ту пору, какъ будто не слушая, слышитъ;
Въ мысляхъ иное совсѣмъ, думы—волна за волной...
А между тѣмъ, еще глубже сокрытая сила объемлетъ
Лампу и звуки, и ночь, — ихъ сочетавши въ одно:
Такъ между влажно-махровыхъ цвѣтовъ снотворнаго маку
Полночь роняетъ порой тайные сны на яву.

(1843)

XIV.

Что за вечеръ! А ручей
Такъ и рвется;
Какъ зарей-то соловей
Раздается!

Мѣсяцъ свѣтомъ съ высоты
Обдалъ нивы,
А въ оврагѣ блескъ воды,
Тѣнь, да ивы.

Знать давно въ плотинѣ течь,
Доски гнилы;
А нельзя здѣсь не прилечь
На перилы.

Такъ-то все весной живетъ!
Въ рощѣ, въ полѣ
Все трепещетъ и поетъ
По неволѣ.

Мы замолкнемъ,—что въ кустахъ
Хоры эти, —
Придутъ съ пѣснью на устахъ
Наши дѣти;

А не дѣти, такъ пройдутъ
Съ пѣснью внуки:
Къ нимъ съ весною низойдутъ
Тѣже звуки.

(1850).

XV.

Лѣтній вечеръ тихъ и ясенъ;
Посмотри, какъ дремлютъ ивы;
Западъ неба блѣдно-красенъ,
И рѣки блестятъ извивы.

Отъ вершинъ скользя къ вершинамъ,
Вѣтръ ползетъ лѣсною высью;
Слышишь ржанье по долинамъ?—
То табунъ несется рысью.

(1850).

XVI.

Любо мнѣ въ комнатѣ ночью стоять у окошка въ потемкахъ,
Если луна съ высоты прямо глядитъ на меня,
И, проникая стекло, нарисуетъ квадраты лучами
По полу, комнату всю дымомъ прозрачнымъ поя,—
А за окошкомъ въ саду между листьевъ сирени и липы,
Черныя группы дѣля, зыбкимъ проходитъ лучомъ
Между вѣтвями, и внизъ ея золоченыя стрѣлы
Яркимъ стремятся дождемъ; иль одинокій листокъ
Лунному свѣту мѣшаетъ разсыпаться по-земи, самъ же,
Свѣтомъ осыпанный весь, черенъ дрожитъ на тѣни.
Я восклицаю: блаженъ, трижды блаженъ, о Діана!
Кто всемогущей судьбой въ тайны твои посвященъ!

(1850).

XVII.

ВЕНЕЦІЯ НОЧЬЮ

Лунный свѣтъ сверкаетъ ярко,
Осыпая мраморъ плитъ;
Дремлетъ левъ святаго Марка,
И царица моря спитъ.

По каналамъ посребреннымъ
Опрокинулись дворцы,
И блестятъ весломъ безсоннымъ
Запоздалые гребцы.

Звѣздъ сіяютъ миріады,
Чутко въ воздухѣ ночномъ;
Осребренныя громады
Вѣковымъ уснули сномъ.

(1850).

XVIII.

Если зимнее небо звѣздами горитъ,
И мечтательно свѣтитъ луна,
Предо мною твой образъ, твой дивный скользитъ,—
Словно ты изъ лучей создана.

И свѣтла, и легка, ты несешься туда...
Я гляжу и молю хоть слѣдовъ...
И свѣтла, и легка,—но зато ни слѣда;
Только грудь обуяетъ любовь,

И летѣлъ бы, летѣлъ за красою твоей,
И пускай въ небѣ звѣзды горятъ,
И быстрѣй, и свѣтлѣй миріады лучей
На пылинки ночныя глядятъ!

(1850).

XIX.

Въ долгія ночи, какъ вѣжды на сонъ не сомкнуты,
  Чудныя душу порой посѣщаютъ минуты.
Духъ окриленъ, никакая не мучитъ утрата,
  Въ дальней звѣздѣ отгадалъ бы отбывшаго брата;
Близкой души предо мною всѣ ясны изгибы;
  Видишь, какъ были,—и видишь, какъ быть бы могли бы!
О! если ночь унесетъ тебя въ міръ этотъ странный,
  Мощному духу отдайся, о другъ мой желанный!
Я отзовусь, — но, внемля безтѣлесному звуку,
  Вспомни меня, какъ невольную помнятъ разлуку!

(1851).

XX.

Растутъ, растутъ причудливыя тѣни,
Въ одну сливаясь тѣнь....
Ужь позлатилъ послѣднія ступени
Перебѣжавшій день.

Что̀ звало жить, что̀ силы горячило, —
Далёко за горой.
Какъ призракъ дня, ты, блѣдное свѣтило,
Восходишь надъ землей.

И на тебя, какъ на воспоминанье,
Я обращаю взоръ...
Смолкаетъ лѣсъ, блѣднѣй ручья сіянье,
Потухли выси горъ;

Лишь ты одно скользишь стезей лазурной;
Недвижно все окрестъ...
Да сыплетъ ночь своей бездонной урной
Къ намъ миріады звѣздъ.

(1854).

XXI.

Какое счастіе: и ночь, и мы одни!
Рѣка — какъ зеркало, и вся блеститъ звѣздами;
А тамъ-то... Голову закинь-ка да взгляни:
Какая глубина и чистота надъ нами!

О, называй меня безумнымъ! Назови
Чѣмъ хочешь! Въ этотъ мигъ я разумомъ слабѣю
И въ сердцѣ чувствую такой приливъ любви,
Что не могу молчать, не стану, не умѣю!

Я боленъ, я влюбленъ; но, мучась и любя, —
О, слушай! о, пойми! — я страсти не скрываю,
И я хочу сказать, что я люблю тебя —
Тебя, одну тебя люблю я и желаю!

(1854).

XXII.

СТЕПЬ ВЕЧЕРОМЪ

Клубятся тучи, млѣя въ блескѣ аломъ,
Хотятъ въ росѣ понѣжиться поля,
Въ послѣдній разъ, за третьимъ переваломъ
Пропалъ ямщикъ, звеня и не пыля.

Нигдѣ жилья не видно на просторѣ,
Вдали огня иль пѣсни — и не ждешь!
Все степь да степь. Безбрежная, какъ море,
Волнуется и наливаетъ рожь.

За облакомъ до половины скрыта,
Луна свѣтить еще не смѣетъ днемъ;
Вотъ жукъ взлетѣлъ и прожужжалъ сердито,
Вотъ лунь проплылъ, не шевеля крыломъ.

Покрылись нивы сѣтью золотистой,
Тамъ перепелъ откликнулся вдали,
И слышу я, въ изложинѣ росистой
Въ полголоса скрипятъ коростели.

Ужъ сумракомъ пытливый взоръ обманутъ,
Среди тепла прохладой стало дуть.
Луна чиста. Вотъ — съ неба звѣзды глянутъ
И, какъ рѣка, засвѣтитъ млечный путь.

(1854).

XXIII.

Надъ озеромъ лебедь въ тростникъ потянулъ,
Въ водѣ опрокинулся лѣсъ;
Зубцами вершинъ онъ въ зарѣ потонулъ,
Межъ двухъ изгибаясь небесъ.

И воздухомъ чистымъ усталая грудь
Дышала отрадно. Легли
Вечернія тѣни. Вечерній мой путь
Краснѣлъ межъ деревьевъ вдали.

А мы, мы на лодкѣ сидѣли вдвоемъ,
Я смѣло налегъ на весло,
Ты, молча, покорнымъ владѣла рулемъ,
Насъ въ лодкѣ, какъ въ люлькѣ, несло.

И дѣтская челнъ направляла рука
Туда, гдѣ, блестя чешуей,
Вдоль соннаго озера быстро рѣка
Бѣжала, какъ змѣй золотой.

Ужь начали звѣзды мелькать въ небесахъ...
Не помню, какъ бросилъ весло,
Не помню, что̀ пестрый нашептывалъ флагъ,
Куда насъ потокомъ несло!

(1855).

XXIV.

ВЕЧЕРЪ

Прозвучало надъ ясной рѣкою,
Прозвенѣло въ померкшемъ лугу,
Прокатилось надъ рощей нѣмою,
Засвѣтилось на томъ берегу.

Далеко, въ полумракѣ, луками
Убѣгаетъ на западъ рѣка;
Погорѣвъ золотыми каймами,
Разлетѣлись, какъ дымъ, облака.

На пригоркѣ то сыро, то жарко,
Вздохи дня есть въ дыханьи ночномъ...
Но зарница ужъ теплится ярко
Голубымъ и зеленымъ огнемъ.

(1855).

XXV.

Послѣдній звукъ умолкъ въ лѣсу глухомъ,
Послѣдній лучъ погаснулъ за горою...
О, скоро ли, въ безмолвіи ночномъ,
Прекрасный другъ, увижусь я съ тобою?

О, скоро ли младенческая рѣчь
Въ испугъ мое измѣнитъ ожиданье?
О, скоро ли къ груди моей прилечь
Ты поспѣшишь, вся трепетъ, вся желанье?

Скользитъ туманъ прозрачный надъ рѣкой,
Какъ твой покровъ, свиваясь и бѣлѣя...
Часъ Фей насталъ! Увижусь ли съ тобой
Я въ царствѣ Фей, мечтательная Фея?

Иль, заодно съ тобой, и ночь, и мгла
Меня томятъ и нѣжатъ въ заблужденьи?
Иль эта страсть больная солгала,
И жаръ ночной потухнетъ въ пѣснопѣньи?

(1855).

XXVI.

НА ЛОДКѢ

Ты скажешь, брося взоръ по голубой равнинѣ:
„И небо, и вода". —
Здѣсь остановимъ челнъ, по самой серединѣ
Широкаго пруда.

Буграми съ колеса волненье не клокочетъ;
Чуть-чуть блестятъ струи,
Такъ тихо, будто ночь сама подслушать хочетъ
Рыданія любви.

До слуха чуткаго мечтаньями ночными
Доходитъ плескъ ручья;
Осыпана кругомъ звѣздами золотыми
Покоится ладья.

Гляжу въ твое лицо, въ сіяющія очи,
О добрый геній мой!
Лицо твое — какъ день; ты вся, при свѣтѣ ночи, —
Какъ призракъ неземной.

Теперь, волшебница! иной могучей власти
У неба не проси;
Всю эту ночь, весь блескъ, весь пылъ безумной страсти
Возьми — и погаси!

(1856).

XXVII.

Шопотъ, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Соннаго ручья,

Свѣтъ ночной, ночныя тѣни,
Тѣни безъ конца,
Рядъ волшебныхъ измѣненій
Милаго лица,

Въ дымныхъ тучкахъ пурпуръ розы,
Отблескъ янтаря,
И лобзанія, и слезы, —
И заря, заря!..

(1856).

XXVIII.

На стогѣ сѣна, ночью южной,
Лицомъ ко тверди я лежалъ,
И хоръ свѣтилъ, живой и дружный,
Кругомъ раскинувшись, дрожалъ.

Земля, какъ смутный сонъ, нѣмая,
Безвѣстно уносилась прочь,
И я, какъ первый житель рая,
Одинъ въ лицо увидѣлъ ночь.

Я ль несся къ безднѣ полуночной,
Иль сонмы звѣздъ ко мнѣ неслись?
Казалось, будто въ длани мощной
Надъ этой бездной я повисъ.

И, съ замираньемъ и смятеньемъ,
Я взоромъ мѣрилъ глубину,
Въ которой съ каждымъ я мгновеньемъ
Все невозвратнѣе тону.

(1857).

XXIX.

Еще майская ночь.

Какая ночь! На всемъ какая нѣга!
Благодарю, родной, полночный край!
Изъ царства льдовъ, изъ царства вьюгъ и снѣга
Какъ свѣжъ и чистъ твой вылетаетъ май!

Какая ночь! Всѣ звѣзды до единой
Тепло и кротко въ душу смотрятъ вновь,
И въ воздухѣ за пѣснью соловьиной
Разносится тревога и любовь.

Березы ждутъ. Ихъ листъ полупрозрачный
Застѣнчиво манитъ и тѣшитъ взоръ;
Онѣ дрожатъ. Такъ дѣвѣ новобрачной
И радостенъ, и чуждъ ея уборъ.

Нѣтъ! никогда нѣжнѣй и безтѣлеснѣй
Твой ликъ, о ночь, не могъ меня томить;
Опять къ тебѣ иду съ невольной пѣсней,
Невольной и послѣдней можетъ-быть...

(1857).

XXX.

Заря прощается съ землею,
Ложится паръ на днѣ долинъ,
Смотрю на лѣсъ, покрытый мглою,
И на огни его вершинъ.

Какъ незамѣтно потухаютъ
Лучи, и гаснутъ подъ конецъ!
Съ какою нѣгой въ нихъ купаютъ
Деревья пышный свой вѣнецъ!

И все таинственнѣй, безмѣрнѣй
Ихъ тѣнь растетъ, растетъ какъ сонъ.
Какъ тонко по зарѣ вечерней
Ихъ легкій очеркъ вознесенъ!

Какъ будто, чуя жизнь двойную,
И ей овѣяны вдвойнѣ, —
И землю чувствуютъ родную,
И въ небо просятся онѣ.

(1858).

XXXI.

Молчали листья, звѣзды рдѣли, —
И, въ этотъ часъ,
Съ тобой на звѣзды мы глядѣли,
Онѣ — на насъ.

Когда все небо такъ глядится
Въ живую грудь,
Какъ въ этой груди затаится
Хоть что̀ нибудь?

Все, что̀ хранитъ и будитъ силу
Во всемъ живомъ,
Все, что̀ уносится въ могилу
Отъ всѣхъ тайкомъ,

Что̀ чище звѣздъ, пугливѣй ночи,
Страшнѣе тьмы,
Тогда, взглянувъ другъ другу въ очи,
Сказали мы.

(1860).

XXXII.

КОЛОКОЛЬЧИКЪ

Ночь нѣма, какъ духъ безплотный,
Теплый воздухъ онѣмѣлъ;
Но какъ-будто мимолетный
Колокольчикъ прозвенѣлъ.

Тотъ ли это, что мѣшаетъ
Вдалекѣ лѣсному сну
И, качаясь, набѣгаетъ
На ночную тишину?

Или этотъ, чуть замѣтный
Въ цвѣтникѣ моемъ и днемъ,
Узкодонный, разноцвѣтный—
На тычинкѣ подъ окномъ?

(1863).

XXXIII.

Въ темнотѣ, на треножникѣ яркомъ,
Мать варила черешни вдали;
Мы съ тобой отворили калитку
И по темной аллеѣ пошли.

Шли мы розно. Прохлада ночная
Широко между нами плыла.
Я боялся, чтобъ въ помыслѣ смѣломъ
Ты меня упрекнуть не могла.

Какъ-то странно мы оба молчали
И страннѣй сторонилися прочь...
Говорила за насъ и дышала
Намъ въ лицо благовонная ночь.

(1863).

XXXIV.

Мѣсяцъ зеркальный плыветъ по лазурной пустынѣ,
Травы степныя унизаны влагой вечерней,
Рѣчи отрывистѣй, сердце опять суевѣрнѣй,
Длинныя тѣни вдали потонули въ ложбинѣ.

Въ этой ночи, какъ въ желаніяхъ, все безпредѣльно,
Крылья растутъ у какихъ-то воздушныхъ стремленій,
Взялъ бы тебя и помчался бы также безцѣльно,
Свѣтъ унося, покидая невѣрныя тѣни.

Можно ли, другъ мой, томиться въ тяжелой кручинѣ?
Какъ не забыть, хоть на время, язвительныхъ терній?
Травы степныя сверкаютъ росою вечерней,
Мѣсяцъ зеркальный бѣжитъ по лазурной пустынѣ.

(1863).

XXXV.

Съ какой я нѣгою желанья
Одной звѣзды искалъ въ ночи!
Какъ я любилъ ея мерцанье,
Ея алмазные лучи!

Хоть на зарѣ, хотя мгновенно,
Средь набѣжавшихъ тучъ видна,
Она такъ ясно, такъ нетлѣнно
На небѣ теплилась одна.

Любовь, участіе, забота
Моимъ очамъ дрожали въ ней,
Въ степи—съ рѣчнаго поворота,
Съ ночнаго зеркала морей;

Но столько думы молчаливой
Не шлетъ мнѣ лучъ ея нигдѣ,
Какъ у корней плакучей ивы,
Въ твоемъ саду, въ твоемъ прудѣ.

(1863).

XXXVI.

Блескомъ вечернимъ овѣяны горы,
Сырость и мгла набѣгаютъ въ долину,
Съ тайной мольбою подъемлю я взоры:
Скоро-ли холодъ и сумракъ покину?

Вижу на томъ я уступѣ румяномъ—
Сдвинуты кровель уютныя гнѣзды;
Вонъ засвѣтились подъ старымъ каштаномъ
Милыя окна, какъ вѣрныя звѣзды.

Ктожь меня въ тайнѣ пугаетъ обманомъ:
Сердцемъ, какъ прежде, ты чистъ ли и молодъ?
Что̀, если тамъ, въ этомъ мірѣ румяномъ,
Снова охватитъ и сумракъ, и холодъ?

(1866).

XXXVII.

Въ дымкѣ невидимкѣ
Выплылъ мѣсяцъ вешній,
Цвѣтъ садовый дышитъ
Яблонью, черешней.

Такъ и льнетъ, цѣлуя
Тайно и нескромно.
И тебѣ не грустно?
И тебѣ не томно?

Истерзался пѣсней
Соловей безъ розы;
Плачетъ старый камень,
Въ прудъ роняя слезы.

Уронила косы
Голова невольно.
И тебѣ не томно?
И тебѣ не больно?

(1874).

XXXVIII.

Одна звѣзда межъ всѣми дышитъ
И такъ дрожитъ!
Она лучемъ алмазнымъ пышетъ
И говоритъ:

Не суждено съ тобой намъ дружно
Носить оковъ,
Не ищемъ мы, и намъ не нужно
Ни клятвъ, ни словъ.

Не намъ восторги и печали,
Любовь моя!
Но мы во взорахъ разгадали,
Кто ты, кто я.

Чѣмъ мы горимъ, свѣтить готово
Во тьмѣ ночей;
И счастья ищемъ мы земнаго
Не у людей.

(1883).

XXXIX.

Какъ нѣжишь ты, серебряная ночь,
Въ душѣ расцвѣтъ нѣмой и тайной силы!
О, окрыли, и дай мнѣ превозмочь
Весь этотъ тлѣнъ, бездушный и унылый!

Какая ночь! Алмазная роса
Живымъ огнемъ съ огнями неба въ спорѣ;
Какъ океанъ, разверзлись небеса,
И спитъ земля, и теплится, какъ море.

Мой духъ, о ночь! какъ падшій Серафимъ,
Призналъ родство съ нетлѣнной жизнью звѣздной,
И, окрыленъ дыханіемъ твоимъ,
Готовъ летѣть надъ этой тайной бездной.

(1883).

XL.

Ты такъ любишь гулять;
Отчего ты опять
Робко жмешься?
Зори—нѣтъ ихъ нѣжнѣй,
И такихъ ужь ночей
Не дождешься.

„Милый мой, мнѣ невмочь,
Истомилась всю ночь,
Тосковала.
Я бѣжала къ прудамъ,
А тебя я и тамъ
Не сыскала“.

„Но ужь дальше къ пруду
Ни за что не пойду,
Хоть брани ты.
Тамъ, надъ самой водой,
Странный, черный, кривой
Пень ракиты“.

„И не вижу я пня,
И хватаетъ меня
Страхъ напрасный:
Такъ и кажется мнѣ,
Что стоитъ при лунѣ
Тотъ ужасный!“

(1885).

XLI.

Солнце садится, и вѣтеръ утихнулъ летучій,
Нѣтъ и слѣда тѣхъ огнями пронизанныхъ тучъ;
Вотъ на окраинѣ дрогнулъ, живой и не жгучій,
Всю эту степь озарившій и гаснущій лучъ.

Солнца ужь нѣтъ, нѣтъ и дня неустанныхъ стремленій,
Только закатъ будетъ долго чуть зримо горѣть;
О, еслибъ небо судило безъ тяжкихъ томленій
Такъ же и мнѣ, оглянувшись на жизнь, умереть!

(1885).

XLII.

Молятся звѣзды, мерцаютъ и рдѣютъ,
Молится мѣсяцъ, плывя по лазури,
Легкія тучки, свиваясь, не смѣютъ
Съ темной земли къ нимъ притягивать бури.

Видны имъ наши томленья и горе,
Видны страстей неподсильныя битвы,
Слезы въ алмазномъ трепещутъ ихъ взорѣ;
Все же — безмолвно горятъ ихъ молитвы.

(1885).

XLIII.

ВЪ ЛУННОМЪ СІЯНІИ

Выйдемъ съ тобой побродить
  Въ лунномъ сіяніи!
Долго ли душу томить
  Въ темномъ молчаніи!

Прудъ—какъ блестящая сталь;
  Травы—въ рыданіи;
Мельница, рѣчка и даль—
  Въ лунномъ сіяніи.

Можно ль тужить и не жить
  Намъ въ обаяніи?
Выйдемъ тихонько бродить
  Въ лунномъ сіяніи!

Дек. 1885.

XLIV.

Въ вечеръ такой золотистый и ясный,
Въ этомъ дыханьи весны всепобѣдной,
Не поминай мнѣ, о другъ мой прекрасный,
Ты о любви нашей, робкой и бѣдной!

Дышитъ земля всѣмъ своимъ ароматомъ,
Небу разверстая—только вздыхаетъ;
Самое небо съ нетлѣннымъ закатомъ
Въ тихомъ заливѣ себя повторяетъ.

Что̀ же тутъ мы, или счастіе наше?
Какъ и помыслить о немъ не стыдиться?
Въ блескѣ, какого нѣтъ шире и краше,
Нужно безумствовать, или смириться!

Янв. 1886.

XLV.

Благовонная ночь, благодатная ночь,
Раздраженье недужной души!
Все бы слушалъ тебя, и молчать мнѣ невмочь
Въ говорящей такъ ясно тиши.

Широко раскидалась лазурная высь,
И огни золотые горятъ;
Эти звѣзды кругомъ точно всѣ собрались,
Не мигая, смотрѣть въ этотъ садъ.

А ужь мѣсяцъ, что всплылъ надъ зубцами аллей
И въ лицо прямо смотритъ, — онъ жгучъ!
Въ недалекой тѣни непроглядныхъ вѣтвей
И сверкаетъ, и плещется ключъ.

И мѣняется звуковъ отдѣльный ударъ;
Такъ ласкательно шепчутъ струи,
Словно робкія струны воркуютъ гитаръ,
Напѣвая призывы любви.

Словно все и горитъ, и звенитъ заодно,
Чтобъ мечтѣ невозможной помочь;
Словно, дрогнувъ слегка, распахнется окно
Поглядѣть въ серебристую ночь.

28 апр. 1887.

XLVI.

Сегодня всѣ звѣзды такъ пышно
Огнемъ голубымъ разгорались,
А ты промелькнула неслышно,
И взоры твои преклонялись.

Зачѣмъ же такъ сердце нестройно
И робко въ груди застучало?
Зачѣмъ подъ прохладой такъ знойно
Въ лицо мнѣ заря задышала?

Всю ночь прогляжу на мерцанье,
Что свѣтитъ и мощно, и нѣжно,
И яркое это молчанье
Разгадывать стану прилежно...

26 ноября 1888.
Москва.

XLVII.

Отъ огней, отъ толпы безпощадной
Незамѣтно бѣжали мы прочь;
Лишь вдвоемъ мы въ тѣни здѣсь прохладной,
Третья съ нами — лазурная ночь.

Сердце робкое бьется тревожно,
Жаждетъ счастье и дать, и хранить;
Отъ людей утаиться возможно,
Но отъ звѣздъ ничего не сокрыть.

И, безмолвна, кротка, серебриста,
Эта полночь, за дымкой сквозной,
Видитъ только, что̀ вѣчно и чисто,
Что̀ навѣяно ею самой.

8 февр. 1889.
Москва.

XLVIII.

Только мѣсяцъ взошелъ
Послѣ жаркаго дня,—
Распустился, расцвѣлъ
Цвѣтъ въ груди у меня.

Что за счастье, любя,
Этотъ цвѣтъ охранять!
Какъ я радъ, что тебя
Никому не видать!

Погляди, какъ спѣшу
Я въ померкнувшій садъ!
И повсюду ношу
Я цвѣтка ароматъ.

11 февр. 1891.

XLIX.

Ночь лазурная смотритъ на скошенный лугъ,
Запахъ розъ надъ балкономъ и сѣна вокругъ;
Но, зато-ль, что отрады не жду впереди,
Благодарности нѣтъ въ истомленной груди!

Все далекій, давнишній мнѣ чудится садъ:
Тамъ и звѣзды крупнѣй, и сильнѣй ароматъ,
И ночныхъ благовоній живая волна
Тамъ доходитъ до сердца — истомы полна.

Точно, въ нѣжномъ дыханьи травы и цвѣтовъ,
Съ ароматомъ знакомый доносится зовъ,
И какъ-будто вотъ-вотъ кто-то милый опять
О восторгѣ свиданья готовъ прошептать.

12 іюня 1892.
Воробьевка.

ВЕСНА

I.

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ
Разсказать, что солнце встало,
Что оно горячимъ свѣтомъ
По листамъ затрепетало;
Разсказать, что лѣсъ проснулся,
Весь проснулся, вѣткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полонъ жаждой...
Разсказать, что съ той же страстью,
Какъ вчера, пришелъ я снова,
Что душа все такъ же счастью
И тебѣ служить готова;
Разсказать, что отовсюду
На меня весельемъ вѣетъ,
Что не знаю самъ, что̀ буду
Пѣть,—но только пѣсня зрѣетъ!

(1843).

II.

Ужь верба вся пушистая
Раскинулась кругомъ,
Опять весна душистая
Повѣяла крыломъ.

Станицей тучки носятся,
Тепло озарены,
И въ душу снова просятся
Плѣнительные сны.

Вездѣ разнообразною
Картиной занятъ взглядъ,
Шумитъ толпою праздною
Народъ — чему-то радъ...

Какой-то тайной жаждою
Мечта распалена —
И надъ душою каждою
Проносится весна.

(1844).

III.

Теплый вѣтеръ тихо вѣетъ,
Жизнью свѣжей дышитъ степь,
И кургановъ зеленѣетъ
Убѣгающая цѣпь.

И далеко межъ кургановъ,
Темносѣрою змѣей,
До блѣднѣющихъ тумановъ
Пролегаетъ путь родной.

Къ безотчетному веселью
Подымаясь въ небеса,
Сыплютъ съ неба трель за трелью
Вешнихъ птичекъ голоса.

(1845).

IV.

Еще весна, — какъ будто неземной
Какой-то духъ ночнымъ владѣетъ садомъ.
Иду я молча, — медленно и рядомъ
Мой темный профиль движется со мной.

Еще аллей не сумраченъ нріютъ,
Между вѣтвей небесный сводъ синѣетъ,
А я иду — душистый холодъ вѣетъ
Въ лицо — иду — и соловьи поютъ.

Несбыточное грезится опять,
Несбыточное въ нашемъ бѣдномъ мірѣ,
И грудь вздыхаетъ радостнѣй и шире,
И вновь кого-то хочется обнять.

Придетъ пора, и скоро, можетъ-быть, —
Опять земля взалкаетъ обновиться,
Но это сердце перестанетъ биться
И ничего не будетъ ужь любить!

(1850).

V.

Полно спать! Тебѣ двѣ розы
Я принесъ съ разсвѣтомъ дня;
Сквозь серебряныя слезы
Ярче нѣга ихъ огня.

Вешнихъ дней минутны грозы,
Воздухъ чистъ, свѣжѣй листы...
И роняютъ тихо слезы
Ароматные цвѣты.

(1850).

VI.

ВЕСЕННІЯ МЫСЛИ

Снова птицы летятъ издалека
Къ берегамъ, расторгающимъ ледъ,
Солнце теплое ходитъ высоко
И душистаго ландыша ждетъ.

Снова въ сердцѣ ничѣмъ не умѣришь
До ланитъ восходящую кровь,
И душою подкунленной вѣришь,
Что какъ міръ безконечна любовь.

Но сойдемся ли снова такъ близко
Средь природы разнѣженной мы,
Какъ видало ходившее низко
Насъ холодное солнце зимы?

(1852).

VII.

Еще весны душистой нѣга
Къ намъ не успѣла низойти,
Еще овраги полны снѣга,
Еще зарей гремитъ телѣга
На замороженномъ пути;

Едва лишь въ полдень солнце грѣетъ,
Краснѣетъ липа въ высотѣ,
Сквозя, березникъ чуть желтѣетъ,
И соловей еще не смѣетъ
Запѣть въ смородинномъ кустѣ.

Но возрожденья вѣсть живая
Ужь есть въ пролетныхъ журавляхъ,
И, ихъ глазами провожая,
Стоитъ красавица степная,
Съ румянцемъ сизымъ на щекахъ.

(1854).

VIII.

ПЧЕЛЫ

Пропаду отъ тоски я и лѣни!
Одинокая жизнь не мила,
Сердце ноетъ, слабѣютъ колѣни...
Въ каждый гвоздикъ душистой сирени,
Распѣвая, вползаетъ пчела...

Дай хоть выду я въ чистое поле,
Иль совсѣмъ потеряюсь въ лѣсу!..
Съ каждымъ шагомъ—не легче на волѣ,
Сердце пышетъ все болѣ и болѣ,
Точно уголь въ груди я несу.

Нѣтъ, постой же! Съ тоскою моею
Здѣсь разстанусь. Черемуха спитъ...
Ахъ, опять эти пчелы подъ нею!
И никакъ я понять не умѣю,
На цвѣтахъ ли, въ ушахъ ли звенитъ?

(1854).

IX.

ПЕРВЫЙ ЛАНДЫШЪ

О первый ландышъ! Изъ-подъ снѣга
Ты просишь солнечныхъ лучей;
Какая дѣвственная нѣга
Въ душистой чистотѣ твоей!

Какъ первый лучъ весенній ярокъ!
Какіе въ немъ нисходятъ сны!
Какъ ты плѣнителенъ, подарокъ
Воспламеняющей весны!

Такъ дѣва въ первый разъ вздыхаетъ,
О чемъ? — неясно ей самой...
И робкій вздохъ благоухаетъ
Избыткомъ жизни молодой.

(1854).

X.

НА ДНѢПРѢ ВЪ ПОЛОВОДЬЕ

(АВДОТЬѢ ЯКОВЛЕВНѢ ПАНАЕВОЙ).

Свѣтало.—Вѣтеръ гнулъ упругое стекло
Днѣпра, еще въ волнахъ не пробуждая звука...
Старикъ отчаливалъ, опершись на весло,
А между тѣмъ ворчалъ на внука.

Отъ веселъ къ берегу кудрявый слѣдъ бѣжалъ,
Струи подъ лодкой закипѣли;
Нашъ парусъ, медленно надувшись, задрожалъ,
И мы, какъ птица, полетѣли.

И яркимъ золотомъ, и чистымъ серебромъ
Змѣились облаковъ прозрачныхъ очертанья;
Надъ разыгравшимся, казалося, Днѣпромъ
Струилися отъ волнъ и травъ благоуханья.

За нами мельница едва-едва видна,
И берегъ посинѣлъ зеленый...
И вотъ, подъ лодкою вздрогнувшей, быстрина
Сверкаетъ сталью вороненой...

А тамъ затопленный на встрѣчу лѣсъ летѣлъ...
Въ него зеркальные врывалися заливы;
Надъ сонной влагою тамъ тополь зеленѣлъ,
Бѣлѣли яблони и трепетали ивы.

И, подъ лобзанія немолкнущей струи,
Пѣвцы, которымъ лѣсъ да волны лишь внимали,
Съ какой-то нѣгою задорной соловьи
Пустынный воздухъ раздражали.

Вотъ изумрудный лугъ, вотъ желтые пески
Горятъ въ сіяньи золотистомъ;
Вонъ утка крадется въ тростникъ,—вонъ кулики
Безпечно бѣгаютъ со свистомъ...

Остался бъ здѣсь дышать, смотрѣть и слушать вѣкъ..

(1854).

XI.

СОСНЫ

Средь кленовъ дѣвственныхъ и плачущихъ березъ
Я видѣть не могу надменныхъ этихъ сосенъ;
Онѣ смущаютъ рой живыхъ и сладкихъ грезъ,
И трезвый видъ мнѣ ихъ несносенъ.

Въ кругу воскреснувшихъ сосѣдей лишь онѣ
Не знаютъ трепета, не шепчутъ, не вздыхаютъ,
И, неизмѣнныя, ликующей веснѣ
Пору зимы напоминаютъ.

Когда уронитъ лѣсъ послѣдній листъ сухой
И, смолкнувъ, станетъ ждать весны и возрожденья,—
Онѣ останутся—холодною красой
Пугать иныя поколѣнья.

(1855).

XII.

ВЕСНА НА ДВОРѢ

Какъ дышитъ грудь свѣжо и емко —
Слова не выразятъ ничьи!
Какъ по оврагамъ, въ полдень, громко
На пѣну прядаютъ ручьи!

Въ эѳирѣ пѣснь дрожитъ и таетъ,
На глыбѣ зеленѣетъ рожь —
И голосъ нѣжный напѣваетъ:
„Еще весну переживешь!“

(1855).

XIII.

БОЛЬНОЙ

Его томилъ недугъ. Тяжелый зной печей,
Казалось, каждый вздохъ оспаривалъ у груди...
Его томилъ напѣвъ безсмысленныхъ рѣчей,
Ему противны стали люди.

На стѣны онъ кругомъ смотрѣлъ какъ на тюрьму,
Онъ обращалъ къ окну горящія зеницы,
И свѣта Божьяго хотѣлося ему,
Хотѣлось воздуха, которымъ дышатъ птицы.

А тамъ, за стеклами, какъ чуткій сонъ легки,
Съ востока яркаго все шире дни летѣли,
И солнце теплое, морозамъ вопреки,
Вдоль крышъ развѣсило капели.

Просиживая дни, онъ думалъ все одно:
„Я знаю, небеса весны меня излѣчатъ...“
И ждалъ онъ: скоро ли весна пахнетъ въ окно,
И тамъ двѣ ласточки, прижавшись, защебечутъ?

(1855).

XIV.

РЫБКА

Тепло на солнышкѣ. Весна
Беретъ свои права;
Въ рѣкѣ мѣстами глубь ясна,
На днѣ видна трава.

Чиста холодная струя;
Слѣжу за поплавкомъ, —
Шалунья рыбка, вижу я,
Играетъ съ червякомъ.

Голубоватая спина,
Сама какъ серебро,
Глаза—бурмитскихъ два зерна,
Багряное перо.

Идетъ, не дрогнетъ подъ водой.
Пора! Червякъ во рту.
Увы, блестящей полосой
Юркнула въ темноту!

Но вотъ опять лукавый глазъ
Сверкнулъ невдалекѣ.
Постой, авось на этотъ разъ
Повиснешь на крючкѣ!

(1858).

XV.

ВЕСЕННІЙ ДОЖДЬ

Еще свѣтло, — передъ окномъ
Въ разрывы облакъ солнце блещетъ,
И воробей своимъ крыломъ,
Въ пескѣ купаяся, трепещетъ, —

А ужь отъ неба до земли,
Качаясь, движется завѣса
И, будто въ золотой пыли,
Стоитъ за ней опушка лѣса.

Двѣ капли брызнули въ стекло,
Отъ липъ душистымъ медомъ тянетъ,
И что-то къ саду подошло,—
По свѣжимъ листьямъ барабанитъ.

(1859).

XVI.

Еще акація одна
Съ цвѣтами вѣтви опускала
И надъ бесѣдкою весна
Душистыхъ сводовъ не скругляла;

Дышалъ горячій вѣтерокъ —
Въ тѣни сидѣли мы другъ съ другомъ
И передъ нами на песокъ
День золотымъ ложился кругомъ.

Жужжалъ пчелами каждый кустъ,
Надъ сердцемъ счастье тяготѣло,
Я трепеталъ, чтобъ съ робкихъ устъ
Твое признанье не слетѣло.

Вдали сливалось пѣнье птицъ,
Весна надъ степью проносилась,
И на концахъ твоихъ ресницъ
Слеза нескромная свѣтилась.

Я говорить хотѣлъ — и вдругъ,
Нежданнымъ шорохомъ пугая,
Къ твоимъ ногамъ, на ясный кругъ
Спорхнула птичка полевая.

Съ какой мы робостью любви
Свое дыханье затаили!
Казалось мнѣ, — глаза твои
Не улетать ее молили.

Сказать „прости“ чему-нибудь
Душѣ казалося утратой...
И, собираясь упорхнуть,
Глядѣлъ на насъ нашъ гость крылатый.

(1859).

XVII.

МОТЫЛЕКЪ МАЛЬЧИКУ

Цвѣты киваютъ мнѣ, головки наклоня,
И манитъ кустъ душистой вѣткой;
Зачѣмъ же ты одинъ преслѣдуешь меня
Своею шелковою сѣткой?

Дитя кудрявое, любимый нѣжно сынъ
Неувядающаго мая,
Позволь мнѣ жизнію упиться день одинъ,
На солнцѣ радостномъ играя.

Постой, оно уйдетъ, и блескъ его лучей
Замретъ на западѣ далекомъ,
И, въ часъ таинственный, я упаду въ ручей,
И унесетъ меня потокомъ.

(1860).

XVIII.

Опять незримыя усилья,
Опять невидимыя крылья
Приносятъ сѣверу тепло;
Все ярче, ярче дни за днями,
Ужь солнце черными кругами
Въ лѣсу деревья обвело.

Заря сквозитъ оттѣнкомъ алымъ,
Подернутъ блескомъ небывалымъ
Покрытый снѣгомъ косогоръ;
Еще лѣса стоятъ въ дремотѣ,
Но тѣмъ слышнѣе въ каждой нотѣ
Пернатыхъ радость и задоръ.

Ручьи, журча и извиваясь,
И межь собой перекликаясь,
Въ долину гулкую спѣшатъ,
И разыгравшіяся воды
Подъ бѣло-мраморные своды
Съ веселымъ грохотомъ летятъ.

А тамъ, по нивамъ, на просторѣ,
Рѣка раскинулась, какъ море,
Стальнаго зеркала свѣтлѣй,
И рѣчка къ ней на середину
За льдиной выпускаетъ льдину,
Какъ будто стаю лебедей.

(1860).

XIX.

Тихонько движется мой конь
По вешнимъ заводямъ луговъ,
И въ этихъ заводяхъ огонь
Весеннихъ свѣтитъ облаковъ.

И освѣжительный туманъ
Встаетъ съ оттаявшихъ полей.
Заря и счастье, и обманъ, —
Какъ сладки вы душѣ моей!

Какъ нѣжно содрогнулась грудь
Надъ этой тѣнью золотой!
Какъ къ этимъ призракамъ прильнуть
Хочу мгновенною душой!

(1863).

XX.

Пришла, — и таетъ все вокругъ,
Все жаждетъ жизни отдаваться,
И сердце, плѣнникъ зимнихъ вьюгъ,
Вдругъ разучилося сжиматься.

Заговорило, зацвѣло
Все, что̀ вчера томилось нѣмо,
И вздохи неба принесло
Изъ растворенныхъ вратъ эдема.

Какъ веселъ мелкихъ тучъ походъ!
И въ торжествѣ неизъяснимомъ
Сквозной деревьевъ хороводъ
Зеленоватымъ пышетъ дымомъ.

Поетъ сверкающій ручей,
И съ неба — пѣсня, какъ бывало;
Какъ будто говорится въ ней:
„Все, что̀ ковало, — миновало“.

Нельзя заботы мелочной
Хотя на мигъ не устыдиться,
Нельзя предъ вѣчной красотой
Не пѣть, не славить, не молиться.

(1866).

XXI.

МАЙСКАЯ НОЧЬ

Отсталыхъ тучъ надъ нами пролетаетъ
Послѣдняя толпа;
Прозрачный ихъ отрѣзокъ мягко таетъ
У луннаго серпа.

Царитъ весны таинственная сила
Съ звѣздами на челѣ;
Ты, нѣжная! ты счастье мнѣ сулила
На суетной землѣ.

А счастье гдѣ? Не здѣсь, въ средѣ убогой,
А вонъ оно какъ дымъ.
За нимъ! за нимъ воздушною дорогой!..
И въ вѣчность улетимъ!

(1870).

XXII.

Всю ночь гремѣлъ оврагъ сосѣдній,
Ручей бурля бѣжалъ къ ручью,
Воскресшихъ водъ напоръ послѣдній
Побѣду разглашалъ свою.

Ты спалъ. Окно я растворила,
Въ степи кричали журавли,
И сила думы уносила
За рубежи родной земли,

Летѣть къ безбрежью, бездорожью,
Черезъ лѣса, черезъ поля!
А подо мной весенней дрожью
Ходила гулкая земля.

Какъ вѣрить перелетной тѣни?
Къ чему мгновенный сей недугъ, —
Когда ты здѣсь, мой добрый геній,
Бѣдами искушенный другъ?

(1873).

XXIII.

Глубь небесъ опять ясна,
Пахнетъ въ воздухѣ весна;
Каждый часъ и каждый мигъ
Приближается женихъ.

Спитъ во гробѣ ледяномъ,
Очарованная сномъ, —
Спитъ, нѣма и холодна,
Вся во власти чаръ она.

Но крылами вешнихъ птицъ
Онъ свѣваетъ снѣгъ съ ресницъ.
И изъ стужи мертвыхъ грезъ
Проступаютъ капли слезъ.

(1883).

XXIV.

Еще, еще! Ахъ, сердце слышитъ
Давно призывъ ея родной,
И все, что̀ движется и дышитъ,
Задышитъ новою весной.

Ужь травка свѣтитъ съ кочекъ талыхъ,
Плаксивый чибисъ прокричалъ,
Цѣпь снѣговую тучъ отсталыхъ
Сегодня первый громъ порвалъ.

(1883).

XXV.

Когда, вослѣдъ весеннихъ бурь,
Надъ зацвѣтающей землей
Нѣжнѣй небесная лазурь
И облаковъ воздушенъ рой,

Какъ той порой отрадно мнѣ —
Свергать земли томящій прахъ,
Тонуть въ небесной глубинѣ,
И погасать въ ея огняхъ!

О, какъ мнѣ весело слѣдить
За пышнымъ дымомъ тучъ сквозныхъ!
И радъ я, что не можетъ быть
Ничто вольнѣй и легче ихъ.

(1883).

XXVI.

Я радъ, когда съ земнаго лона,
Весенней жаждѣ соприсущъ,
Къ оградѣ каменной балкона
Съ утра кудрявый лѣзетъ плющъ.

И рядомъ, кустъ родной смущая,
И силясь, и боясь летать,
Семья пичужекъ молодая
Зоветъ заботливую мать.

Не шевелюсь, не безпокою;
Ужь не завидую-ль тебѣ?
Вотъ, вотъ она, здѣсь, подъ рукою
Пищитъ на каменномъ столбѣ.

Я радъ: она не отличаетъ
Меня отъ камня на свѣту,
Трепещетъ крыльями, порхаетъ
И ловитъ мошекъ на лету.

(1883).

XXVII.

Я ждалъ. Невѣстою царицей
Опять на землю ты сошла.
И утро блещетъ багряницей,
И все ты воздаешь сторицей,
Чтó осень скудная взяла.

Ты пронеслась, ты побѣдила!
О тайнахъ шепчетъ божество,
Цвѣтетъ недавняя могила,
И безсознательная сила
Свое ликуетъ торжество.

(1883).

XXVIII.

Съ гнѣздъ замахали крикливыя цапли,
Съ листьевъ скатились послѣднія капли,
Солнце, съ прозрачныхъ сіяя небесъ,
Въ тихихъ струяхъ опрокинуло лѣсъ.

Съ сердца куда-то слетѣла забота,
Вижу, опять улыбается кто-то; —
Или весна выручаетъ свое?
Или и солнышко всходитъ мое?

(1885).

XXIX.

Садъ весь въ цвѣту,
Вечеръ въ огнѣ;
Такъ освѣжительно-радостно мнѣ!
Вотъ я стою,
Вотъ я иду,
Словно таинственной рѣчи я жду.

Эта заря,
Эта весна
Такъ непостижна, зато такъ ясна!
Счастья ли полнъ,
Плачу ли я,
Ты—благодатная тайна моя!

(1885).

XXX.

Нынѣ первый мы слышали громъ;
Вотъ повѣяло сразу тепломъ,
И пришло мнѣ на память сейчасъ,
Какъ вчера ты измучила насъ.

Цѣлый день, холодна и блѣдна,
Ты сидѣла безмолвно одна;
Вдругъ ты встала, ко мнѣ подошла
И сказала, что все поняла:

Что напрасно жалѣть о быломъ,
Что намъ тѣсно и тяжко вдвоемъ,
Что любви затерялась стезя,
Что такъ жить, что дышать такъ нельзя,

Что ты хочешь, рѣшилась, — и вдругъ
Разразился весенній недугъ,
И, забывши о грозныхъ словахъ,
Ты растаяла въ жаркихъ слезахъ.

(1885).

XXXI.

Жду я, тревогой объятъ,
Жду, тутъ, на самомъ пути:
Этой тропой черезъ садъ
Ты обѣщалась придти.

Плачась, комаръ пропоетъ,
Свалится плавно листокъ...
Слухъ, раскрываясь, растетъ,
Какъ полуночный цвѣтокъ.

Словно струну оборвалъ
Жукъ, налетѣвши на ель;
Хрипло подругу позвалъ
Тутъ же у ногъ коростель.

Тихо подъ сѣнью лѣсной
Спятъ молодые кусты...
Ахъ! какъ пахнуло весной!..
Это—навѣрное ты.

13 дек. 1886.

XXXII.

НА РАЗСВѢТѢ

Плавно у ночи съ чела
Мягкая падаетъ мгла;
Съ поля широкаго тѣнь
Жмется подъ ближнюю сѣнь;
Жаждою свѣта горя,
Выйти стыдится заря;
Холодно, ясно, бѣло;
Дрогнуло птицы крыло...
Солнца еще не видать,
А на душѣ—благодать.

1 апр. 1886.

XXXIII.

КУКУШКА

Пышныя гнутся макушки,
Млѣя въ весеннемъ соку;
Гдѣ-то вдали, отъ опушки
Будто бы слышно: ку-ку.

Сердце! — Вотъ утро, — люби же
Все, чѣмъ жило на вѣку;
Слышится ближе и ближе,
Какъ золотое, — ку-ку.

Или кто вспомнилъ утраты,
Вешнюю вспомнилъ тоску?
И раздается трикраты
Ясно и томно: ку-ку.

7 мая 1886.

XXXIV.

Изъ дебрей туманы несмѣло
Родное закрыли село;
Но солнышкомъ вешнимъ согрѣло
И вѣтромъ ихъ вдаль разнесло.

Знать, долго скитаться наскуча
Надъ ширью земель и морей,
На родину тянется туча,
Чтобъ только поплакать надъ ней.

9 іюня 1886.

XXXV.

Сплю я. Тучки дружныя,
Вешнія, жемчужныя
Мчатся надо мной;
Смутныя, узорныя
Тѣни ихъ проворныя —
По полямъ грядой.

Подбѣжали къ чистому
Пруду серебристому,
И—вдвойнѣ свѣтло.
Ужь не тѣни мрачныя,—
Облака прозрачныя
Смотрятся въ стекло.

Сплю я. Безотрадною
Тканью непроглядною
Тянутся мечты;
Вдругъ—сама завѣтная,
Кроткая, привѣтная,
Улыбнулась ты.

9 сент. 1887.

XXXVI.

ЗНОЙ

Что за зной! Даже тутъ подъ вѣтвями
Тѣнь слаба, и открыто кругомъ.
Какъ сошлись и какими судьбами
Мы одни на скамейкѣ вдвоемъ?

Такъ молчать намъ обоимъ неловко,
Что̀ ни стань говорить, — не впопадъ;
За тяжелой косою головка
Словно хочетъ склониться назадъ;

И какъ будто истомою жадной
Насъ весна на припекѣ прожгла.
Только въ той вонъ аллеѣ прохладной
Средь полудня вечерняя мгла...

29 мая 1888.
Воробьевка.

XXXVII.

Роями поднялись крылатыя мечты
Въ веснѣ кругомъ себя искать душистой пищи,
Но на закатѣ дня къ себѣ, царица, ты
Ихъ соберешь ко сну въ таинственномъ жилищѣ.

А завтра на зарѣ вновь крылья зажужжатъ,
Чтобы къ незримому, къ безвѣстному стремиться:
Гдѣ за ночь расцвѣло, гдѣ первый ароматъ,—
Туда перенестись и въ пышной нѣгѣ скрыться.

17 февр. 1889.
Москва.

XXXVIII.

Была пора, и ледъ потока
Лежалъ подъ снѣжной пеленой;
Недосягаемо для ока
Таился рѣчки бѣгъ живой.

Пришла весна, ея дыханье
Надъ снѣжнымъ пронеслось ковромъ,
И стали видны содроганья
Струи, бѣгущей подо льдомъ.

И близки дни, когда всѣ блага
Къ намъ низведетъ пора любви,
И мнѣ, зарей, раскроетъ влага
Объятья чистыя свои.

1 апр. 1890.
Москва.

XXXIX.

Мы встрѣтились вновь послѣ долгой разлуки,
Очнувшись отъ тяжкой зимы;
Мы жали другъ другу холодныя руки
И плакали, плакали мы.

Но въ крѣпкихъ незримыхъ оковахъ сумѣли
Держать насъ людскіе умы;
Какъ часто въ глаза мы другъ другу глядѣли
И плакали, плакали мы!

Но вотъ засвѣтилось надъ черною тучей
И глянуло солнце изъ тьмы;
Весна,—мы сидѣли подъ ивой плакучей
И плакали, плакали мы.

30 мар.1891.

ЉЕТО

I.

Какъ здѣсь свѣжо подъ липою густою!
Полдневный зной сюда не проникалъ,
И тысячи висящихъ надо мною
Качаются душистыхъ опахалъ.

А тамъ, вдали, сверкаетъ воздухъ жгучій,
Колебляся, какъ будто дремлетъ онъ.
Такъ рѣзко-сухъ снотворный и трескучій
Кузнечиковъ неугомонный звонъ...

За мглой вѣтвей синѣютъ неба своды,
Какъ дымкою подернуты слегка,—
И, какъ мечты почіющей природы,
Волнистыя проходятъ облака.

(1854).

II.

ВЪ САДУ

Привѣтствую тебя, мой добрый, старый садъ,
Цвѣтущихъ лѣтъ цвѣтущее наслѣдство!
Съ улыбкой горькою я пью твой ароматъ,
Которымъ нѣкогда мое дышало дѣтство.

Густыя липы тѣ жь, но заросли слова,
Которыя въ тѣни я вырѣзалъ искусно;
Хватаетъ за ноги заглохшая трава,
И чувствую, что тамъ, въ лѣсу, мнѣ будетъ грустно.

Какъ будто съ трепетомъ здѣсь каждаго листа
Моя пробудится и затрепещетъ совѣсть,
И станутъ лепетать знакомыя мѣста
Давно забытую, оплаканную повѣсть.

И скажутъ: „помнимъ мы, какъ ты игралъ и росъ;
Мы помнимъ, какъ потомъ, въ послѣдній часъ разлуки,
Вѣнкомъ изъ молодыхъ и благовонныхъ розъ
Тебя здѣсь нѣжныя благословляли руки“.

„Скажи: гдѣ розы тѣ, которыя такой
Веселой радостью и свѣжестью дышали?“
Однѣ я раздарилъ съ безумствомъ и тоской,
Другія растерялъ, — и всѣ онѣ увяли.

А вы, вы молоды и пышны до конца!
Я радъ... и радости вполнѣ вкусить не смѣю;
Стою, какъ блудный сынъ передъ лицомъ отца,
И плакать бы хотѣлъ — и плакать не умѣю!

(1855).

III.

Я былъ опять въ саду твоемъ,
И увела меня аллея
Туда, гдѣ мы весной вдвоемъ
Бродили, говорить не смѣя.

Какъ сердце робкое влекло
Излить надежду, страхъ и пѣни!
А юный листъ тогда на зло
Намъ посылалъ такъ мало тѣни.

Теперь и тѣнь въ саду темна,
И травъ сильнѣй благоуханье;
За то—какая тишина,
Какое томное молчанье!

Одинъ, зарею, соловей,
Таясь во мракѣ, робко свищетъ,
И подъ навѣсами вѣтвей
Напрасно взоръ кого-то ищетъ.

(1859).

IV.

Зрѣетъ рожь надъ жаркой нивой,
И отъ нивы и до нивы
Гонитъ вѣтеръ прихотливый
Золотые переливы.

Робко мѣсяцъ смотритъ въ очи,
Изумленъ, что день не минулъ;
Но широко въ область ночи
День объятія раскинулъ.

Надъ безбрежной жатвой хлѣба,
Межъ заката и востока,
Лишь на мигъ смежаетъ небо
Огнедышащее око.

(1860).

V.

ДОЖДЛИВОЕ ЛѢТО

Ни тучки нѣтъ на небосклонѣ,
Но крикъ пѣтушій — бури вѣсть,
И въ дальнемъ колокольномъ звонѣ
Какъ будто слезы неба есть.

Покрыты слегшими травами,
Не зыблютъ колоса поля,
И, пресыщенная дождями,
Не вѣритъ солнышку земля.

Подъ кровлей влажной и раскрытой
Печально праздное житье;
Серпа съ косой, давно отбитой,
Въ углу тускнѣетъ лезвіе.

(1863).

VI.

Солнце нижетъ лучами въ отвѣсъ,
И дрожатъ испареній струи
У окраины яркихъ небесъ;
Распахни мнѣ объятья твои,
Густолистый, развѣсистый лѣсъ!

Чтобъ въ лицо и въ горячую грудь
Хлынулъ вздохъ твой студеной волной,
Чтобъ и мнѣ было сладко вздохнуть;
Дай устами и взоромъ прильнуть
У корней мнѣ къ водѣ ключевой.

Чтобъ и я въ этомъ морѣ исчезъ,
Потонулъ въ той душистой тѣни,
Что раскинулъ твой пышный навѣсъ;
Распахни мнѣ объятья твои,
Густолистый, развѣсистый лѣсъ!

(1863).

VII.

Ты видишь, за спиной косцовъ
Сверкнули косы блескомъ чистымъ,
И поздній паръ отъ ихъ котловъ
Упитанъ ужиномъ душистымъ.

Лиловымъ дымомъ даль поя,
Въ сіяньи тонетъ дня свѣтило,
И набѣжавшихъ тучъ края
Стекломъ горючимъ окаймило.

Уже, подрѣзанъ, каждый рядъ
Цвѣтовъ лежитъ пахучей цѣпью,
Какая тѣнь и ароматъ
Плывутъ надъ меркнущею степью!

Въ душѣ смиренной уясни
Дыханье ночи непорочной,
И, до огней зари восточной,
Подъ звѣзднымъ пологомъ усни!

(1864).

VIII.

НЕЖДАННЫЙ ДОЖДЬ

Все тучки, тучки, а кругомъ
Все сожжено, все умираетъ;
Какой архангелъ ихъ крыломъ
Ко мнѣ на нивы навѣваетъ?

Повиснулъ дождь, какъ легкій дымъ;
Напрасно степь кругомъ алкала,
И надо мною лишь однимъ
Зарею радуга стояла.

Смирись, мятущійся поэтъ!
Съ небесъ нисходитъ жизни влага;
Чего ты ждешь, того и нѣтъ,
Лишь незаслуженное — благо.

Я, — ничего я не могу,
Одинъ лишь можетъ, Кто, могучій,
Воздвигъ прозрачную дугу,
И живоносныя шлетъ тучи.

(1883).

IX.

Вотъ и лѣтніе дни убавляются.
Гдѣ же лѣта лучи золотые?
Только сѣрыя брови сдвигаются,
Только зыблются кудри сѣдыя.

Нынче утромъ, судьбиною горькою
Истомленный, вздохнулъ я немножко:
Рано-рано румяною зорькою
На мгновенье зардѣлось окошко.

Но опять это небо ненастное
Безотрадно нависло надъ нами,—
Знать опять, мое солнышко красное,
Залилось ты, вставая, слезами!

19 іюня 1887.

X.

Задрожали листы, облетая,
Тучи неба закрыли красу,
Съ поля буря ворвавшися злая
Рветъ и мечетъ, и воетъ въ лѣсу.

Только ты, моя милая птичка,
Въ тепломъ гнѣздышкѣ еле видна,
Свѣтлогруда, легка, невеличка,
Не запугана бурей одна.

И грохочетъ громовъ перекличка,
И шумящая мгла такъ черна...
Только ты, моя милая птичка,
Въ тепломъ гнѣздышкѣ еле видна.

13 іюля 1887.

XI.

Дулъ сѣверъ. Плакала трава
И вѣтви о недавнемъ зноѣ,
И розъ, проснувшихся едва,
Сжималось сердце молодое.

Стоялъ угрюмъ тѣнистый садъ,
Забывъ о пѣньи голосистомъ;
Лишь соловьихи робкихъ чадъ
Хрипливымъ подзывали свистомъ.

Прошла пора влюбленныхъ грёзъ,—
Зачѣмъ еще томиться тщетно?
Но вдругъ — одинъ любовникъ розъ
Запѣлъ такъ ярко, беззавѣтно!

Прощай, соловушко! — И я
Готовъ на мигъ воскреснуть тоже,
И пѣснь послѣдняя твоя
Всѣхъ вешнихъ пѣсенъ мнѣ дороже.

(1888).

ОСЕНЬ

I.

ХАНДРА.

1.

Непогода, осень.... Куришь,
Куришь — все какъ будто мало.
Хоть читалъ бы,—только чтенье
Подвигается такъ вяло!

Сѣрый день ползетъ лѣниво,
И болтаютъ нестерпимо
На стѣнѣ часы стѣнные
Языкомъ неутомимо;

Сердце стынетъ по немногу,
И, у жаркаго камина,
Лѣзетъ въ голову больную
Все такая чертовщина!

Надъ дымящимся стаканомъ
Остывающаго чаю,
Слава Богу! понемногу,
Будто вечеръ, засыпаю...

2.

Не ворчи, мой котъ мурлыка,
Въ неподвижномъ полуснѣ!
Безъ тебя темно и дико
Въ нашей сторонѣ;

Безъ тебя все та же печка,
Тѣ же окна, какъ вчера;
Тѣ же двери, та же свѣчка
И — опять хандра...

(1850).

II.

СТАРЫЙ ПАРКЪ

Сбирались умирать послѣдніе цвѣты
И ждали съ грустію дыханія мороза;
Краснѣли по краямъ кленовые листы,
Горошекъ отцвѣталъ и осыпалась роза.

Надъ мрачнымъ ельникомъ проснулася заря,
Но яркости ея не радовались птицы;
Однообразный свистъ лишь слышенъ снѣгиря,
Да раздражаетъ пискъ насмѣшливой синицы.

Бесѣдка старая надъ пропастью видна.
Вхожу,—два льва безъ лапъ на лѣстницѣ встрѣчаютъ...
Полузатертыя, чужія имена,
Сплетаясь межъ собой, въ глазахъ моихъ мелькаютъ.

Гляжу,—у ногъ моихъ, отвѣсною стѣной
Мнѣ сосенъ кажутся недвижныя вершины,
И горная тропа, размытая водой,
Віясь какъ желтый змѣй, бѣжитъ на дно долины.

И солнце вырвалось изъ тучи, — и лучи,
Блеснувъ, какъ молнія, въ долину долетѣли.
Отсюда вижу я, какъ бьютъ въ прудѣ ключи,
И надъ травой стоятъ недвижныя форели.

Одинъ. Ничьихъ шаговъ не слышу за собой,
Въ душѣ — уныніе, усиліе во взорѣ.
А тамъ, за соснами, какъ куполъ голубой,
Стоитъ безстрастное, безжалостное море.

Какъ чайка, парусъ тамъ бѣлѣетъ въ высотѣ.
Я жду, потонетъ онъ, — но онъ не утопаетъ,
И, медленно скользя по выгнутой чертѣ,
Какъ волокнистый слѣдъ пропавшей тучки таетъ.

(1854).

III.

ОСЕНЬ.

Ласточки пропали,
А вчера, зарей,
Все грачи летали
Да, какъ сѣть, мелькали
Вонъ надъ той горой.

Съ вечера все спится;
На дворѣ темно,
Листъ сухой валится,
Ночью вѣтеръ злится
Да стучитъ въ окно.

Лучше бъ снѣгъ да вьюгу
Встрѣтить грудью радъ!
Словно какъ съ испугу
Раскричавшись, къ югу
Журавли летятъ.

Выйдешь — по неволѣ
Тяжело — хоть плачь!
Смотришь: черезъ поле
Перекати-поле
Прыгаетъ какъ мячъ.

(1855).

IV.

ПСОВАЯ ОХОТА

Послѣдній снопъ свезенъ съ нагихъ полей,
По стоптаннымъ гуляетъ жнивьямъ стадо,
И тянется станица журавлей
Надъ липникомъ замолкнувшаго сада.

Вчера, зарей, впервые у крыльца
Вечерній дождь звѣздами началъ стынуть.
Пора сѣдлать проворнаго донца,
И звонкій рогъ за плечи перекинуть.

Въ поля! въ поля! Тамъ, съ зелени бугровъ,
Охотниковъ внимательные взоры
Натѣшатся на острова лѣсовъ
И пестрые лѣсные косогоры.

Уже давно, осыпавшись съ вершинъ,
Осинниковъ рѣдѣетъ глубь густая
Надъ гулкими извивами долинъ
И ждетъ роговъ, да заливнаго лая.

Семьи волковъ притонъ вчера открытъ.
Удастся ли сегодня травля наша?
Но вотъ русакъ сверкнулъ изъ-подъ копытъ,
Все сорвалось — и заварилась каша.

„Отбей собакъ! скачи на перерѣзъ!“
И красный верхъ папахи вдаль помчался;
Но ужь давно весь голосистый лѣсъ
На злобный лай стократно отозвался.

(1858).

V.

ГЕОРГИНЫ

Вчера, — ужь солнце рдѣло низко, —
Средь георгинъ я шелъ твоихъ,
И, какъ живая одалиска,
Стояла каждая изъ нихъ.

Какъ много пылкихъ, или томныхъ,
Съ наклономъ бархатныхъ ресницъ,
Веселыхъ, грустныхъ и нескромныхъ
Отвсюду улыбалось лицъ!

Казалось, нѣтъ конца ихъ грезамъ
На мягкомъ лонѣ тишины, —
А нынче—утреннимъ морозомъ
Онѣ стоятъ опалены.

Но прежнимъ, тайнымъ обаяньемъ
Отъ нихъ повѣяло опять,
И надъ безмолвнымъ увяданьемъ
Мнѣ какъ-то совѣстно роптать.

(1859).

VI.

ТОПОЛЬ

Сады молчатъ. Унылыми глазами,
Съ уныніемъ въ душѣ, гляжу вокругъ;
Послѣдній листъ разметанъ подъ ногами,
Послѣдній лучезарный день потухъ.

Лишь ты одинъ надъ мертвыми степями
Таишь, мой тополь, смертный свой недугъ,
И, трепеща по прежнему листами,
О вешнихъ дняхъ лепечешь мнѣ какъ другъ.

Пускай мрачнѣй, мрачнѣе дни за днями,
И осени тлетворный вѣетъ духъ;
Съ подъятыми ты къ небесамъ вѣтвями,
Стоишь одинъ и помнишь теплый югъ.

(1860).

VII.

ОСЕНЬЮ

Когда сквозная паутина
Разноситъ нити ясныхъ дней,
И подъ окномъ у селянина
Далекій благовѣстъ слышнѣй,

Мы не грустимъ, пугаясь снова
Дыханья близкаго зимы,
А голосъ лѣта прожитаго
Яснѣе понимаемъ мы.

(1883).

VIII.

ОСЕНЬ

Какъ грустны сумрачные дни
Беззвучной осени и хладной!
Какой истомой безотрадной
Къ намъ въ душу просятся они!

Но есть и дни, когда, въ крови
Золотолиственныхъ уборовъ,
Горящихъ осень ищетъ взоровъ —
И знойныхъ прихотей любви.

Молчитъ стыдливая печаль,
Лишь вызывающее слышно,
И, замирающей такъ пышно,
Ей ничего уже не жаль.

(1884).

IX.

Ты помнишь, что̀ было тогда,
Какъ всюду ручьи бушевали,
И птицъ косяками стада
На сѣверъ, свистя, пролетали.

И видѣли мы средь вѣтвей,
Еще не укрытыхъ листами,
Какъ, глазки закрывъ, соловей
Блаженствовалъ въ пѣснѣ надъ нами.

Къ себѣ зазывала любовь
И блескомъ, и страстью пахучей,
Не только весельемъ дубовъ,
Но счастьемъ и ивы плакучей.

Взгляни же вокругъ ты теперь:
Все грустно молчитъ, умирая,
И настежь раскинута дверь
Изъ прежняго свѣтлаго рая.

И новыхъ привѣтливыхъ звѣздъ,
И новой любовной денницы,
Трудами измучены гнѣздъ,
Взалкали усталыя птицы.

Не можетъ ничто устоять
Предъ этой тоской неизбѣжной,
И скоро пустынную гладь
Одѣнетъ покровъ бѣлоснѣжный.

6 сент. 1885.

X.

ОСЕННЯЯ РОЗА

Осыпалъ лѣсъ свои вершины,
Садъ обнажилъ свое чело,
Дохнулъ сентябрь, и георгины
Дыханьемъ ночи обожгло.

Но, въ дуновеніи мороза,
Между погибшими одна,
Лишь ты одна, царица роза,
Благоуханна и пышна.

На зло жестокимъ испытаньямъ
И злобѣ гаснущаго дня,
Ты, очертаньемъ и дыханьемъ,
Весною вѣешь на меня.

18 сент. 1886.

XI.

Устало все кругомъ: усталъ и цвѣтъ небесъ,
И вѣтеръ, и рѣка, и мѣсяцъ, что родился,
И ночь, и въ зелени потусклой спящій лѣсъ,
И желтый тотъ листокъ, что наконецъ свалился.

Лепечетъ лишь фонтанъ средь дальней темноты,
О жизни говоря незримой, но знакомой...
О, ночь осенняя, какъ всемогуща ты
Отказомъ отъ борьбы и смертною истомой!

24 авг. 1890.
Воробьевка.

XII.

СЕНТЯБРСКАЯ РОЗА

За вздохомъ утреннимъ мороза,
Румянецъ устъ пріотворя,
Какъ странно улыбнулась роза
Въ день быстролетный сентября!

Передъ порхающей синицей
Въ давно безлиственныхъ кустахъ,
Какъ дерзко выступать царицей
Съ привѣтомъ вешнимъ на устахъ,

Расцвѣсть въ надеждѣ неуклонной, —
Съ холодной разлучась грядой,
Прильнуть, послѣдней, опьяненной,
Къ груди хозяйки молодой!

22 ноября 1890.

XIII.

Опавшій листъ дрожитъ отъ нашего движенья,
Но зелени еще свѣжа надъ нами тѣнь;
А что-то говоритъ, средь радости сближенья,
Что этотъ желтый листъ—нашъ слѣдующій день.

Какъ ненасытны мы и какъ несправедливы!
Всю радость явную невѣрный гонитъ страхъ.
Еще такъ ласковы волосъ твоихъ извивы!
Какой живетъ восторгъ на блекнущихъ устахъ!

Идемъ. Надолго ли еще не разлучаться?
На долго ли дышать отрадою? Какъ знать!
Пора за будущность заранѣ не пугаться,
Пора о счастіи учиться вспоминать.

15 янв. 1891.

XIV.

Опять осенній блескъ денницы
Дрожитъ обманчивымъ огнемъ,
И уговоръ заводятъ птицы
Умчаться стаей за тепломъ.

И болью сладостно-суровой
Такъ радо сердце вновь заныть;
И въ ночь краснѣетъ листъ кленовый,
Что, жизнь любя, не въ силахъ жить.

7 сент. 1891.

Оглавленіе первой части.

I.

Элегіи и думы.

I. **Мадонна.** (Я не ропщу на трудный путь земной) . . 3
II. **Ave Maria.** (Ave Maria—лампада тиха) 4
III. **Деревня.** (Люблю я пріютъ вашъ печальный) 5
IV. **Ивы и березы.** (Березы Сѣвера мнѣ милы) 7
V. О, долго буду я, въ молчаньи ночи тайной. 8
VI. Когда мои мечты за гранью прошлыхъ дней 9
VII. Когда мечтательно я преданъ тишинѣ. 10
VIII. Странное чувство какое-то въ нѣсколько дней овладѣло. 11
IX. Я знаю, гордая, ты любишь самовластье 13
X. Ея не знаетъ свѣтъ, она еще ребенокъ 14
XI. Эхъ, шутка—молодость! Какъ новый ранній снѣгъ . 15
XII. Лозы мои за окномъ разрослись живописно, и даже . 16
XIII. Владычица Сіона, предъ тобою 17
XIV. Я зналъ ее малюткою кудрявой 18
XV. Тебѣ въ молчаніи я простираю руку 19
XVI. Не спится. Дай зажгу свѣчу. Къ чему читать? . . . 20
XVII. Не говори, мой другъ: „Она меня забудетъ“ 21
XVIII. Не спрашивай, надъ чѣмъ задумываюсь я 22
XIX. **Муза.** (Не въ сумрачный чертогъ Наяды говорливой). 24
XX. Постой! Здѣсь хорошо! Зубчатой и широкой 26
XXI. **Одинокій дубъ.** (Смотри! Синѣя другъ за другомъ) . 27
XXII. Въ пору любви, мечты, свободы 29
XXIII. О нѣтъ, не стану звать утраченную радость 30
XXIV. Былъ чудный майскій день въ Москвѣ 32
XXV. Подъ небомъ Франціи, среди столицысвѣта 34
XXVI. **Смерти.** (Когда, измученъ жаждой счастья) 35

XXVII. Цѣлый заставила день меня промечтать ты сегодня . 37
XXVIII. **На развалинахъ цезарскихъ палатъ.** (Надъ грудой мусора, гдѣ плющъ тоскливо вьется) 38
XXIX. **Музѣ.** (Надолго-ли опять мой уголъ посѣтила) 40
XXX. **Италія.** (Италія, ты сердцу солгала!) 41
XXXI. Пойду навстрѣчу къ нимъ знакомою тропою 43
XXXII. **Грезы.** (Мнѣ снился сонъ, что сплю я непробудно) . 44
XXXIII. Кричатъ перепела, трещатъ коростели 45
XXXIV. **Старыя письма.** (Давно забытыя, подъ легкимъ слоемъ пыли) 47
XXXV. Не первый годъ у этихъ мѣстъ 48
XXXVI. Жизнь пронеслась безъ явнаго слѣда 49
XXXVII. **Среди звѣздъ.** (Пусть мчитесь вы, какъ я, покорны мигу) 50
XXXVIII. Не тѣмъ, Господь, могучъ, непостижимъ 51
XXXIX. Ты отстрадала, я еще страдаю 52
XL. **Alter ego.** (Какъ лилея глядится въ нагорный ручей). 53
XLI. Окна въ рѣшоткахъ и сумрачны лица 54
XLII. Томительно-призывно и напрасно 55
XLIII. **Смерть.** („Я жить хочу!" кричитъ онъ дерзновенный) . 56
XLIV. Измученъ жизнью, коварствомъ надежды 57
XLV. Въ тиши и мракѣ таинственной ночи 59
XLVI. Когда Божественный бѣжалъ людскихъ рѣчей . . . 60
XLVII. **Ничтожество.** (Тебя не знаю я. Болѣзненные крики). 61
XLVIII. **Никогда.** (Проснулся я. Да, крыша гроба,—руки) . . 63
XLIX. **Добро и зло.** (Два міра властвуютъ отъ вѣка) . . . 65
L. О, этотъ сельскій день и блескъ его красивый . . . 67
LI. **Ласточки.** (Природы праздный соглядатай) 69
LII. **Смерти.** (Я въ жизни обмиралъ и чувство это знаю) . 70
LIII. Страницы милыя опять персты раскрыли 71
LIV. Еще одно забывчивое слово 72
LV. **Теперь.** (Мой прахъ уснетъ, забытый и холодный) . 73
LVI. Кровію сердца пишу я къ тебѣ эти строки 74
LVII. **Свѣточъ.** (Ловецъ, всѣ дни отдавшій лѣсу) 75
LVIII. Я потрясенъ, когда кругомъ 76
LIX. Прости—и все забудь въ безоблачный ты часъ . . . 77
LX. Въ степной глуши, надъ влагой молчаливой 78
LXI. Нѣтъ я не измѣнилъ. До старости глубокой 79
LXII. Когда читала ты мучительныя строки 80
LXIII. **Севастопольское братское кладбище.** (Какой тутъ дышитъ миръ! Какая славы тризна) 81
LXIV. Свѣтилъ намъ день, будя огонь въ крови 82

LXV. Все, все мое, что̀ есть и прежде было 83
LXVI. Съ солнцемъ склоняясь за темную землю 84
LXVII. Однимъ толчкомъ согнать ладью живую 85
LXVIII. Въ полуночной тиши безсонницы моей 86
LXIX. Прости! Во мглѣ воспоминанья 88
LXX. Руку бы снова твою мнѣ хотѣлось пожать 89
LXXI. **Угасшимъ звѣздамъ.** (Долго-ль впивать мнѣ мерцаніе ваше) 90
LXXII. **Поэтамъ.** (Сердце трепещетъ отрадно и больно) . . 91
LXXIII. Хоть счастіе судьбой даровано не мнѣ 92
LXXIV. Еще люблю, еще томлюсь 93
LXXV. На креслѣ отвалясь, гляжу на потолокъ 94
LXXVI. Не упрекай, что я смущаюсь 95
LXXVII. Нѣтъ, даже не тогда, когда, стопой воздушной . . . 96
LXXVIII. Кляните насъ! Намъ дорога свобода 97
LXXIX. Ночь и я, мы оба дышимъ 98
LXXX. О, какъ волнуюся я мыслію больной 99
LXXXI. Все, что̀ волшебно такъ манило 100

II.

МЕЛОДІИ

I. Не отходи отъ меня 103
II. Буря на небѣ вечернемъ 104
III. **Nocturno.** (Ты спишь одинъ, забытъ на мѣстѣ дикомъ). 105
IV. Давно-ль подъ волшебные звуки 106
V. На зарѣ ты ея не буди 107
VI. Я полонъ думъ, когда, закрывши вѣжды 108
VII. Когда я блестящій твой локонъ цѣлую 109
VIII. Я долго стоялъ неподвижно 110
IX. Облакомъ волнистымъ 111
X. Ахъ дитя, къ тебѣ привязанъ 112
XI. Улыбка томительной скуки 113
XII. За кормою струйки вьются 114
XIII. Какъ мошки зарею 115
XIV. **Колыбельная пѣсня сердцу.** (Сердце—ты малютка). 116
XV. Весеннее небо глядится 118
XVI. Недвижныя очи, безумныя очи 119
XVII. Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ! 120

XVIII. Полуночные образы рѣютъ. 121
XIX. **Серенада.** (Тихо вечеръ догораетъ,) 122
XX. **Фантазія.** (Мы одни. Изъ сада въ стекла оконъ) . . 123
XXI. Спи—еще зарею 125
XXII. О, не зови! Страстей твоихъ такъ звонокъ 126
XXIII. **Узникъ.** (Густая крапива) 128
XXIV. Младенческой ласки доступенъ мнѣ лепетъ 129
XXV. Тихо ночью на степи 130
XXVI. Какіе-то носятся звуки 131
XXVII. Люди спятъ; мой другъ, пойдемъ въ тѣнистый садъ . 132
XXVIII. Ты расточительна на милыя слова 133
XXIX. **Лѣсъ.** (Куда ни обращаю взоръ) 134
XXX. Что за ночь! Прозрачный воздухъ скованъ 135
XXXI. **Ива.** (Сядемъ здѣсь, у этой ивы) 136
XXXII. **Знакомкѣ съ юга.** (На Сѣверъ грустный съ пламеннаго Юга) 137
XXXIII. О другъ! Не мучь меня жестокимъ приговоромъ! . . . 138
XXXIV. **Ревель.** (Театръ во мглѣ затихъ. Агата) 139
XXXV. Вчера, увѣнчана душистыми цвѣтами 140
XXXVI. Забудь меня, безумецъ изступленный 141
XXXVII. **Горное ущелье.** (За лѣсомъ лѣсъ и за горами горы). 142
XXXVIII. **Сестра.** (Милой меня называлъ онъ вчера) 143
XXXIX. **Туманное утро.** (Какъ первый золотистый лучъ) . . 144
XL. **Пѣвицѣ.** (Уноси мое сердце въ звенящую даль) . . . 145
XLI. **Балъ.** (Когда трепещутъ эти звуки) 146
XLII. **Anruf an die Geliebte** (Бетховена). (Пойми хоть разъ тоскливое признанье) 147
XLIII. **У камина.** (Тускнѣютъ угли. Въ полумракѣ) 148
XLIV. **Римскій праздникъ.** (Не напѣвай тоскливой муки) . 149
XLV. Только станетъ смеркаться немножко 150
XLVI. Разстались мы, ты странствуешь далече 151
XLVII. **Цвѣты.** (Съ полей несется голосъ стада) 152
XLVIII. Вчера я шелъ по залѣ освѣщенной 153
XLIX. Нѣтъ, не жди ты пѣсни страстной! 154
L. Въ лѣса безлюдной стороны 155
LI. Яркимъ солнцемъ въ лѣсу пламенѣетъ костеръ . . . 156
LII. Если ты любишь, какъ я, безконечно 157
LIII. Все вокругъ и пестро такъ, и шумно 158
LIV. Прежніе звуки, съ былымъ обаяніемъ 159
LV. Что ты, голубчикъ, задумчивъ сидишь 160
LVI. Сіяла ночь; луной былъ полонъ садъ; лежали 161
LVII. Истрепалися сосенъ мохнатыя вѣтви отъ бури . . . 162

LVIII. Какъ ясность безоблачной ночи 163
LIX. Сны и тѣни 164
LX. **Шопену.** (Ты мелькнула, ты предстала) 165
LXI. **Романсъ.** (Злая пѣснь! Какъ больно возмутила) . . 167
LXII. Только въ мірѣ и есть, что тѣнистый 168
LXIII. Я видѣлъ твой млечный, младенческій волосъ 169
LXIV. Я тебѣ ничего не скажу 170
LXV. Что̀ за звукъ въ полумракѣ вечернемъ? Богъ вѣсть! . 171
LXVI. Моего тотъ безумства желалъ, кто смежалъ 172
LXVII. Все, какъ бывало, веселый, счастливый 173
LXVIII. Не нужно, не нужно мнѣ проблесковъ счастья . . . 174
LXIX. Гаснетъ заря,—въ забытьи, въ полуснѣ 175
LXX. Чуя внушенный другими отвѣтъ 176
LXXI. **Во снѣ.** (Какъ вешній день, твой ликъ приснился снова!) 177
LXXII. Запретили тебѣ выходить 178
LXXIII. Я не знаю, не скажу я 179
LXXIV. Люби меня! Какъ только твой покорный 180

III.

КЪ ОФЕЛІИ

I. Какъ ангелъ неба безмятежный 183
II. Офелія гибла и пѣла 184
III. Не здѣсь ли ты легкою тѣнью 185
IV. Я боленъ, Офелія, милый мой другъ! 186

IV.

ВЕЧЕРА И НОЧИ

I. Право отъ полной души я благодаренъ сосѣду . . . 189
II. Вдали огонекъ за рѣкою 190
III. Я люблю многое, близкое сердцу 191
IV. Скучно мнѣ вѣчно болтать о томъ, что̀ высоко, прекрасно 193
V. Я жду... Соловьиное эхо 194

VI. Здравствуй! Тысячу разъ мой привѣтъ тебѣ, ночь! . . 195
VII. Другъ мой, безсильны слова,—одни поцѣлуи всесильны. 196
VIII. Ночью какъ-то вольнѣе дышать мнѣ 197
IX. Радъ я дождю... Отъ него тучнѣетъ мягкое поле . . 198
X. Долго еще прогоритъ Веспера скромная лампа 199
XI. Теплымъ вѣтромъ потянуло 200
XII. Слышишь-ли ты, какъ шумитъ вверху угловатое стадо? 201
XIII. Каждое чувство бываетъ понятнѣй мнѣ ночью, и каждый 202
XIV. Что за вечеръ! А ручей 203
XV. Лѣтній вечеръ тихъ и ясенъ 205
XVI. Любо мнѣ въ комнатѣ ночью стоять у окошка въ потемкахъ 206
XVII. **Венеція ночью.** (Лунный свѣтъ сверкаетъ ярко) . . 207
XVIII. Если зимнее небо звѣздами горитъ 208
XIX. Въ долгія ночи, какъ вѣжды на сонъ не сомкнуты . 209
XX. Растутъ, растутъ причудливыя тѣни 210
XXI. Какое счастіе: и ночь, и мы одни! 211
XXII. **Степь вечеромъ.** (Клубятся тучи, млѣя въ блескѣ аломъ) 212
XXIII. Надъ озеромъ лебедь въ тростникъ потянулъ 214
XXIV. **Вечеръ.** (Прозвучало надъ ясной рѣкою) 215
XXV. Послѣдній звукъ умолкъ въ лѣсу глухомъ 216
XXVI. **На лодкѣ.** (Ты скажешь, брося взоръ по голубой равнинѣ) 217
XXVII. Шопотъ, робкое дыханье 219
XXVIII. На стогѣ сѣна, ночью южной 220
XXIX. Какая ночь! На всемъ какая нѣга! 221
XXX. Заря прощается съ землею 222
XXXI. Молчали листья, звѣзды рдѣли 223
XXXII. **Колокольчикъ.** (Ночь нѣма, какъ духъ безплотный). 224
XXXIII. Въ темнотѣ, на треножникѣ яркомъ 225
XXXIV. Мѣсяцъ зеркальный плыветъ по лазурной пустынѣ . 226
XXXV. Съ какой я нѣгою желанья 227
XXXVI. Блескомъ вечернимъ овѣяны горы 228
XXXVII. Въ дымкѣ невидимкѣ 229
XXXVIII. Одна звѣзда межъ всѣми дышитъ 230
XXXIX. Какъ нѣжишь ты, серебряная ночь 231
XL. Ты такъ любишь гулять 232
XLI. Солнце садится, и вѣтеръ утихнулъ летучій 234
XLII. Молятся звѣзды, мерцаютъ и рдѣютъ 235
XLIII. **Въ лунномъ сіяніи.** (Выйдемъ съ тобой побродить) . 236

XLIV. Въ вечеръ такой золотистый и ясный 237
XLV. Благовонная ночь, благодатная ночь 238
XLVI. Сегодня всѣ звѣзды такъ пышно 239
XLVII. Отъ огней, отъ толпы безпощадной 240
XLVIII. Только мѣсяцъ взошелъ 241
XLIX. Ночь лазурная смотритъ на скошенный лугъ 242

V.

ВЕСНА

I. Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ 245
II. Ужь верба вся пушистая 246
III. Теплый вѣтеръ тихо вѣетъ 247
IV. Еще весна,—какъ будто неземной 248
V. Полно спать: тебѣ двѣ розы 249
VI. **Весеннія мысли.** (Снова птицы летятъ издалека) . . 250
VII. Еще весны душистой нѣга 251
VIII. **Пчелы.** (Пропаду отъ тоски я и лѣни) 252
IX. **Первый ландышъ.** (О первый ландышъ! Изъ-подъ снѣга) 253
X. **На Днѣпрѣ въ половодье.** (Свѣтало. Вѣтеръ гнулъ упругое стекло) 254
XI. **Сосны.** (Средь кленовъ дѣвственныхъ и плачущихъ березъ) 256
XII. **Весна на дворѣ.** (Какъ дышитъ грудь свѣжо и емко). 257
XIII. **Больной.** (Его томилъ недугъ. Тяжелый зной печей). 258
XIV. **Рыбка.** (Тепло на солнышкѣ. Весна) 259
XV. **Весенній дождь.** (Еще свѣтло—предъ окномъ) . . . 261
XVI. Еще акація одна 262
XVII. **Мотылекъ мальчику.** (Цвѣты киваютъ мнѣ, головки наклоня) 264
XVIII. Опять незримыя усилья 265
XIX. Тихонько движется мой конь 267
XX. Пришла,—и таетъ все вокругъ 268
XXI. **Майская ночь.** (Отсталыхъ тучъ надъ нами пролетаетъ) 269
XXII. Всю ночь гремѣлъ оврагъ сосѣдній 270
XXIII. Глубь небесъ опять ясна 271
XXIV. Еще, еще! Ахъ, сердце слышитъ 272

XXV. Когда, во слѣдъ весеннихъ бурь 273
XXVI. Я радъ, когда съ земнаго лона 274
XXVII. Я ждалъ. Невѣстою царицей 275
XXVIII. Съ гнѣздъ замахали крикливыя цапли 276
XXIX. Садъ весь въ цвѣту 277
XXX. Нынѣ первый мы слышали громъ 278
XXXI. Жду я, тревогой объятъ 279
XXXII. **На разсвѣтѣ.** (Плавно у ночи съ чела) 280
XXXIII. **Кукушка.** (Пышныя гнутся макушки) 281
XXXIV. Изъ дебрей туманы несмѣло 282
XXXV. Сплю я. Тучки дружныя 283
XXXVI. **Зной.** (Что за зной! Даже тутъ подъ вѣтвями) . . . 284
XXXVII. Роями поднялись крылатыя мечты 285
XXXVIII. Была пора, и ледъ потока 286
XXXIX. Мы встрѣтились вновь послѣ долгой разлуки 287

VI.

ЛѢТО

I. Какъ здѣсь свѣжо подъ липою густою! 291
II. **Въ саду.** (Привѣтствую тебя, мой добрый, старый садъ) 292
III. Я былъ опять въ саду твоемъ 294
IV. Зрѣетъ рожь надъ жаркой нивой 295
V. **Дождливое лѣто.** (Ни тучки нѣтъ на небосклонѣ) . . 296
VI. Солнце нижетъ лучами въ отвѣсъ 297
VII. Ты видишь, за спиной косцовъ 298
VIII. **Нежданный дождь.** (Все тучки, тучки, а кругомъ) . 299
IX. Вотъ и лѣтніе дни убавляются 300
X. Задрожали листы, облетая 301
XI. Дулъ сѣверъ. Плакала трава 302

VII.

ОСЕНЬ

I. **Хандра.** 1) (Непогода, осень... Куришь) 305
2) Не ворчи, мой котъ мурлыка 306
II. **Старый паркъ.** (Сбирались умирать послѣдніе цвѣты). 307
III. **Осень.** (Ласточки пропали) 309

IV. **Псовая охота.** (Послѣднiй снопъ свезенъ съ нагихъ полей) 311
V. **Георгины.** (Вчера,—ужь солнце рдѣло низко) 313
VI. **Тополь.** (Сады молчатъ. Унылыми глазами) 314
VII. **Осенью.** (Когда сквозная паутина) 315
VIII. **Осень.** (Какъ грустны сумрачные дни) 316
IX. Ты помнишь, что̀ было тогда 317
X. **Осенняя роза.** (Осыпалъ лѣсъ свои вершины) 319
XI. Устало все кругомъ: усталъ и цвѣтъ небесъ 320
XII. **Сентябрская роза.** (За вздохомъ утреннимъ мороза). 321
XIII. Опавшiй листъ дрожитъ отъ нашего движенья 322
XIV. Опять осеннiй блескъ денницы 323